

9.08.11)
Ч-44
✓
АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. В. Ч Е П К О

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
БЕЛОРУССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА

ЛОЖИТ

501175

МИНСК 1966

Книга посвящена важной и актуальной в советской исторической науке проблеме генезиса капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии в первой половине XIX века. Автор раскрывает сущность и степень разложения феодального способа производства и проникновения капиталистических форм в помещичье хозяйство: быстрый рост товарности, развитие предпринимательства, проведение агротехнических усовершенствований, применение наемного труда и пр.

Много места отведено исследованию состояния крестьянского хозяйства и положения крестьянства Белоруссии в дореформенный период. По-новому освещаются связь крестьянского хозяйства с рынком, крестьянские промыслы, дифференциация крестьянства.

Рассчитана на научных работников, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов.

БДУ им. В. И. Ляв.

№ _____

БД

ВВЕДЕНИЕ

В конце XVIII — первой половине XIX века уезды пяти северо-западных губерний Российской империи — Могилевской (11 уездов), Минской (все 9 уездов), Витебской (6 уездов из 12), Гродненской (6 уездов из 9) и Виленской (Ошмянский и Браславский уезды) — считались территорией Белоруссии.

Белорусские земли, находившиеся в течение 600 лет под властью литовских князей, а затем шляхетской Речи Посполитой, в конце XVIII века вошли в состав Российской империи. Воссоединение белорусских и русских земель произошло в результате трех разделов Речи Посполитой: по первому разделу в 1772 году к России отошла восточная часть Белоруссии, на которой были образованы впоследствии две губернии — Могилевская и Витебская; по второму разделу в 1793 году в состав России была включена центральная часть Белоруссии, которая затем вошла в Минскую губернию; после третьего раздела Польши (1795 год) России стала принадлежать западная часть Белоруссии и Литва, здесь образовались Гродненская и Виленская губернии.

Численность населения на всей этой территории в конце XVIII века доходила до 3 млн. человек¹.

Длительное господство польских феодалов в Белоруссии не могло не сказаться на ее социально-экономической, политической и культурной жизни. В конце XVIII века Белоруссия была включена в Российскую империю. С этого времени она вступила на путь развития, по которому шла Россия. Однако и в хозяйствен-

¹ Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ), ф. 1374, оп. 1, д. 395, лл. 4—6.

ной, и в общественной жизни Белоруссии еще долгое время продолжали существовать некоторые отличительные черты.

Первая половина XIX века — период больших изменений в социально-экономической жизни Белоруссии и всей России. Направление этих изменений определялось процессом разложения феодально-крепостнической системы хозяйства — формированием и все большим проникновением в жизненный уклад капиталистических отношений.

В промышленности это более проявлялось в быстром увеличении количества предприятий, главным образом мелкотоварного типа и мануфактур. Вместе с тем в промышленности большое место стали занимать предприятия, работающие на вольнонаемном труде. Это происходило вследствие быстрого роста предприятий, принадлежавших купцам и мещанам, и за счет перевода на наемный труд некоторых вотчинных предприятий.)

Развитие производства, увеличение численности промышленных и особенно наемных рабочих — характерная черта периода разложения феодально-крепостнической системы. Однако процесс этот в Белоруссии происходил менее интенсивно, чем в развитых центральных губерниях России. Здесь к концу 50-х годов, накануне отмены крепостного права, процент вольнонаемных рабочих составлял почти половину всех промышленных рабочих.

Огромным препятствием на пути развития промышленности, роста капиталистических форм организации производства была барщина, накрепко привязывавшая крестьян к земле, к помещичьему хозяйству, лишавшая их возможности искать на стороне заработок.)

Большинство промышленных предприятий Белоруссии находилось в сельских местностях или в местечках; в городах мануфактурная промышленность в течение первой половины XIX века была развита слабо, господствовало ремесленное производство и предприятия мелкотоварного типа.) Это объяснялось малочисленностью купеческого капитала, конкуренцией со стороны более развитой русской и польской промышленности, а также тем, что росту городской капиталистической промышленности препятствовала вотчинная крепостная промышленность, занимавшая преобладающее место в

ведущих отраслях промышленного производства Белоруссии — суконной, полотняной, стекольной, железнорудной, бумажной.

Слабое развитие промышленности в городах обуславливало относительную узость внутреннего рынка Белоруссии в течение первой половины XIX века. Увеличение городского неземледельческого населения, выросшего за этот период почти в 2,8 раза, несомненно, повысило потребность внутреннего рынка на сельскохозяйственные продукты. Повысился спрос на сельскохозяйственное сырье в таких развивающихся отраслях промышленности, как суконная, сахароваренная, кожевенная и др. Это способствовало росту оборота внутренней торговли. Все же преобладающее место в торговле Белоруссии в первой половине XIX века занимала внешняя торговля. Главными товарами, которые вывозились из Белоруссии, были лес и лесопродукты, водка и спирт, различные сельскохозяйственные продукты — лен, сало, растительное масло, пенька, хлеб, шерсть.

Процесс разложения феодального способа производства проявлялся и в отмирании старых, феодальных форм организации торговли и в расширении новых, капиталистических форм. Это выражалось в сокращении ярмарочной торговли, в росте постоянной лавочной торговли, в увеличении скупщиков сельскохозяйственных продуктов, в установлении более постоянных торговых связей между городом и деревней посредством еженедельных базаров. Широкое вовлечение сельского хозяйства в товарные отношения являлось исходным моментом разложения феодального способа производства.

Развитие производительных сил, дальнейший рост общественного разделения труда привели к изменению условий общественного производства, определявших судьбу феодально-крепостнической системы хозяйства. Во всех сторонах хозяйства происходило разложение старых, феодальных форм общественных отношений и зарождались новые, капиталистические формы.

«Экономическая структура капиталистического общества, — указывает К. Маркс, — выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»¹.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, 1955, стр. 720.

Изучение переходных периодов в истории общества имеет особенно важное значение, так как в эти периоды наиболее ярко определяются все законы общественного развития, наиболее остро проявляются противоречия между старым, отживающим и новым, нарождающимся. В переходные периоды обостряется классовая борьба.

Исследование проблемы разложения феодально-крепостнической системы в Белоруссии, как и в других районах России, имеет большое значение для определения причин гибели феодального способа производства, для изучения социально-экономических условий развития капитализма и формирования самого революционного класса — пролетариата.

В дворянско-буржуазной историографии совершенно отсутствовали какие-либо исследования по социально-экономической истории Белоруссии конца XVIII — первой половины XIX века.

До революции появилась лишь одна небольшая работа М. В. Довнар-Запольского «Страница из истории крепостного права в XVIII—XIX вв.» (М., 1906), в которой рассматривается один из вопросов, связанных с крепостным помещичьим хозяйством на территории Белоруссии. Работа эта содержит описание нововведений в системе ведения хозяйства, осуществленных в конце XVIII — первой половине XIX века богатыми землевладельцами графами Хрептовичами в трех их имениях.

После Октябрьской революции, давшей вместе с освобождением от всякой эксплуатации государственность народам России, началось изучение истории Белоруссии. Наряду с исследованием ряда вопросов эпохи развитого феодализма историки занялись изучением периода зарождения и развития капитализма — XIX века.

В 20-е годы круг изучаемых вопросов, связанных с переходным этапом от феодализма к капитализму, был еще крайне узок. В 1926 году была опубликована большая работа М. В. Довнар-Запольского «Народное хозяйство Белоруссии (1861—1914 гг.)» (Минск, 1926), в которой впервые дана широкая картина процесса развития капитализма в Белоруссии. Несколько страниц в этой книге отведено краткому обзору состояния хозяйства в первой половине XIX века. Подчеркнув крайнюю слабость экономики Белоруссии в первой половине

XIX века, автор определяет ее хозяйство как «натуральное, целиком опиравшееся на крестьянский подневольный труд». Белоруссия этого периода, по его мнению, представляла собой арену борьбы трех капиталов — русского, польского и прусского — за сферы влияния. Перевес в этой борьбе русского капитала и усиление его влияния приводило к наводнению рынка Белоруссии российскими промышленными изделиями и, таким образом, вызывало слабость местной промышленности и отсталость всей экономики.

В 20-е годы интерес белорусских исследователей к истории Белоруссии первой половины XIX века сосредоточивается в основном на крестьянском вопросе.

Из работ, написанных белорусскими историками в 20-е годы, можно назвать лишь несколько статей, опубликованных в различных периодических изданиях: М. Мелешко «Паншчына на Беларусі», напечатанная в четырех номерах журнала «Полымя» за 1924—1926 гг.; Д. А. Жаринова «Крестьянская дифференциация перед падением крепостного права» («Працы Беларускага дзяржаўнага універсітэта ў Менску», 1925, № 6—7) и «Прыгонная гаспадарка Беларусі паводле даных расійскай гаспадарчай літаратуры і журналістыкі за 40 гг. XIX ст.» («Полымя», 1928, № 8—9). Эти статьи освещают лишь отдельные частные вопросы сельского хозяйства Белоруссии в первой половине XIX века.

От исследования отдельных вопросов экономического развития Белоруссии первой половины XIX века белорусские историки в 30-е годы перешли к обобщающим работам монографического характера. Лучшей из них является монография К. П. Кернажицкого «Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII—першай палове XIX ст.» (Минск, 1935). На основе изучения архивов в книге дается в основном характеристика крупных помещичьих хозяйств в Могилевской губернии. Автор рассматривает происходящие в Белоруссии в этот период социально-экономические процессы как результат воздействия торгового капитализма. Белоруссия, с точки зрения Кернажицкого, — это колония царской России, ее сырьевой придаток и рынок сбыта промышленных товаров.

Разложению «феодальных связей» в Белоруссии, по мнению Кернажицкого, препятствовала «колониальная

политика царизма». Этим объясняет автор «экономическую отсталость» Белоруссии, господство здесь крепостничества.)

При наличии довольно большого фактического материала книга не дает представления о динамике социально-экономического развития Белоруссии в первой половине XIX века.

Главная ценность монографии К. Кернажицкого состоит в том, что она впервые в белорусской историографии исследовала сущность разложения феодального способа производства в сельском хозяйстве Белоруссии в первой половине XIX века.

Вместе с тем некоторые вопросы освещены в книге крайне недостаточно, а ряд вопросов требует более глубокого и убедительного доказательства. Так, почти совершенно отсутствует в книге характеристика состояния крестьянского хозяйства как помещичьих крестьян, так и государственных, его рыночные связи, неземледельческие промыслы крестьян, крестьянская дифференциация и др. Внимание автора сконцентрировано главным образом на помещичьем хозяйстве.

Книга написана на основе узкого круга источников, на материалах крупнейших имений — Гомельском и Дубровенском — Могилевской губернии, вследствие чего ряд положений остается недостаточно убедительным.

Таким образом, социально-экономическая история Белоруссии первой половины XIX века не получила в довоенный период глубокого и правильного освещения в исторической литературе. Круг рассмотренных вопросов оставался еще узким.

Перед историками Белоруссии в послевоенное время встала большая и серьезная задача — всесторонне осветить социально-экономическую и политическую историю страны в конце XVIII — первой половине XIX века, показать переломный характер этого периода.

Наиболее важной проблемой является проблема генезиса капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии.

Значительной вехой в развитии исторической науки Белоруссии явилось создание в 1953 году I-го тома «Истории БССР». Несмотря, однако, на методологически правильную постановку вопроса о направлении развития Белоруссии в первой половине XIX века, некоторые вопросы из-за недостатка архивных материалов разрешены

в книге не совсем правильно, слабо или вообще не поставлены. Кроме того, объем учебника не позволил достаточно глубоко затронуть все стороны социально-экономической, политической и культурной жизни страны.

Изучение истории Белоруссии первой половины XIX века в 1946—1959 годах проходило по линии собирания материала и разрешения отдельных хронологически и территориально ограниченных вопросов. Результатом этого изучения явился ряд статей, посвященных различным вопросам социально-экономического развития Белоруссии этого периода.

Несколько статей посвящено положению крестьян и крестьянскому движению в первой четверти XIX века: Е. И. Корнейчик «Положение белорусского народа накануне Отечественной войны 1812 г.» («Известия АН БССР», 1947, № 1); М. Д. Мельцер «Из истории крестьянского движения в Белоруссии в первой четверти XIX в.» («Ученые записки Бел. гос. университета», вып. 10, 1950); В. И. Чепко и В. В. Шатилло «Крестьянское движение в Белоруссии в первой четверти XIX века» («Известия АН БССР», 1958, № 3).

Важнейшая проблема истории Белоруссии — состояние сельского хозяйства в период разложения феодально-крепостнических отношений — разработана еще крайне не достаточно.

Среди работ, исследующих эту проблему, можно назвать авторефераты кандидатских диссертаций: А. П. Короткевича «Отмена крепостного права в Витебской губернии» (1954), М. Г. Лысенко «Кризис крепостного хозяйства и реформа 1861 г. в Могилевской губернии» (1955) и Е. И. Фирсовой «Кризис крепостного хозяйства Белоруссии и крестьянское движение в 40—50-е гг. XIX в.» (1956), несколько статей Н. Н. Улащика «Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 г.» («Вопросы истории», 1948, № 12); «Скотоводство в Литве и Западной Белоруссии. 1811—1861 гг.» — «История земледелия СССР», т. IV, стр. 139—172; «Обезземеливание крестьян Литвы и Западной Белоруссии накануне отмены крепостного права» — «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1960, стр. 49—61; «Орудия производства и системы земледелия в помещичьем хозяйстве Литвы и Западной Белоруссии в период разложения феодально-крепостнического

стройка» — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». М., 1961 и др.

В 1965 году вышла монография Н. Н. Улащика «Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии», обобщающая большую исследовательскую работу, основные результаты которой изложены в его ранее опубликованных статьях.

Таким образом, проблема разложения феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве Белоруссии в первой половине XIX века до сего времени решалась лишь в пределах исследований по отдельным вопросам. Проблема дробилась как хронологически, так и территориально.

В настоящей работе сделана попытка глубже, полнее исследовать явления, происходившие в сельском хозяйстве Белоруссии в первой половине XIX века.

Основными источниками для написания работы явились архивные документы. Многие из них введены в научный оборот впервые. В работе широко используется такой важный источник, как инвентари помещичьих и казенных имений первой половины XIX века. Интересным и богатым источником обобщающего характера являются годовые отчеты губернаторов; использованы печатные материалы, статистические описания, материалы из периодической печати.

ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

1. ПОМЕЩИЧЬЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

По характеру помещичьего землевладения Белоруссия в первой половине XIX века относилась к районам крупных владений. Крупные помещичьи землевладения составляли здесь высокий процент. Сложились они во время господства польских магнатов. В конце XVIII — начале XIX века к помещичьим землевладениям добавились земельные раздачи царского правительства русским дворянам. Огромные земельные владения с десятками тысяч крестьян в 70-е годы были пожалованы Екатериной II в Могилевской губернии многим помещикам. Графу Завадовскому, например, была отдана Могилевская экономия с 25 860 крестьянами, Потемкину — Кричевское староство (14 250 крестьян), Зоричу — местечко Шклов и несколько деревень с 11 800 крестьянами, Румянцеву — Гомельское староство (более 11 100 крестьян), Чернышеву — Чечерское староство с 5100 крестьянами¹ и т. д.

Распределение помещичьих владений в Белоруссии (данные ревизии 1834 года, %) представлено в табл. 1².

Среди крупнейших помещичьих латифундий выделялись владения Витгенштейна, которому принадлежало до 100 имений в 12 уездах Белоруссии с 500 тыс. десятин земли и около 60 тыс. крепостных крестьян; Радзивиллы владели 50 имениями в 7 уездах и 40 тыс. крестьян; Румянцеву (а затем Паскевичу) принадлежало более

¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. XVIII, д. 244; П. Жукович. О русском землевладении в Северо-Западном крае со времени присоединения его к России. СПб., 1895, стр. 7.

² К. Кернажицкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII — першай палове XIX ст. Мінск, 1935, стр. 106.

ТАБЛИЦА I

Губерния	Мелкие владения (до 100 душ)		Средние владения (100—500 душ)		Крупные владения (свыше 500 душ)	
	дворян	крестьян	дворян	крестьян	дворян	крестьян
Виленская	86,4	23,9	12,0	40,0	1,6	36,1
Витебская	70,8	13,7	24,8	43,0	4,4	40,3
Гродненская	78,9	17,8	16,8	35,7	4,3	46,5
Минская	78,2	13,9	17,4	28,2	4,4	57,9
Могилевская	78,5	12,6	16,8	29,6	4,7	57,8
<u>Всего</u>	79,5	15,8	16,9	34,6	3,6	49,6

200 тыс. десятин земли и свыше 28 тыс. крестьян¹. Князь-ям Любомирским в Оршанском уезде Могилевской губернии в начале XIX века принадлежало свыше 250 тыс. десятин земли и более 28 тыс. душ крепостных².

Особенностью помещичьих хозяйств Белоруссии является раздробленность крупных земельных владений по отдельным сравнительно небольшим имениям. Каждое из таких имений находилось в ведении управляющего или же сдавалось в аренду дворянам на несколько лет. Такая система управления земельными владениями приводила к хозяйственной обособленности этих имений, затрудняла применение различных нововведений в сельскохозяйственном производстве. Огромные земельные владения Витгенштейнов были распылены более чем на 100 имений, в которых было от 200 до 500 крепостных крестьян (обоего пола); только в 25 имениях было свыше 1000 душ крепостных. Крупнейшие из этих имений: «Орлец» в Гродненской губернии (22 деревни, 4500 душ крестьян, 30 тыс. десятин земли)³, «Замирье» (4750 душ), «Смолевичи» (4100 душ), «Еремичи» (2550 душ), «Ко-

¹ Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, т. 5, 6. СПб, 1870.

² К. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі, стр. 49.

³ П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 1. СПб, 1863, стр. 726.

реличи» (2600 душ), «Любча» (2100 душ) в Минской губернии.

В каждом из 50 имений Радзивиллов было от 250 до 800 крепостных; выделялись среди них лишь несколько крупных имений: «Тимковичи» (около 5500 крепостных крестьян и 16 тыс. десятин земли), «Селище» (до 3000 крестьян и более 10 тыс. десятин), «Гресск» (2900 душ и около 7500 десятин земли), «Полонечно» (2050 крестьян и 3760 десятин земли) — и несколько менее крупных.

Во всех пяти губерниях Белоруссии из 9 тыс. помещичьих имений в 40—50-е годы было лишь несколько больших хозяйств. Концентрировались земли в одном месте, это позволяло вести многоотраслевое хозяйство. Такими крупнейшими имениями в Могилевской губернии были Гомельское имение Румянцева (проданное в 1835 году Паскевичу), в нем насчитывалось 13 фольварков, 28 тыс. крепостных и 60 тыс. десятин пахотной земли¹; имение «Дубровно» в Оршанском уезде, принадлежавшее князьям Любомирским, в нем было 15 фольварков, 11 тыс. душ крепостных крестьян и до 22 тыс. десятин пахотной земли²; имение «Хотимск» Климовичского уезда, принадлежавшее помещику Голынскому, в нем — 9 фольварков, 32 деревни, до 7300 крестьян, свыше 37 500 десятин земли³; имение «Селец» княгини Замойской в Гродненской губернии, состоявшее из 37 деревень, 30 тыс. десятин земли и более 8 тыс. душ крестьян⁴; имение «Борисовщина» Борисовского уезда Минской губернии, которым владел великий князь Николай Николаевич, насчитывало более 14 500 крестьян; имение «Городно» в Лидском уезде, принадлежавшее графу Потоцкому, имело 12 фольварков, свыше 5000 крепостных крестьян, более 12 тыс. десятин пашни; граф Хрептович владел имением «Вишнево» в Ошмянском уезде, в котором было 4800 крепостных крестьян; в имении «Воложин» графа Тышкевича было до 7600 крестьян; имения «Орлец» (4500 душ), «Замирье» (до 4750 душ), «Смолевичи»

¹ Центральный государственный исторический архив БССР (ЦГИА БССР), ф. 2240, оп. 1, д. 2.

² Там же, ф. 2548, оп. 1, д. 60.

³ Там же, ф. 457, д. 152.

⁴ П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 1, стр. 726.

(около 4100 душ) Витгенштейна, «Тимковичи» (до 5500 душ) князя Радзивилла также относились к крупнейшим хозяйствам. В Витебской губернии среди крупных имений можно назвать имение «Бешенковичи» Хрептовича (около 2500 душ крестьян)¹. Всего в пяти губерниях Белоруссии в 50-е годы помещиков, имевших более 2 тыс. крепостных крестьян (обоих полов), было 150, что составляло немногим больше 1,6% общего числа дворян; имений же, в которых насчитывалось больше 2 тыс. крепостных, — всего около 50, т. е. лишь немногим более 0,4% всего количества имений.

В Белоруссии преобладали небольшие имения, в них насчитывалось от 21 до 100 крепостных (мужского пола); таких имений в пяти губерниях было более 6700, что составляло почти 73,2% от общего числа помещичьих имений. Значительное преобладание небольших помещичьих хозяйств существенно отразилось на характере развития сельскохозяйственного производства, на степени участия их в товарно-денежных отношениях и формах этого участия, на степени проникновения в них новых методов хозяйствования.

В каждом помещичьем имении Белоруссии (за редким исключением) велось собственное хозяйство, существовала барская запашка. Размеры этой запашки различались в зависимости от общей величины земельных пространств того или иного имения, от численности крепостных крестьян, от направления сельскохозяйственного производства того или иного хозяйства.

Сравнивая данные о размерах помещичьей запашки в конце XVIII — середине XIX века, можно убедиться, что она значительно выросла.

В 50—80-е годы XVIII века барская запашка составляла всего 7—13% от общей площади пахотных земель имения.

Из 800 просмотренных инвентарей помещичьих имений по Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской губерниям² в большинстве имений (87%) помещичья пашина составляла от 20 до 60%.

Распределение имений в зависимости от размеров помещичьей пашни характеризуется следующими данными:

¹ Приложения к трудам редакционных комиссий, т. 6. СПб, 1860.

² ЦГИА БССР, фф. 96, 142, 457, 1628.

Размеры барской запашки
ко всей пахотной земле, %

Количество имений

15—20	40
21—30	146
31—40	254
41—50	178
51—60	112
61—70	49
71—80	13
81 и выше	8
Итого	800

Таким образом, почти треть всех рассмотренных помещичьих имений составляли такие, в которых барская запашка занимала $\frac{1}{3}$ всей пахотной земли; более чем в $\frac{1}{3}$ имений барская запашка составляла почти половину пашни; в $\frac{1}{5}$ части имений она составляла 51—70% и в $\frac{1}{5}$ — от 15 до 30% пахотной земли. Менее 15% всей пашни имения помещичья запашка почти не встречалась, в весьма незначительном количестве имений она составляла более 70%.

Наибольший процент помещичья запашка составляла в имениях Гродненской и Минской губерний. Здесь распространенный размер запашки равен 31—50% от всей пахотной земли. В Гродненской губернии таких имений было более 58%, в Минской—свыше 52%. В Гродненской губернии почти не встречаются имения с барской запашкой менее 20% и вместе с тем с запашкой в 51—70% насчитывалось более 18%. В Минской губернии имений с процентом запашки менее 20 было 18,5%, с запашкой свыше 50%—до $\frac{1}{10}$ имений. Витебская и особенно Могилевская губернии несколько отличались по размерам помещичьей запашки от Гродненской и Минской: в Витебской губернии имений, где процент запашки составлял 31—50, было немногим более 45%, 21—30—свыше 33%. Больше было имений, где процент запашки составлял 15—20 (15%). Вместе с тем меньше было имений с запашкой, занимавшей более половины всей земли. В Могилевской губернии преобладали имения с запашкой в 21—30% (40% всех имений), а также с 15—20% запашки (около 29%).

Еще больший процент составляли в 40-е годы помещичьи сенокосы по отношению ко всем сенокосным угодьям имений; здесь наблюдалось больше разнообразия в

соотношении помещичьих и крестьянских сенокосов в зависимости от количества крестьянских дворов и поголовья скота у крестьян, от состояния скотоводства в помещичьем хозяйстве, от наличия сенокосов в имении и т. д. В среднем помещичьи сенокосы составляли не менее 30% всех сенокосов. Максимальный же процент достигал 70—80. Наибольших размеров помещичьи сенокосы достигали в Гродненской и Мийской губерниях, в первой из них в подавляющем большинстве имений (главным образом крупных и средних) сенокосы помещика составляли 45—55% всех сенокосных земель. Следует при этом отметить, что лучшие сенокосы всегда находились в распоряжении помещика; по данным инвентарей видно, что на крестьянских сенокосах с десятины сена собирали меньше, чем у помещика.

Сенокосы в помещичьих хозяйствах по отношению к пахотной земле всегда составляли меньшую часть. В Минской губернии в 1846 году в помещичьих имениях (в пользовании помещиков) пахотной земли было 438 472 десятины, сенокосной — 176 415 десятин¹, т. е. соотношение пашни к сенокосу было 2,5 : 1; в Гродненской губернии на 361 965 десятин помещичьей пашни приходилось 154 259 десятин сенокоса², т. е. соотношение этих угодий равнялось 2,3 : 1. В различных имениях соотношение это несколько изменялось в зависимости от хозяйственных интересов владельца.

Заметный рост помещичьей пахотной земли произошел в 40—50-е годы XIX века, т. е. в период особенного усиления процесса разложения феодального способа производства и развития товарно-денежных отношений. Данные об изменении величины пахотных и сенокосных угодий по губерниям с XVII по XX век приводит М. А. Цветков³. Здесь использованы данные за 16 лет — с 1845 по 1861 год — по четырем основным губерниям Белоруссии⁴ (см. табл. 2). Из данных таблицы следует, что в целом по четырем белорусским губерниям общая пло-

¹ И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 1. СПб, 1864, стр. 79—80.

² П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2. СПб, 1863, стр. 241.

³ М. А. Цветков. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957.

⁴ Там же, стр. 114, 115.

щадь распаханной земли выросла за 16 лет на 540 тыс. га, т. е. годовой прирост в среднем равнялся 33 750 га. Увеличение пахотных угодий по отношению ко всей площади этих губерний составило 2,4%. Особенно большой рост пахотной земли наблюдался в Гродненской (9% от ~~всей площади губернии~~) и Могилевской губерниях (8%). Минская губерния дала сокращение пахотной земли более чем на 5% по отношению к общей площади губернии. Если принять пахотную землю в 1845 году за 100%, то увеличение ее в 1866 году в Гродненской губернии составило 30%, в Могилевской — 21,6, в Витебской — 16%; только в Минской губернии пахотные земли уменьшились почти на 18,9%. В целом по четырем белорусским губерниям этот прирост составил 7%.

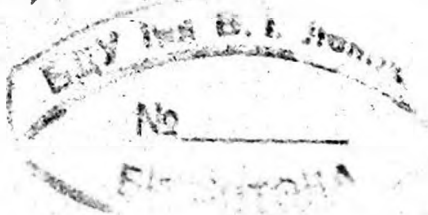
С полным основанием увеличение пахотных угодий можно отнести главным образом за счет помещичьей земли. (За период с 1845 по 1861 год крестьянские наделы не увеличивались, более того, помещики всячески стремились отрезать часть крестьянских земель в свою пользу.) За эти же годы, судя по данным окладных книг Министерства финансов, податное крестьянское население белорусских губерний не увеличилось¹ и, следовательно, расширение пахотных земель в связи с естественным приростом земледельческого населения не происходило. В Витебской, Могилевской и Гродненской губерниях к 1861 году выросли сенокосные угодья соответственно на 38,75 и 25% по отношению к площади сенокосов в 1845 году. По Минской губернии они сократились почти на 18%. В целом по Белоруссии сенокосные земли уменьшились почти на 14% (за счет Минской губернии).

Увеличение пахотных земель происходило в основном за счет обращения в пашню так называемых «неудобных» земель, а также распахивания участков из-под вырубленных лесов.

(Помещичья пашня выросла к середине XIX века по сравнению с 70—80-ми годами XVIII века в среднем в 3—4 раза.)

Этот рост обуславливался стремлением помещиков в

¹ По 8-й ревизии 1835 года по четырем губерниям Белоруссии земледельческое население составило 1242 тыс. человек; по 9-й ревизии 1851 года — 1433 тыс.; по 10-й 1858 года — 1252 тыс. человек. (М. А. Цветков. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год, стр. 86).

61 ТАБЛИЦА 2

Губерния	Общая площадь губернии, тыс. га	Пашня				Сенокос				Лес				Неудобная			
		1845 г.		1861 г.		1845 г.		1861 г.		1845 г.		1861 г.		1845 г.		1861 г.	
		тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Витебская	4517	1730	38,3	2010	44,5	131	2,9	181	4,0	1816	40,2	1874	41,5	840	18,6	452	10,0
Могилевская	4805	1778	37,0	2162	45,0	192	4,0	337	7,0	1903	39,6	1350	28,1	932	19,4	956	19,9
Минская	9141	2989	32,7	2514	27,5	1755	19,2	1143	12,5	3821	41,8	3958	43,3	576	6,3	1526	16,7
Гродненская	3867	1176	30,4	1527	39,5	334	8,7	418	10,8	1122	29,0	1017	26,3	1235	31,9	905	23,4
Итого по Белоруссии	22330	7673	34,4	8213	36,8	2412	10,8	2079	9,3	8662	38,8	8199	36,7	3583	16,0	3639	17,2
Всего по Россия			16,76		20,0		15,79		14,64		44,76		42,27		22,69		23,0

период усиленного развития товарно-денежных отношений приспособить свое хозяйство к новому времени. Увеличение потребности в сельскохозяйственных продуктах как на внешнем, так и на внутреннем рынке, вызванное ростом торгово-промышленного населения¹, необходимостью в сырье для развивавшейся промышленности², заставляло помещиков производить больше товарной сельскохозяйственной продукции в своих хозяйствах. При слаборазвитых производительных силах, отсталой сельскохозяйственной технике, отсутствии агротехнических усовершенствований главным средством получения большего количества товарной продукции являлось увеличение посевов за счет расширения посевных площадей. В крупных и средних, а также и в некоторых мелких имениях для этого возможности были. В течение первой половины XIX века (особенно в начале) земельные резервы представляли собой так называемые «неудобные» — заросшие кустарником, заболоченные, а то и просто пустующие земли, эти земли пополнялись за счет участков, освобождавшихся в результате вырубки лесов. Такие земли иногда распахивали крестьяне. Так, например, в Гомельском имении они были освоены крестьянами. В 1834 году при покупке имения у Румянцева Паскевич обнаружил, что крестьяне обратили в пашню и сенокосы до 28 тыс. десятин пустовавшей земли и пользовались ею. В своих письмах к управляющему имением Мельникову Паскевич потребовал забрать эти «излишние» земли у крестьян, которыми они, по его мнению, пользовались «незаконно». Паскевич распорядился отмежевать их к фольваркам и обратить под помещичью пашню. Требуя немедленно начать «вырезывать землю на барина», Паскевич предупреждал: «Если не остережься», то крестьяне «станут верстаться в плате подушных и определяют между собой эту землю». Если операция удастся, писал помещик, то можно удвоить доходы имения³.

Увеличение помещичьей запашки — главная забота помещика. Считая, что до сих пор доход имению приносила только половина ревизских душ, Паскевич пишет:

¹ Городское население Белоруссии с 1804 по 1861 год выросло почти в 3 раза — с 114 тыс. до 320 тыс. человек.

² Количество промышленных предприятий выросло с 1809 по 1859 год с 66 до 549, а число рабочих на них — с 1620 до 6510.

³ ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, д. 2, лл. 23—24.

«Чтобы остальные 10 тыс. пахотных давали доход, нужна барская земля»¹. И далее: «...вообще прошу особенное внимание обратить на то, каким образом можно было бы барскую пашню увеличить до того, чтобы не было лишних рабочих». Помимо отнятия у крестьян освоенных и распаханых ими пустошей, Паскевич распорядился для расширения покосов осушить болота, расчистить мелкую лесную поросль².

В крупных большеземельных имениях, угодья которых были разбросаны на значительном пространстве, расширение пахотной земли сопровождалось организацией новых хозяйственных центров — фольварков; вокруг них и сосредоточены были эти земли.

На примере крупнейшего в Белоруссии Гомельского имения можно проследить непрерывный рост помещичьих угодий в течение первой половины XIX века. Распределение земельных угодий (десятин) в имении в разное время отобрано в табл. 3³.

ТАБЛИЦА 3

Земля	1814 г.		1834 г.		1847 г.	
	у помещика	у крестьян	у помещика	у крестьян	у помещика	у крестьян
Пахотная	3315	49403	6044	55222	20625	50580
Сенокосная	1211	18530	3127	20517	9166	22481
Усадьбная	—	—	207	2997	4584	11239
Лес и кустарник	64052	—	62644	31298	52469	—
Неудобная	19974	—	16973	13368	36567	4939
Неограниченная	57015	—	595	—	—	—
Под пасаками	—	57	—	—	—	—
Итого	145567	67900	89590	123402	123411	89239

В 1814 году в имении было 6 фольварков, к 1834 их стало 12, а в середине 40-х годов—14. За 30 с небольшим лет более чем в 6 раз выросла пахотная земля в помещичьих фольварках; особенный рост произошел в 30—40-е годы. Соответственно увеличилась и площадь сено-

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, д. 2, лл. 23—24.

² Там же, лл. 25—26.

³ Там же, дд. 2, 86; ф. 2241, оп. 1, д. 22.

косов. Как видно из таблицы, до 1834 года рост пахотной и сенокосной земли происходил за счет лесных и так называемых «неудобных» земель, площадь которых уменьшилась на столько же, на сколько выросла пашня и сенокос.

Значительный рост помещичьей земли наблюдался в Дубровенском имении князя Константина Любомирского: в 1809 году здесь было 12 фольварков, в них пахотной земли было 744 десятины и сенокосной 228 десятин; в 1830 году стало 15 фольварков, пахотная земля помещика занимала около 2483 десятин, сенокос — 476 десятин¹.

К сожалению, подобными сравнительными данными мы располагаем лишь по очень немногим имениям; эти данные также свидетельствуют о происходившем повсеместно в течение первой половины XIX века росте помещичьей пашни. Так, в имении «Здзенциола» в Гродненской губернии пахотная земля помещика с 1796 по 1840 год выросла с 480 десятин до 1440²; в «Масева» в 1814 году пахота помещика составляла 170 десятин, а в 1845 году — около 250³; в имении «Беловежа» запашка с 1802 по 1845 год выросла почти в 3 раза⁴.

В документах, относящихся к 30—40-м годам XIX века (в жалобах крестьян, донесениях и записках должностных лиц и т. п.), указывается на рост помещичьей запашки зачастую за счет лучших крестьянских земель, отмечается как отличительная черта времени стремление помещиков расширить свои угодья, обработать и засеять возможно больше земли.

Один из помещиков Могилевской губернии в 1845 году писал, что среди причин бедственного положения крестьян в губернии серьезнейшей является чрезмерно выросшая помещичья запашка, которая во многих имениях в сравнении с крестьянской увеличилась более чем вдвое⁵.

Крестьяне имения «Нахимово» Рогачевского уезда в 1846 году жаловались могилевскому губернатору на

¹ К. Кернажицкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі, стр. 126.

² ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, дл. 203, 251.

³ Там же, ф. 31, д. 156.

⁴ Там же, ф. 1143, дл. 210, 264.

⁵ «Могилевские губернские ведомости», 1845, № 49.

помещика, который расширил свою запашку почти в 2,5 раза за счет значительной части лучших крестьянских участков, а крестьян переселил на неудобные земли¹. Подобные же жалобы поступали от крестьян деревни Костиковка Гомельского уезда² и из других имений³.

Расширение помещичьей запашки, безусловно, сопровождалось и увеличением отработочной повинности, так как для обработки большего количества земли требовалось больше рабочего времени. Возросшая потребность в рабочей силе приводила к повсеместной замене уже в первом десятилетии XIX века чиншевой системы барщинной эксплуатацией. В Дубровенском имении Оршанского уезда, принадлежавшем в конце XVIII века графу Потемкину, было 442 «пригонных» (барщинных) волок, а «куничных», плативших чинш по 20 руб. с волокни земли, — 701⁴. В 30-е годы все эти крестьяне стали барщинными, исполняя с тягла по 4 дня барщины в неделю⁵. В Гомельском имении в конце XVIII — начале XIX века больше половины крестьян находилось на чинше (из 14 970 ревизских душ барщинных было 6020); платили они также по 20 руб.⁶ К середине XIX века большинство крестьян Гомельского имения исполняли барщину из 6325 крестьянских дворов только 489 (3123 ревизские души) состояло на оброке и 5336 дворов (13 950 ревизских душ) — на барщине⁷.

В доходах помещичьих имений все большую долю стали занимать поступления с собственного фольварочного хозяйства, от реализации на рынке сельскохозяйственных продуктов, произведенных трудом барщинных крестьян непосредственно на помещичьей запашке, на помещичьих предприятиях и в разных хозяйственных заведениях.

В конце XVIII — начале XIX века основную часть доходов Дубровенского графства, принадлежавшего князьям Любомирским, доставлял чинш. В сумме доходов, равной 398 708 руб., поступивших с Дубровенского

¹ ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, д. 1263, л. 3.

² Там же, ф. 31, оп. 2, д. 111, лл. 10—11.

³ ЦГИАЛ, ф. 1180, т. XV, д. 115, л. 511.

⁴ ЦГИА БССР, ф. 2548, оп. 1, л. 33.

⁵ Там же, д. 60.

⁶ Там же, ф. 2241, оп. 1, д. 18.

⁷ Там же, ф. 2240, оп. 1, д. 86.

имения в 1811 году, 122 131 руб., т. е. свыше 36%, составляли поступления от фольварочного хозяйства, 106 134 руб. (31,3%) давали чинш. Поступления с крестьян натурой — данина — давали 30 104 руб., т. е. около 9%.¹ Данина в начале XIX века взималась такими продуктами, которые можно было выгодно реализовать на рынке, — рожью, овсом, пенькой, холстом, конопляным семенем и т. п. В Гомельском имении в 1807 году с 14 970 ревизских душ крестьян взималось в счет данины: пеньки — 6470 пудов, холста — 23 415 аршин, шерсти — 180 пудов, талых льняных — 7400 штук, конопляных семян — свыше 3000 пудов, масла коровьего — 300 пудов, масла конопляного — 190 пудов, свиной — 150 голов, кур — 5700, яиц — 39 500 штук, сухих грибов — 48 пудов.²

С ростом товаризации помещичьего хозяйства, увеличением посевов на фольварочных запашках в первую очередь из состава данины исчезают такие продукты, как зерновой хлеб, затем лен и пенька. В большинстве имений в середине 40-х годов данина стала играть незначительную роль в общей массе доходов и составлялась из продуктов, по большей части потреблявшихся в самом хозяйстве помещика или продававшихся на ближайшем рынке; кроме того, в данину частично входили продукты, не производившиеся в хозяйстве. Основной состав данины — птица, яйца, грибы, ягоды, мед, в небольшом количестве льняная пряжа; эти продукты не могли составлять заметной статьи дохода имения и в значительной мере потреблялись на месте.

2. РОСТ ТОВАРНОСТИ

К началу второй четверти XIX века подавляющую часть доходов помещичьих имений составляла реализация сельскохозяйственной продукции, производимой непосредственно в помещичьем хозяйстве. Это особенно относится к тем имениям, где не было излишков земли, которые можно было бы отдать в аренду за денежную плату мелкой беспоместной шляхте или «вольным людям», не было и корчем, мельниц, отданных в аренду, рыбных

¹ К. Керн-Жыдзі. Гаспадарка прыгонікаў на Беларусі, стр. 49.

² ЦГНА БССР, ф. 224, оп. 1, л. 18, л. 37.

озер, лесных массивов, дающих доход, а также каких-либо промышленных предприятий. Анализ доходов помещичьих имений в 40-е годы показывает, что часть всех доходов от земледелия (включая и доход от винокурения, на которое затрачивались зерно и картофель с полей помещика) составляла в большинстве имений 70—80%. Оставшиеся 20—30% дохода давали скотоводство, садоводство, аренда мельниц, корчем, рыбных озер¹.

Скотоводство (мясо-молочное) в течение всей первой половины XIX века не играло еще заметной роли в помещичьих хозяйствах. Почти во всех хозяйственных описаниях белорусских губерний отмечается, что в помещичьих имениях мало было скота, содержался он главным образом с целью получения навоза для удобрения полей. Крупное скотоводство не имело тогда товарного характера. (В помещичьих хозяйствах Гродненской губернии «скота содержится мало и в крайней несоразмерности с обширностью запашек, с пространством лугов и с потребностью удобрений... Недостаток скота отнимает средства постоянного унавоживания полей, у многих помещиков поля удабриваются через 6 и 5 лет, а большинство крестьян полей своих не удабривает»². «Разведение крупного рогатого скота не составляет здесь особой отрасли сельского хозяйства [Откармливанием скота на убой занимаются немногие помещики и промышленники-евреи... Немногие помещики содержат улучшенные породы, не извлекая, впрочем, всей пользы от такого скота... Местный скот мал ростом, худ, слаб и малоудойлив»³.

В 1829 году в 1700 помещичьих имениях Гродненской губернии насчитывалось немногим более 100 тыс. голов рогатого скота, что составляло $\frac{1}{4}$ всего скота губернии⁴.

В 50-е годы XIX века, как видно из отчетов губернаторов, общее количество крупного рогатого скота по сравнению с 30-ми годами увеличилось незначительно.

¹ ЦГИА БССР, ф. 142, дд. 191, 966, 1201; ф. 457, дд. 5, 6, 14, 17, 18, 32, 33, 37, 43, 46, 60; ф. 1628, дд. 31, 35, 36, 37, 54, 114, 264, 302, 320, 346, 357, 501.

² П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 1, стр. 25.

³ П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 125, 126.

⁴ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1, оп. 3, д. 422, л. 136.

В среднем на одно помещичье имение приходилось не более 60 голов крупного скота. Конечно, во всех имениях число голов было различным, однако, судя по инвентарям, оно даже в крупных помещичьих хозяйствах редко превышало 200—300. В одном из больших помещичьих хозяйств, относящихся к наиболее устроенным и развитым, в имении «Бискупская Каменица» Брестского уезда, принадлежавшем графине Красинской, было до 30 тыс. десятин земли и около 5 тыс. душ крестьян. В имении было 8 фольварков, в которых велось многоотраслевое хозяйство. Крупного рогатого скота было: 60 волов (рабочих), 163 коровы и 291 подтелок и теленок. В этом высокоразвитом хозяйстве доход от скотоводства составлял немногим более 12%¹.

В Минской губернии, по данным губернаторских отчетов, в конце 30 — начале 40-х годов (до большого падежа скота в 1844—1845 годах) насчитывалось в среднем около 700 тыс. крупного рогатого скота. По подсчетам И. Зеленского, в конце 50-х годов волов и коров в губернии было не менее 660 тыс.², из них около 400 тыс. — у казенных и помещичьих крестьян. Не менее 50 тыс. голов следует считать у других категорий населения — горожан, вольных людей и однодворцев, духовенства и пр. Таким образом, на помещичьи хозяйства приходилось около 210 000 голов. В Минской губернии в 40—50-е годы было до 2100 помещичьих имений. Следовательно, здесь на одно имение приходилось немногим более 100 голов крупного рогатого скота. И по Минской губернии в хозяйственных описаниях отмечается недостаток скота даже для удобрения полей³. Разведение рогатого скота на мясо, указывает И. Зеленский, считается здесь невыгодным из-за «соперничества соседственной Малороссии, богатой пастбищами и представляющей удобства к разведению крупного скота, способного тучнеть на убой»⁴.

В Витебской губернии в 40—50-е годы насчитывалось в среднем 250—280 тыс. голов крупного скота (по дан-

¹ П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 237—249.

² И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 167.

³ Там же, стр. 159.

⁴ Там же, стр. 171.

ным губернаторских отчетов); исходя из расчета, что на долю помещичьих хозяйств приходилось 30% скота, можно считать всего в 1620 имениях 80 тыс. голов, т. е. на одно имение до 50 голов. По Могилевской губернии такие же расчеты дают цифру 50—60 голов на одно имение (всего крупного скота 350—400 тыс., помещичьих имений 1980).

Анализ доходов помещичьих хозяйств показывает, что часть их, полученная от скотоводства (продажи скота-молодняка на мясо, продажи масла, сыра), составляла в 40-е годы по разным имениям от 4 до 10%¹. В редких случаях (это относится к некоторым имениям, расположенным около крупных городов) доход от скотоводства давал более значительную долю. Так, в имении «Подберезье», находившемся под Витебском, на 180 десятин помещичьей пахоты приходилось до 130 десятин сенокосов и пастбищ, в этом небольшом имении (150 крепостных) содержалось до 150 голов крупного скота. Доход от скотоводства составлял 25% общей суммы дохода².

Еще сравнительно слабое развитие городов не привело к большому росту потребности в мясо-молочных продуктах на внутреннем рынке. Вывоз же их за границу был затруднен плохим состоянием транспорта для перевозок этих скоропортящихся продуктов.

Товарный характер приобрело в помещичьих хозяйствах Белоруссии лишь тонкорунное овцеводство.

В первой половине XIX века во всех хозяйственных описаниях, инвентарях имений обязательно отмечается, что продукты фольварочного хозяйства «продаются на месте» или в «близлежащих городах и местечках», приводятся часто и цены, по которым продаются сельскохозяйственные продукты в том или ином районе, где расположено имение.

В помещичьих хозяйствах Белоруссии производились главным образом сельскохозяйственные культуры. Определенное влияние на преобладание того или иного вида культур оказывали различия в природных условиях районов — характер почвы, состояние орошения и т. п. Однако, несмотря на значительную протяженность тер-

¹ ЦГИА БССР, ф. 142, дд. 844, 1191 и др.; ф. 457, дд. 5, 6, 14, 32, 46, 137, 152 и др.; ф. 1628, дд. 35, 54, 264, 302, 303, 346, 501, 602.

² Там же, ф. 1628, д. 32.

рптории Белоруссии с севера на юг, эти различия не настолько существенны, чтобы определить большое разнообразие в направлении сельскохозяйственного производства, разницу в распространении тех или иных культур.

Самыми распространенными в Белоруссии зерновыми культурами были озимая рожь и овес, затем ячмень, озимая и яровая пшеница. В меньшем количестве засевались гречиха, горох. Из технических культур — лен, конопля, из корнеплодов — картофель. По степени распространенности в четырех основных губерниях Белоруссии посевы этих культур в помещичьих имениях распределялись следующим образом: более всего — рожь, овес, ячмень, меньше — пшеница, горох, в небольшом количестве в Могилевской, Минской, Гродненской губерниях — гречиха; очень мало посевов гречихи было в Витебской губернии; просо — в Гродненской; во всех губерниях в большом количестве возделывался картофель, в Витебской губернии — лен, меньше льна было в Могилевской, Минской и Гродненской губерниях; конопли было много в Могилевской губернии.

По отдельным имениям соотношение посевов разных культур несколько отличалось, это было связано со многими обстоятельствами: количеством и качеством земли, наличием рабочей силы, возможностью реализации тех или иных сельскохозяйственных продуктов. Однако, сравнивая ряд имений, можно установить средние цифры весового соотношения посевов разных культур. Рожь и овес занимали от 25 до 45% от общего веса посеянных зерновых культур; процент ржи был выше в Гродненской и Витебской губерниях, меньше — в Минской и Могилевской. Овес также занимал 30—50% веса посевов, выше был он в Минской и Могилевской губерниях. Пшеница составляла 3—12%, причем меньше всего она сеялась в помещичьих имениях Витебской и Могилевской губерний, более всего — в Гродненской. Процент посева ячменя колебался от 6 до 15; выше всего он был в Витебской и Минской губерниях. Крупяные культуры были лишь дополнительными культурами, составляя вместе 1—4%; гречиха занимала больше места в Гродненской, средней и южной частях Могилевской губернии, меньше всего ее сеялось в Витебской губернии. Горох распространялся в одинаковой степени повсеместно. Неодинаковы размеры площадей, занятых под картофель: процент веса семян

картофеля от веса зерновых культур колебался от 20 до 80. Меньше картофеля возделывалось в помещичьих имениях Могилевской и Витебской губерний, более всего — в Минской.

Лен был наиболее распространен в Витебской губернии, занимая в среднем 3—5% (иногда и больше). Посевы льна и конопли в Могилевской губернии составляли 2—3%. В Минской и Гродненской губерниях эти культуры имели незначительный процент среди всех посевов.

Разница в объеме посевов культур в значительной мере определялась запросами рынка и указывала на характер развития товарности помещичьих хозяйств тех или иных районов, а также на сельскохозяйственную специализацию этих районов. Помещики, приспособляясь к рыночной конъюнктуре, сеяли больше тех культур, которые находили лучший сбыт, приносили больший доход.

На развитие товарности помещичьего хозяйства Белоруссии, кроме потребностей внутреннего и внешнего рынков, в большой мере влияли и старые традиции ведения земледельческого хозяйства. Внутренний рынок был еще сравнительно узок, чтобы произвести коренную перестройку сельскохозяйственного производства.

Старые традиции выразились в том, что основной товарной культурой в помещичьем хозяйстве в течение всей первой половины XIX века оставалась рожь. Эта культура преобладала в помещичьих имениях. Рост спроса на хлеб на внутреннем рынке обусловил увеличение посевов этой культуры: в 10—20-х годах XIX века для питания только неземледельческого городского населения требовалось 350—400 тыс. четвертей хлеба (из расчета 2,5 четверти на душу); в 40—50-х годах на снабжение городов шло уже до 1 млн. четвертей; сельское население за этот период уменьшилось незначительно, на потребности в хлебе это уменьшение не сказалось. Значительное количество хлеба шло на снабжение расположенных в Белоруссии войск; для нужд армии уходило много и фуражной культуры — овса.

Рожь из Белоруссии вывозилась в незначительном количестве. Обычно были распространены внутренние ее обороты — продажа излишков из одной губернии в другую, где ощущался недостаток в хлебе. В случае неурожая продавалась рожь в соседние Виленскую и Смолен-

скую губернии. За границу и в российские губернии рожь из Белоруссии почти не вывозилась, лишь из Гродненской губернии в 40—50-е годы вывозилось за границу по 200—250 тыс. четвертей хлеба.

Пшеница, сеявшаяся почти везде в небольших количествах, в основном потреблялась на месте и продавалась в близлежащие города. На западноевропейский рынок через Белоруссию по рекам вывозилась высокотоварная украинская пшеница. Конкуренция несортной белорусской ржи была поэтому невозможна. Реализовать зерновую рожь было трудно. Это обстоятельство являлось одной из причин широкого развития в Белоруссии винокурения. Продажа водки и спирта давала значительно больше выгоды: производственные затраты на эти продукты сравнительно невелики — дешевое, несложное оборудование и бесплатная рабочая сила крепостных крестьян¹. Во многих имениях в переработку на водку уходила почти вся производимая рожь, за исключением небольшого внутреннего расхода.

При продаже зернового хлеба наиболее товарной почти всегда была рожь: не менее 70—80% всей производимой ржи продавалось; ячмень, овес, картофель, горох давали 45—55% товарного выхода. В общем весе зернового товарного хлеба рожь составляла в среднем 50—60%, овес — 25—35, ячмень — 10—15%.

Приспосабливаясь к запросам рынка, помещики Белоруссии, все больше втягиваясь в товарно-денежные отношения, перестраивали свое хозяйство, засеяв более выгодные культуры. Во второй четверти XIX века в Белоруссии довольно определенно наметились хозяйства с той или иной специализацией.

Район льноводства захватывал Витебскую губернию, северные уезды Могилевской и северо-западные уезды Минской губерний. Районом наибольшего распространения посевов конопли стали средние и южные уезды Могилевской губернии, а также примыкавшие к ним восточные уезды Минской.

В отчетах витебских губернаторов за 40—50-е годы указывалось: «Главный предмет внешней торговли со-

¹ При продаже 1 четверти (8 пудов) ржи можно было получить в среднем 3—4 руб. Продажа произведенной из этой ржи водки (5 ведер) даже по низкой цене (1 руб. 50 коп. за ведро) давала не менее 7—8 руб., т. е. выручка увеличивалась в два раза.

ставляет лен... Лен сбывается в Ригу¹. Как важная товарная культура производился лен в Дисненском, Борисовском, отчасти Минском уездах Минской губернии².

Такая специализация северо-восточных районов Белоруссии определилась не только помещичьими хозяйствами; крестьяне Витебской губернии, особенно государственные, также занимались льноводством.

Во многих помещичьих имениях, особенно расположенных недалеко от Западной Двины, посевы льна занимали все большее место, а доход от продажи льняного волокна и семени составлял значительную долю. Помещики, стремясь повысить доходность своих имений без особых затрат на улучшение хозяйства, находили выгодным сделать это путем увеличения посевов льна и продажи его в Ригу. Первичная обработка льна для продажи — изготовление льняного волокна — производилась бесплатной рабочей силой крепостных крестьян.

В некоторых помещичьих имениях Витебской губернии лен превратился в важную статью дохода. В имении «Марцинков» Витебского уезда помещика Хмелевского в середине 40-х годов было около 70 десятин господской пашни. Из них под рожь засевалось 20 десятин, под овес, ячмень, пшеницу — столько же, картофелем засаживалось немногим более 1 десятины, льном — 5—6 десятин. Ржи при среднем урожае снималось 100 четвертей, ячменя — 60, овса — 30, картофеля — 60 четвертей. Продажа этих продуктов по средним ценам давала немногим более 270 руб. выручки. В то же время от продажи обработанного льна и льняного семени (оставшегося после посева) выручалось до 150 руб. В инвентаре этого имения прямо указывается, что «главнейшим средством к выручке денег» как в крестьянских хозяйствах, так и в помещичьем «служит продажа товарного льна»³.

В имении помещика Лускина «Старое Село» в Витебском уезде хозяйство имело следующий доход: от земледелия — 800 руб., от скотоводства — 150, от льноводства — 300 руб.⁴ Таким образом, и в этом имении лен составлял важную статью дохода.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, л. 46, л. 44; л. 80, л. 35; л. 115, л. 40 и т. д.

² И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 1, стр. 364; т. 2, стр. 74.

³ ЦГИА БССР, ф. 1628, оп. 1, д. 32.

⁴ Там же, д. 35.

В имении помещика Вериги «Стайки» Витебского уезда из 57 десятин пахотной земли 6 засевалось льном: доход от продажи льна составлял 140—150 руб., лен являлся главной доходной статьей. В имении помещика Ленкевича «Подберезье» Витебского уезда 20% дохода составлял лен и льняное семя.

Перестроилось хозяйство в имении помещика Любошинского «Кравцово» Городокского уезда. Если в начале XIX века доход имения от продажи льна не играл значительной роли, то в середине 40-х годов, как указывает в инвентаре, «главнейшим средством дохода» помещичьего имения и крестьянских хозяйств составляла продажа льна. Из всей суммы выручки 500—550 руб. доход от продажи льна составлял 200—250 руб.

В имении помещика Якутовича «Мариамполь» Суражского уезда в 40-е годы весь доход от продажи сельскохозяйственных продуктов, включая и скотоводство, составлял 400—450 руб., в том числе от продажи льна и льняного семени выручалось до 150 руб. 30% всего дохода давала продажа льна и в имении помещика Богдановского «Богдановка» Суражского уезда.

В инвентарях имений «Хрусталево», «Культово» Дриссенского уезда также указывается, что в них в значительном количестве «сеется лен, зерно и волокно, которые составляют главнейший доход помещика и крестьян»¹.

Из 48 просмотренных нами инвентарей помещичьих имений Витебской губернии по меньшей мере в 30 (т. е. почти в 60%) лен в 40—50-е годы являлся важнейшей статьей дохода. Это свидетельствует об определенной перестройке помещичьих хозяйств губернии, о приспособлении их к запросам рынка.

Как товарная культура засеивалась в основном в Могилевской губернии. В губернаторских отчетах отмечается, что наряду с лесом, лесными изделиями и водкой пенька, а также лен составляли значительную долю вывоза². Распространение посевов конопли в Могилевской губернии вызывалось потребностями Черноморского флота. Пенька сбывалась на юг по удобнейшему пути — по Днепру.

¹ ЦГИА БССР, ф. 1628, дд. 45, 53, 54, 233, 264, 302, 320.

² ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 28, л. 44; д. 75, л. 19; оп. 6, д. 90, л. 141.

Из инвентарей помещичьих имений Могилевской губернии видно, что некоторую часть дохода наряду со льном давала пенька¹. Однако такой большой роли в хозяйстве, как лен в Витебской губернии, конопля здесь не играла. В других же губерниях Белоруссии посевы конопли были «совершенно ничтожны», да и то лишь в крестьянском хозяйстве «для собственных потребностей»².

Большую роль в сельском хозяйстве Белоруссии в первой половине XIX века играло распространение картофеля, превращение его из огородной в полевую культуру, использование в качестве технического сырья для винокуренной промышленности.

В первом десятилетии XIX века картофель высаживался еще в очень небольшом количестве и употреблялся только в качестве дополнительного продукта питания. По данным губернаторских отчетов, в 1809 году в Витебской губернии в основном в помещичьих хозяйствах было собрано всего 10 тыс. четвертей картофеля³. В Гродненской губернии в 1810 году — немногим более 7 тыс. четвертей⁴.

В течение первой трети XIX века площади, занятые под картофелем, стали быстро расширяться, в первую очередь в помещичьих хозяйствах. Особенно бурный рост произошел в 30-е годы; из огородной культуры он стал переходить на поля. Это объясняется быстрым развитием в Белоруссии винокурения, сырьем для которого служил картофель. Картофель стал важной и в то же время дешевой технической культурой.

В 40-х годах картофель стал наряду с рожью, овсом и ячменем важнейшей полевой культурой. Широкое распространение картофеля свидетельствовало о быстром росте товарного земледелия. По отчетам губернаторов за 1842 год, в белорусских губерниях было посажено: в Витебской — 235 тыс. четвертей, в Могилевской — 281 тыс., в Гродненской — 207 тыс. четвертей картофеля; более всего картофеля было в Минской губернии — 375 тыс. четвертей.

¹ ЦГИА БССР, ф. 457, оп. 1.

² И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 1, стр. 74; П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 278.

³ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 11, д. 79.

⁴ Там же, д. 76.

В крестьянском хозяйстве картофель употреблялся лишь в пищу и на корм скоту. В среднем на крестьянское хозяйство засевалось 1—2 четверти картофеля¹. Только в помещичьих хозяйствах он играл важное значение как техническая культура. Поэтому рост площадей под картофель в помещичьих имениях являлся показателем перестройки сельского хозяйства в связи с быстрым развитием товарно-денежных отношений. В начале 40-х годов в каждом помещичьем имении высаживалось следующее количество картофеля (табл. 4).

ТАБЛИЦА 4

Губерния	Площадь, занятая под картофель в помещичьих имениях, четвертей	Число имений	В среднем на имение, четвертей
Витебская	77100	1620	49 [*]
Могилевская	98300	1980	49
Минская	158000	2100	78
Гродненская	78000	1700	46
Итого	411400	7400	55,6

Эти средние цифры не являются вполне показательными, так как картофель в качестве технической культуры возделывался в тех имениях, где имелись винокуренные заводы, т. е. главным образом в крупных и средних. Поэтому основная часть площадей, занятых под картофель, приходилась на такие имения, которые быстрее и в большей степени перестраивались в соответствии с новыми условиями.

Картофель становился важнейшей доходной сельскохозяйственной культурой в Белоруссии. «Главнейший источник народного богатства, — говорится в отчете минского губернатора за 1840 год, — составляют земледелие и винокурение, основанное на переработке картофеля. Разведение картофеля из года в год усиливается»².

В донесении минского губернатора министру государственных имуществ за 1841 год указывается, что «картофель в Минской губернии производится с давнего вре-

¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 96, оп. 1, д. 413; ЦГИА БССР, ф. 142, д. 137; ф. 457, д. 60 и др.; ф. 1638, д. 602.

² ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 30, л. 26.

мени и в большом количестве, преимущественно на помещичьих дворовых полях. На крестьянских участках он разводится только для собственной надобности... Главный сбыт идет на винокурни, которые снабжаются самими помещиками...»¹

В донесении гродненского губернатора министру государственных имуществ также отмечается, что помещики губернии «давно уже стали заниматься разведением картофеля. Сия ветвь сельского хозяйства, усиливаясь год от году, доведена ныне до такой степени, что во всех благоустроенных имениях картофель высевается на полях господских и крестьянских в таком размере, что приносимый им доход равняется почти везде количеству урожая, добываемого с озимого и ярового полей в совокупности». В донесении подчеркивается, что наряду с употреблением в качестве продовольствия картофель в больших размерах идет на «выкурку горячего вина с значительным сбережением хлебного зерна». Употребление для винокурения картофеля позволяет, говорится далее в донесении, «производить вино в несравненно большем размере, нежели можно было бы добывать оное из одного хлебного зерна»².

О превращении картофеля из огородной в полевую культуру можно судить по следующим данным: в Гродненской губернии в 1846 году из посаженных 191 030 четвертей картофеля 149 580 четвертей (т. е. 78%) было высажено на полях и только 41 450 четвертей — в огородах³.

Картофель в качестве сырья для винокурения доставлял большие прибыли помещикам. Помещик Минской губернии Лаппо рассчитал, что валовой доход с десятины посеянной пшеницы составлял в губернии 18 руб. 6 коп., ржи — 12 руб. 60 коп., а с десятины картофеля — 75 руб. при условии использования его в качестве сырья на винокуренных заводах⁴.

Особенно много картофеля выращивалось и использовалось в винокурении в Минской губернии. Зеленский называет Минскую губернию «страной ржи и картофе-

¹ ЦГИА БССР, ф. 320, оп. 1, д. 231, лл. 4—5.

² ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 49, д. 15, лл. 9—10.

³ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1, оп. 4, д. 117, л. 385.

⁴ «Журнал Министерства государственных имуществ» (ЖМГИ), 1856, ч. 61, стр. 262.

ля». «Водка, получаемая из картофеля, — говорит он, — составляет самую существенную часть отпуска хлебных произведений»¹. «Водка гонится почти исключительно из картофеля, так что хлебное вино составляет едва $\frac{1}{10}$ часть»². В губернии в 50-е годы выкуривалось ежегодно более 2 млн. ведер водки. На винокурение затрачивалось до 880 тыс. четвертей картофеля в год.

По данным Зеленского, 86% всех земель в губернии, занятых под картофель, приходилось на помещичьи имения, из этого числа засаживалось картофелем 55% господских земель³.

Данные по некоторым имениям довольно убедительно показывают, какие выгоды давал картофель при его рациональном использовании. В качестве примера хорошего хозяйствования преподаватель Горецкого земледельческого училища Б. Целлинский приводит имение «Усвят» Цеккерта, купленное им у князя Любомирского. Одним из средств поднятия доходов было увеличение площадей картофеля и использование его в винокурении. Цеккерт ежегодно высевал по 160—200 четвертей ржи и по 150—200 четвертей картофеля.

Одним из первых стал выращивать картофель в большом количестве и употреблять его в винокурении (с 1818 года) помещик Оршанского уезда Могилевской губернии Гурко; доходы его имения «Крынки» быстро возросли⁴.

Большие доходы от картофеля (150—160 четвертей на 100 четвертей озимых и 100 четвертей ярового посева) имел помещик Цехановецкий в Могилевской губернии⁵.

По сведениям гродненского губернатора, некоторые помещики, достигшие особенно больших успехов в возделывании картофеля и его использовании в качестве технического сырья, получили за это денежные премии⁶.

В Минской губернии почти в каждом более или менее значительном имении были винокурни; сажалось в сред-

¹ И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 1, стр. 364.

² Там же, т. 2, стр. 30.

³ Там же, стр. 26, 31, 264—266.

⁴ ЖМГИ, 1847, ч. 25, кн. 2, стр. 82, 84, 85, 184.

⁵ Там же, ч. 26, кн. 1, стр. 38.

⁶ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1, оп. 5, д. 117, 1842 г., л. 111.

нем картофеля столько же, сколько озимого и ярового клина. В крупных хозяйствах, имевших по несколько винокурен, под картофель было занято еще больше земель. В имении помещика Скимунта «Альбрехтово» Пинского уезда, например, в год высевалось: ржи и пшеницы — 100 четвертей, ячменя и овса — 150 четвертей, 200—300 четвертей высаживалось картофеля. В его же имении «Иозефин» на 70 четвертей хлеба высаживалось 70 четвертей картофеля¹.

О том значении, какое придавали помещики возделыванию картофеля с целью поднять доходность хозяйства, свидетельствует переписка князя Паскевича с его управляющим имением «Гомель» в Могилевской губернии. В письмах за февраль — март 1835 года князь настоятельно приказывает управляющему «озаботиться поднятием винокурения» и для этого увеличить посевы картофеля.

«Желаю, — писал Паскевич, — чтобы в Гомельском имении как можно более сеяли картофель». Паскевич приказал, чтобы $\frac{1}{3}$ фольварка была засеяна картофелем «по польскому способу, с окучкой и полкой машинами». Для увеличения посевов картофеля было приказано нарезать 700 бобылям огорода по $\frac{1}{2}$ десятины и засадить их картофелем, причем каждому отпустить на посев по 2 четверти картофеля, дать неимущим заступы. Осенью же взыскать с них долг и за семена и за орудия².

Следует отметить, что увеличение земель под картофель в помещичьих имениях, помимо поднятия доходности и товарности хозяйства, имело еще и некоторое агротехническое значение. Введение в севооборот картофеля в качестве полевой культуры если не всегда приводило к замене трехпольной системы многопольной или по крайней мере четырехпольной, то все же и при сохранении трехполья нарушало его традиционную форму: озимые — яровые — пар. Картофель, возделывавшийся в больших количествах, заставлял переходить к четырехполью. При трехпольной системе картофель высаживался или на паровом поле, удобренном навозом, или на яровом клину, вытеснив, таким образом, некоторую часть ярового хлеба.

¹ ЦГИА БССР, ф. 142, дд. 1191, 1201.

² Там же, ф. 2240, оп. 1, д. 17, лл. 25—26, 34, 48.

① Одним из важнейших способов рационализации помещичьего хозяйства являлось возделывание сахарной свеклы. В Белоруссии сахарную свеклу начали возделывать в некоторых помещичьих имениях Могилевской и Минской губерний (главным образом в южных районах) в конце 30-х годов XIX века. Здесь же основывались сахарные заводы.

Однако выращивание сахарной свеклы имело значение не только для развития сахарной промышленности, но и для улучшения системы полеводства, так как в севооборот вводились корнеплоды. Кроме того, выращивание этой трудоемкой культуры, требующей тщательного ухода и обработки, вынуждало помещиков переходить на более производительный и эффективный вольнонаемный труд.

Первыми к выращиванию свекловицы приступили такие крупные помещики, как Паскевич, Комар, Цехановский, Витгенштейн, Скимунт. К середине 40-х годов в Белоруссии было создано 8 свеклосахарных заводов. К концу 50-х годов их насчитывалось уже 15; все они вырабатывали ежегодно около 40—45 тыс. пудов сахара¹. Из 1 пуда свекловицы получалось по 1,8—2 фунта сахара, а урожай свеклы в Белоруссии с 1 десятины равнялся 600—1000 пудов, следовательно, всего под сахарной свеклой в 50-х годах находилось 1200—1600 десятин земли. Владельцы наиболее крупных сахарных заводов — Скимунт (имение «Поржечь» Пинского уезда), Витгенштейн (имение «Кореличи» Новогрудского уезда), Паскевич (имение «Гомель») — отводили под сахарную свеклу по 100—150 десятин лучшей земли.

2) Помещики выращивали свеклу не только на господских полях, но и заставляли крестьян отводить некоторую часть своей земли под свеклу, покупая затем у них ее по 50—75 коп. за четверть (8 пудов)².

Засаживание какой-то части поля свеклой приводило к необходимости переходить к плодопеременной системе земли — к четырехпольной.

Таким образом, в первой половине XIX века широкое распространение получила в Белоруссии некоторая перестройка помещичьего хозяйства, выражавшаяся в рас-

¹ См. Приложения к отчетам губернаторов за соответствующие годы.

² ЖМГН. 1846. ч. 20. стр. 54—57.

ширении посевов наиболее выгодных товарных культур — картофеля и льна.

Значительное развитие получило здесь также тонкорунное овцеводство. Первые опыты разведения испанских овец относятся к началу XIX века. Несколько сот овец было привезено в имение графа Румянцева «Гомель», а также в имение помещика Пусловского в Гродненской губернии. Наибольших размеров поголовье тонкорунных овец в Белоруссии достигло к началу 40-х годов. Всего здесь, по данным губернаторских отчетов, насчитывалось 600 тыс. голов, в том числе в Гродненской губернии 400—420 тыс., в Минской 130 тыс., в Могилевской 30—40 тыс., в Витебской 5—6 тыс. В последующие годы вследствие массовых падежей поголовье овец значительно снизилось.

Разведение овец позволило развивать суконное производство. Большое количество шерсти вывозилось в Ригу, Данциг, в Москву и Петербург, шерсть продавалась и предпринимателям суконных предприятий Польши.

Наибольшее развитие тонкорунное овцеводство, как видно, получило в Гродненской губернии, этому способствовали природные условия — более сухой климат, хорошие пастбища.

В отчетах гродненских губернаторов за 40-е годы отмечалось, что овцеводство здесь все более развивается и «составляет одну из важных отраслей хозяйства. Шерсть составляет весьма важную статью дохода»¹.

Разведением тонкорунных овец занимались исключительно помещики — крупные и средние, располагавшие свободными пастбищами, средствами для постройки утепленных овчарен, для найма опытных овчаров. Самой крупной овцеводческой фермой владел помещик Гродненской губернии Пусловский, у которого было 40 тыс. овец², ему же принадлежала крупнейшая в Белоруссии суконная мануфактура, 19 тыс. овец имел в 40-е годы князь Паскевич в своем имении «Гомель»³, около 15 тыс. овец было у помещика Скирмунта в Минской губернии.

Значительными стадами мериносов (в 1—5 тыс. голов) владели помещики Гродненской губернии — Лю-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 3, л. 95, л. 40 об.; оп. 5, д. 128, л. 29.

² Там же, оп. 5, д. 77, л. 208.

³ ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, д. 69, л. 7.

бецкий, Грабовский, Замойский, Оржешко, Трембицкий, Красинский, Остромицкий, Оссолинский, Пеньковский, Войчинский, де Ласси, Свечина и др.; помещики Могилевской губернии — Толстой, Солтан; в Минской губернии — князь Витгенштейн, Радзивилл, Слотвинский.

Всего в Гродненской губернии в конце 40-х годов разведением тонкорунных овец занималось около 300 крупных и средних помещиков, у которых насчитывалось более 300 тыс. овец; от них настригалось до 19 тыс. пудов шерсти¹.

В описании хозяйств белорусских губерний, относящемся к середине 40-х годов, указывалось, что «помещики здесь ныне все более и более убеждаются в том, что при теперешних обстоятельствах овцеводство при надлежащей связи с правильным земледелием может доставить дохода более, чем содержание всякой другой породы скота»².

3) Вместе с тем овцеводство, являясь одним из средств перестройки помещичьего хозяйства, влияло на полеводство. Содержание значительного количества мериносов заставляло заботиться о корме на зиму. Часто земли приходилось засеивать кормовыми травами, что в свою очередь вело к замене трехполья плодопеременной системой. Посевы кормовых трав способствовали улучшению почвы. В отчетах гродненского губернатора в конце 30 — начале 40-х годов указывается, что разведение мериносовых овец при отсутствии достаточных пастбищ и лугов «приводит к необходимости заводить в здешнем крае плодопеременное хозяйство с засевом трав и вики, которые и ныне уже существуют в некоторых имениях, преимущественно для поддержания овец»³.

Остальные отрасли скотоводства не получили развития в помещичьих хозяйствах Белоруссии в первой половине XIX века. Не было и помещичьих хозяйств, достигших больших успехов в развитии молочнотоварного скотоводства. Лишь в описаниях, относящихся к концу 50-х годов, отмечаются некоторые имения помещиков, обращавших внимание на эту отрасль хозяйства. Так, Зеленский указывает, что в последнее время «на содержание

¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1, оп. 21, д. 328, лл. 47—55; д. 663, лл. 39—46.

² ЖМГИ, 1845, ч. 12, стр. 210.

³ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 3, дд. 39, 95; оп. 4, д. 106, лл. 31—32.

и разведение коров у помещиков обращает внимание, особенно в Новогрудском, Слуцком и Пинском уездах. В имениях графа Хрептовича «Шорсы» и помещика Брохоцкого «Городея» выделяется превосходный сыр, продаваемый в городах по 20 коп. за фунт»¹.

Помещики, содержавшие большие винокуренные заводы, для использования отходов производства — барды заводили у себя стада крупного рогатого скота, который откармливался и затем продавался. В обозрении Витебской губернии за 50-е годы указывалось, что «помещики, имеющие у себя винокурни, осенью закупя волов или получив их от барышников на зимовье, откармливали их бардой и весной отправляли для продажи в Ригу, Новгород и Петербург; другие, содержа значительное количество коров, делают масло, творог, сыр и все эти продукты отправляют в Петербург и Ригу»².

Следует подчеркнуть, что товарным скотоводством, в частности разведением молочного скота, занимались только наиболее крупные помещики, но и они не уделяли этому достаточного внимания. Большинство же средних и мелкие помещичьи хозяйства содержали небольшое количество скота главным образом [с целью получения навоза для удобрения]. ГЛУХОСТИ.

В самом крупном в Белоруссии Гомельском имении Паскевича в 40—50-х годах содержалось 380 волов и быков, 480 молочных коров и более 1000 голов молодняка. Скот этот был простой маломолочной породы, лишь 100 голов было тирольской и швейцарской пород³. Доход от продажи продуктов животноводства не играл большой роли в хозяйстве.

Скотоводческие фермы были у помещиков Могилевской губернии Голынского (Чериковский уезд), Дондукова-Корсакова (Оршанский уезд), где разводились коровы тирольской, швейцарской и холмогорской пород⁴. На основе расширения площадей под картофель в Белоруссии во второй четверти XIX века стало развиваться

¹ И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 172.

² Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 18627, лл. 162—169; ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 19, лл. 55—56.

³ ЦГИА ВССР, ф. 2240, оп. 1, д. 86, л. 5.

⁴ Записки Горы-Горского земледельческого института. СПб. 1854, кн. 3, стр. 158—159.

товарное свиноводство, однако большого развития эта отрасль еще не получила и не имела большого значения в помещичьем хозяйстве. Лишь отдельные помещики делали попытки для повышения доходов более широко развить свиноводство. Зеленский указывает, например, что в Мозырском, Речицком и Пинском уездах есть помещики, которые убивают по несколько десятков и даже по 100 штук откормленных кабанов. Сало и мясо солят и выгодно продают купцам, отправляющим эти продукты в Варшаву и Кенигсберг. У помещика Ковалевского (имение «Бурсы» Мозырского уезда) ежегодно убивается с этой целью до 150 штук кабанов. Много свиней содержалось в имениях Радзивиллов, Витгенштейна¹. В Гродненской губернии «у некоторых помещиков стада свиней доходят до 100 и 200 голов. Откормленные свиньи продаются торговцам в Царство Польское и Пруссию»².

В Гомельском имении Паскевича в 40—50-е годы откармливалось до 1000 свиней, $\frac{1}{3}$ которых была высокопродуктивных английской и варшавской пород³.

Отдельные примеры товарного скотоводства в помещичьих хозяйствах не свидетельствовали о развитии этой отрасли и не внесли сколько-нибудь существенных изменений в направление хозяйства Белоруссии. Состояние внутреннего рынка еще не создавало условий для широкого развития товарного скотоводства.

Некоторая перестройка структуры посевов в соответствии с требованиями рынка на первых порах несколько подняла помещичье хозяйство, задержав его упадок и разорение. Однако это не могло надолго приостановить кризис и гибель феодального хозяйства, так как не затрагивало всей системы крепостнических отношений, ставших препятствием для развития производительных сил.

Мелкие помещики, продававшие мало сельскохозяйственных продуктов, основную долю которых составляли молодой скот, птица, в небольших количествах хлеб, обычно сбывали их на рынках или в лавках торговцев съестными припасами в близлежащих городах и местеч-

¹ И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 179.

² И. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 1, стр. 337.

³ ЦИА БССР, ф. 2240, оп. 1, д. 86, л. 5.

ках: отвозили эти продукты на собственных или крестьянских лошадях. Подавляющее большинство владельцев средних и крупных имений, как видно из инвентарей, продавали зерно, лен и льняное семя, пеньку, а также птицу большими партиями прямо на месте, в имении.

— Обычно осенью после сбора урожая, когда хлеб становился дешевле, скупщики — мелкие торговцы из близлежащих городов или приказчики крупных купцов-оптовиков — объезжали помещичьи имения, скупая у них сельскохозяйственные продукты. Отвозили их крестьяне этих же помещиков в счет барщины (при этом стоимость продуктов была выше) или же с разрешения владельца нанимались за плату к скупщику (в этом случае продукты продавались несколько по более низкой цене, с учетом стоимости перевозок). Скот-молодняк, продукты скотоводства — масло, сыр, сало, мясо, а также птица, яйца, продукты, поступавшие в счет данины, — грибы, ягоды в большинстве случаев отвозились в ближайшие города и местечки и там сбывались на ярмарках (если они бывали), недельных базарах и в лавках торговцев. Такие товары, как лен, шерсть, сбывались скупщикам или купцам в соседних местечках, но большей частью отвозились в места их оптовых скупок; лен, например, часто отвозили на байдаках непосредственно в Ригу, так как он стоил там значительно дороже, чем на месте производства; шерсть также вывозили в большие города, где комиссионеры суконных фабрикантов скупали ее.

Наиболее крупные помещики-предприниматели — Паскевич, Хрептович, Чернышев-Кругликов, Любомирские, Радзивиллы, Четвертинские и другие — иногда отправляли продукты в места более выгодного сбыта. Паскевич, например, шерсть, лен, пеньку, отправлял большими партиями, а зипой целыми обозами в Москву, Варшаву, Ригу¹; хлебопродукты он продавал на месте или отправлял на собственных судах — берлинах к месту продажи; масло, сало, сыр продавал в Могилеве и в Гомеле; тонкорунных овец — приезжавшим помещикам-покупателям на месте.

Водка и спирт, производимые в винокурнях помещиков, продавались преимущественно в сельских корчмах,

¹ ЦГИА БССР, ф. 2241, д. 33, л. 20; ф. 2240, д. 2, 37, 57.

а также приезжающим виноторговцам по оптовой, значительно более низкой цене.

Лес помещики либо сами рубили и сплавляли к местам продажи, либо сдавали лесные участки купцам-лесопромышленникам. Паскевич, например, отправлял большие партии леса по Сожу и Днепру на плотках и на берлинах на Украину — в Золотоношу, Кременчуг¹.

Изделия помещичьих промышленных предприятий — сукно, полотно, стекло и посуда, свечи — вывозились в города и продавались на ярмарках или в лавках, а также закупались на месте комиссионерами московских, петербургских купцов и купцов из городов Белоруссии.

Производимая на меднолитейных предприятиях медная посуда, оборудование для винокурен продавались покупателям на местах производства. Таким же способом сбывались и изделия из железа — сошники, серпы, косы, топоры, производимые на железоделательных помещичьих предприятиях.

Различные помещичьи имения не в одинаковой степени были втянуты в товарно-денежные отношения. В крупных имениях с многоотраслевым хозяйством все было рассчитано и направлено на потребности рынка. Средние имения, в которых развитие торгового предпринимательства ограничивалось средствами и возможностями, где в основном преобладала одна отрасль — зерновое хозяйство, также приспособлялись к рыночной конъюнктуре, сбывая хлеб, зерно или водку.

В крупных и средних имениях товарная продукция составляла по отношению ко всему количеству произведенных сельскохозяйственных продуктов большую долю, так как на внутренние нужды тратилось сравнительно немного. В мелких имениях, в которых продукции производилось немного, большая ее часть потреблялась в самом имении. Мелкий помещик продавал только излишки. Такие хозяйства сохраняли полунатуральный характер: продавая немного и редко, они и приобретали на рынке очень мало, потребляя в основном продукты собственного производства.

Крупные же имения постепенно превращались в большие, многоотраслевые хозяйства, вся деятельность которых была направлена на производство товарной сель-

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, дд. 23, 37.

скохозяйственной продукции. Их владелец становился активным предпринимателем, направляющим всю свою деятельность на то, чтобы как можно больше продать и получить больше дохода.

В 30—50-е годы XIX века наиболее показательно в этом отношении Гомельское имение. Постепенно оно становилось типичным предпринимательским многоотраслевым хозяйством, основанным на барщинной форме эксплуатации. В течение первой половины XIX века в имении непрерывно росли посевы зерновых культур, а также увеличивались площади технических — картофеля, льна, конопли, а в 40-е годы — сахарной свеклы.

ТАБЛИЦА 5

Год	Посеяно, четвертей									
	ржи	пшеницы	ячменя	овса	гречихи	гороха	льна	конопли	свекло- вицы	картофеля
1814	876	52	69	1590	330	15	9	26	—	—
1818	1121	15	134	1387	300	18	5	15	—	61
1822	1268	15	172	1628	340	87	9	12	—	274
1825	1374	2	84	1844	783	78	16	18	—	388
1828	1413	10	62	1811	834	43	18	20	—	398
1832	1630	21	102	1687	692	19	21	25	—	321
1838	2147	32	141	2360	743	32	42	67	—	5533
1847	5950	75	375	6000	1720	110	87	87	50 пудов	8500

Показательно большое увеличение посевов крупяных культур (гречихи), гороха, находивших спрос на рынке. Как видно, значительно увеличились посевы льна — в 9,7 раза, конопли — в 3,3 раза. Особенно возросли площади под картофелем — более чем в 140 раз. Наибольшее увеличение посевов всех перечисленных культур характерно для Гомельского имения, особенно во второй половине 30 — в конце 40-х годов, т. е. в период особенно бурного развития товарно-денежных отношений. Тогда же большое количество хлеба, в основном переработанного на муку и крупу, шло на продажу; продавались также собранные с крестьян в счет платы натурой за землю льняные и конопляные полуфабрикаты. В 1815 году из имения было продано: ржи — 2866, пшеницы — 213, раз-

ной муки — 3460 четвертей, гречихи — 417, разных круп — 410, пеньки — 5680 пудов¹.

Количество проданного хлеба, круп в разные годы было неодинаковым и зависело от рыночной конъюнктуры, от потребностей имения; в иные годы большая часть хлеба уходила на винокурение. Но общая тенденция — расширение продажи. В письме Паскевича от 27 декабря 1834 года управляющему было приказано продавать больше хлеба и назначено к продаже на ближайшее время 25 тыс. четвертей разного хлеба. Особенно интересно письмо от 27 февраля 1835 года: «Настоятельно прошу Вас,— пишет Паскевич управляющему,— продавайте и продавайте хлеб. Для меня важно, чтоб хлеб был продан в большом количестве, а не то, чтоб продан был дороже против других. Другие продают по 1 руб. 80 коп. пуд — отдавайте на 15 коп. дешевле, но продавайте. Велите вывозить хлеб на базары в Гомель и другие места. Отправьте на байдаках с первою водою хоть 500 четвертей ржи и 500 четвертей гречихи; продавайте с уступкою. Нужно разослать расторопных людей, чтобы узнать, не нужно ли хлеба комиссионерам, которые для I армии заготавливают хлеб в ближних губерниях. Словом, надо выискивать все места, где можно поместить хлеб, и стараться его сбыть. Продажа хлеба теперь — главное дело»².

В 1835 году предполагалось продать оставшиеся в имении после расхода 6743 четверти ржи, 7168 четвертей овса и 10 108 четвертей гречихи. Для продажи этого количества товара были посланы комиссионеры в Кременчуг и Екатеринослав «для приискания покупателей на яровой хлеб, в котором по Днепру нуждаются на семена», и в Киев для продажи подрядчикам и провиантскому ведомству I армии. Весь другой хлеб — пшеницу, ячмень, горох, просо — было решено продать на месте, оставив столько, сколько нужно на семена. В 1838 году было перемолото на муку и крупу более 18 370 четвертей ржи, 1100 четвертей ячменя, 1475 четвертей овса, 1740 четвертей гречихи и других круп. Из полученной муки продано более 73 тыс. пудов, 50 тыс. пудов гречневых круп и около 450 пудов других круп. Мука и крупа продавались в больших количествах местным купцам-скупщикам;

¹ ЦГИА БССР, ф. 2241, д. 34.

² Там же, ф. 2240, д. 2, лл. 61—64; оп. 1, д. 17, лл. 34—37.

в 1838 году могилевскому купцу Лурье было продано 50 тыс. пудов муки с доставкой ее барщинными крестьянами в местечко Гомель.

В одном из своих хозяйственных распоряжений Паскевич отмечал, что «торговля хлебом составляет одну из важнейших отраслей наших доходов». Стремлением продать хлеб, поисками возможностей выгодной его реализации проникнута вся хозяйственная переписка владельца имения с управляющим. В 1850 году в связи с затруднениями в продаже из-за недостатка покупателей в Гомеле и других близлежащих городах хлеб и другие сельскохозяйственные продукты на общую сумму 50 тыс. руб. было решено отправить весной на плотях в Брест, а оттуда отвезти в Варшаву¹.

Торгово-предпринимательский характер хозяйства Гомельского имения выражался в том, что имение продавало хлеб не только собственного производства, но закупленный для перепродажи в других местах по более дешевой цене, и не только для продажи, но и для переработки на винокурнях. Так, в 1843 году Паскевич в письме к управляющему в связи с большим снижением цен на хлеб на Украине приказывал «не упустить столь удобного случая для составления запасов и купить на все свободные деньги до 100 тыс. пудов ржи»². В 1838 году Паскевич распорядился для расширения винокурения купить на Украине не менее 50 тыс. пудов ржи, а в случае необходимости — и 80 тыс. пудов³.

Доля дохода от продажи хлеба и других продуктов земледелия в общем доходе Гомельского имения неуклонно возрастала в течение всей первой половины XIX века. Конечно, абсолютная сумма поступавших от продажи этих продуктов денег была неодинакова в разные годы в зависимости от цен на хлеб, которые все время менялись. Так, средняя цена за четверть зерна основных культур за пятилетие по Гомельскому имению менялась следующим образом (см. табл. 6)⁴.

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, д. 13, лл. 283—284; д. 17, лл. 16—18, 623—624; д. 37, лл. 8—16; д. 57, л. 306.

² Там же, ф. 2240, оп. 1, д. 57, л. 104.

³ Там же, д. 12, лл. 85—94.

⁴ К. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі, стр. 121.

ТАБЛИЦА 6

Культура	1814—1819 гг., руб.	1824—1829 гг., руб.	1830—1834 гг., руб.
Рожь	12—00	8—10	13—61
Овес	6—33	4—65	6—16
Льняное семя	8—50	7—95	14—90

20-е годы были неблагоприятными для реализации сельскохозяйственных продуктов вследствие падения цен на них по сравнению с 1814—1819 годами почти в 1,5 раза. В дальнейшем они вновь поднялись. Учитывая это разнообразие цен, все же можно убедиться, что продажа хлеба давала все больший доход и абсолютно, и относительно всей суммы дохода имения (см. табл. 7).

ТАБЛИЦА 7

Год	Общий доход имения, руб.	Доход от продажи хлеба и других продуктов, руб.	% от всего дохода
1815	433870	15752	3,6
1819	763960	41762	5,3
1826	282338	40906	14,6
1829	316393	36573	9,7
1831	318400	40703	12,8
1833	346185	70345	20,3
1838	498630	73667	14,9
1848	519220	116710	22,4
1852	382106	114846	30,0

Большое количество хлеба уходило на переработку в винокурнях. Это, с одной стороны, было выгодно в том отношении, что приносило больший доход, чем продажа зернового хлеба, а с другой — давало возможность быстрее реализовать хлеб, особенно при затруднениях сбыта зерна на рынке. В 40-х годах на винокурение уходило также много и картофеля. В 1815 году на четырех винокурнях было затрачено 40 тыс. пудов ржаной муки¹, в 1838 году ушло 63 тыс. пудов. В 1847 году в Гомельском имении было 7 винокурен, на которых в сутки затиралось по 70 пудов муки и 130 пудов картофеля; действо-

¹ ЦГИА БССР, ф. 2241, д. 24.

вали они по 4—6 месяцев¹. Как уже указывалось, иногда для винокурения в случаях недостатка собственного хлеба он закупался по дешевым ценам в украинских губерниях.

В Гомельском имении в 1815 году выкуривалось 21 650 ведер водки, в 1824 году — 20 320, в 1830 году — 31 790, в 1833 году — 36 480, в 1838 году — 42 250 и в 1847 году — более 35 000 ведер².

Суммы, поступавшие от продажи водки оптом и в шинках, составляли значительный процент в доходе (см. табл. 8)³.

ТАБЛИЦА 8

Год	Общий доход, руб.	Доход от винокурения, руб.	%
1815	433870	148510	34,3
1824	252505	106760	42,2
1833	346185	156790	45,0
1838	498630	128150	25,7
1848	519220	59520	11,6
1850	212084	58510	27,5
1852	382110	56140	14,7
1854	230020	43060	18,7

Как видно, доход от винокурения составлял наибольшую долю в первой трети XIX века, особенно в 20-е годы, когда цены на зерновой хлеб снизились и помещики предпочитали больше хлеба перерабатывать на водку. В дальнейшем доля дохода от винокурения колебалась, однако не достигла уровня 20-х годов. Снижение доходов от винокурения в 40-е годы можно объяснить тем, что эта отрасль сократилась в связи с введением акцизной системы. Винокурение составляло в Гомельском имении среди других развитых отраслей хозяйства значительную долю дохода, а в 40—50-е годы — от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ части всего дохода имения. Для нужд винокурения с середины 30-х годов в Гомельском имении началось усиленное расшире-

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, д. 37, лл. 13—16; д. 86, лл. 9—10.

² Там же, ф. 2241, лл. 2, 37, 86; ф. 2241, д. 24. См. также: К. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі, стр. 146.

³ ЦГИА БССР, ф. 2240, д. 2, лл. 252—253; д. 186, лл. 112—113; К. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі, стр. 172—173.

ние площадей под картофель. Выше уже указывались масштабы этого расширения. В распоряжениях по имению за эти годы большое внимание уделялось этому вопросу. В письмах к управляющему в 1835 году владелец имения приказывал в каждой фольварке занять под картофель 20 десятин земли, кроме уже засеянного на питание и корм скоту. Для обработки картофельных полей были приобретены специальный плужок и бороzdник; приглашен агроном-специалист по разведению картофеля, приказано также 700 семействам бобылей нарезать огороды, которые они обязаны были занять под картофель для нужд винокурения, для чего им выдавалось по 2 четверти семенного картофеля¹.

Широко развитое винокурение доставляло дешевый корм для скота — барду. Интересы предпринимательства, стремление использовать все хозяйственные ресурсы для увеличения доходов имения стимулировали развитие скотоводства. По документам видно, что владелец имения уделял этой отрасли хозяйства большое внимание. В своих распоряжениях, относящихся к концу 30-х годов, он требовал из года в год улучшать состояние животноводства, особенно тонкорунного овцеводства; построить утепленные каменные овчарни, распределить овец по тем фольваркам, в которых было больше хороших пастбищ, расширить сенокосы за счет осушения болот и расчистки лесных порослей, засеять их хорошей травой на корм овцам, обеспечивать их доброкачественным кормом на зиму. Для ухода за овцами были наняты опытные овчары, работавшие под руководством выписанного из Саксонии специалиста. Обращалось внимание и на другие стороны скотоводства, в частности на свиноводство: закупались на Украине крупнопородные свиньи значительными партиями (только в 1838 г. их было куплено 384 штуки), которые затем откармливались бардой для продажи. С той же целью откармливался на убой крупнорогатый скот; путем введения улучшенного кормления повышалась удойность коров и т. д.²

Данные о количестве разного скота в Гомельском имении сведены в табл. 9³.

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, д. 2, лл. 25—26, 61—64; д. 17, лл. 34—35, 48—50.

² Там же, д. 12, лл. 85—94; д. 13, лл. 283—284.

³ Там же, дд. 2, 15, 37, 86; ф. 2241, лл. 33, 34, 63.

ТАБЛИЦА 9

Вид скота	1816 г.	1819 г.	1825 г.	1832 г.	1838 г.	1847 г.	1853 г.
Лошади	55	109	135	60	151	366	
Крупный рогатый скот	653	1900	1610	1184	2015	1901	1788
В том числе бессарабской, английской и др. .	5	353	—	—	300	99	—
Овцы	2973	12811	8652	5725	14930	19010	20823
Свины	230	669	173	—	350	1067	
В том числе варшавской, английской и др. . .					71	384	

Первая партия тонкорунных овец (в несколько сот голов) была завезена в Гомельское имение из Богемии в 1811 году. Затем это количество возросло за счет новых покупок за границей и главным образом за счет естественного прироста. Шерсть, поступавшая от овцеводства, шла на продажу в Ригу, Варшаву, Москву и приносила значительный доход.

В 20—30-е годы в среднем в год настригалось по 600—800 пудов шерсти¹, в конце 30—40-х годов, когда число овец выросло, шерсти собиралось по 1000—1500 пудов в год². В 1818 году за продажу шерсти было выручено 9560 руб., в 1834 году — свыше 15 тыс.; в 1848 году за проданную в Риге шерсть получено 14 830 руб.³

В 20—30-е годы многие помещики приобретали тонкорунных овец для разведения, и цены на них были высокими. За десятилетие (1824—1833) из Гомельского имения было продано около 22 150 овец и до 8120 пудов шерсти. В среднем за год доход от овцеводства составил: за продажу овец от 3,5 тыс. до 7 тыс. руб. серебром, и за проданную шерсть 10—15 тыс. руб.⁴

Крупного рогатого скота продавали меньше — не более 40—60 голов в год. На продажу шли продукты скотоводства — масло, сыр, свиное сало, а также кожа. В имении для переработки продуктов животноводства были

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, д. 2; ф. 2241, л. 63, лл. 8—11; д. 84, л. 2.

² Там же, ф. 2240, л. 37, л. 29; д. 57, лл. 290, 301, 307.

³ Там же, ф. 220, д. 57, л. 290; ф. 2241, д. 33, л. 20.

⁴ Там же, ф. 2240, д. 2, лл. 261—264.

маслобойня, сыроварня, небольшой кожевенный завод, обрабатывавший кожи, поступающие от убоя скота. В 1815 году было получено 93 пуда масла, 179 пудов сыра, в конце 20—30-х годов в среднем поступало со скотоводческих ферм имения 220—300 пудов масла, 320—480 сыра, 200—250 свиного сала, 150—200 пудов свиного мяса, 150—200 окороков. Большая часть полученных продуктов вывозилась в Москву, Петербург, в меньших количествах продавалась могилевским купцам¹. Исходя из средних цен, по которым в 30—40-е годы продавались продукты животноводства (по Гомельскому имению масло коровье стоило 4 руб. — 4 руб. 20 коп. за пуд, сало свиное — 2 руб. 40 коп. — 2 руб. 60 коп. за пуд²), в год выручка за эти продукты достигала 2—3 тыс. руб.

По данным годовых отчетов управляющих Гомельским имением, весь доход от скотоводства за разные годы составлял следующую сумму от общего дохода по имению³: в 1815 году — 3462 руб. (0,8%), в 1819 году — 5 тыс. (0,6%), в 1829 году — 6937 (1,2%) и в 1838 году — 59 071 руб. (11,9%).

Рост дохода от скотоводства, наблюдавшийся в 30-е годы, приходится главным образом на тонкорунное овцеводство. Некоторую часть доходов давала также плата за прокорм на пастбищах имения, на барде скота, взятого на откорм на сезон у могилевских и гомельских купцов по контрактам. Только в 1837 году по контракту за откорм 600 волов было получено 4800 руб.⁴

Однако, несмотря на значительный рост скотоводства, эта отрасль еще не получила в Гомельском имении большого развития. Этому препятствовали затруднения в сбыте продуктов животноводства — малый спрос на них на местном рынке.

Большую долю доходов Гомельского имения составляли поступления от торговли лесом и лесотоварами — досками, тесом, гонтом, а также смолой и дегтем. В 1836 году было открыто судоходство от Гомельского имения по Сожу и Днепру на собственных судах — бер-

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, д. 37, лл. 17—20; д. 78, лл. 20—26; д. 84, л. 2; ф. 2241, д. 24.

² Там же, д. 23, л. 33; д. 57, л. 66.

³ К. Кернажицкі. Гаспадарка прыгонікаў на Беларусі, стр. 173; ЦГИА БССР, ф. 2240, д. 12; ф. 2241, д. 24.

⁴ ЦГИА БССР, ф. 2240, д. 12, л. 67.

линах. С этого времени продажа леса особенно расширилась. Лес в плотках и на берлинах сплавлялся вниз по Днепру в украинские губернии — в Чернигов, Золотоношу, Кременчуг¹. Оттуда привозились купленные по дешевой цене зернопродукты. В 1838 году из имения было отправлено по Днепру 500 больших бревен, 3500 досок, 105 тыс. штук гонту и других лесотоваров². Смола и деготь, выгоняемые крестьянами на местных смолокурнях, продавались в основном на месте.

В 50-е годы лес в Гомельском имении вырубался и продавался в огромных количествах: это было наиболее выгодным способом выйти из создавшегося тяжелого положения — большая часть крестьян находилась в залоге, долги имения возросли до катастрофических размеров, доходы уменьшились. Лес отдавался большей частью на вырубку купцам по контрактам. В 1853 году несколько могилевских купцов предложили Паскевичу купить на 1800 тыс. руб. серебром леса³. Рубил и продавал лес даже сам владелец, нанимая на работу крестьян собственного и соседних имений по договорам с помещиками и платой по 3 руб. 60 коп. — 4 руб. за каждого рабочего в месяц. Нанимались также по вольному найму государственные крестьяне по сдельной оплате: за выделку 2 ванчосов (мачтовых деревьев) длиной 15—16 футов в неделю по 1 руб. Только в июле — октябре 1859 года в имении работало на вырубке леса и обработке мачтовых деревьев около 300 крестьян, нанятых у соседей-помещиков, помимо собственных крестьян Гомельского имения⁴.

В 30—40-е годы в результате такого истребления лесные площади в имении значительно сократились: в 1833 году под лесом было занято 70 600 десятин земли, по описанию имения за 1847 год осталось всего 52 470 десятин⁵. Все лучшие массивы мачтового леса к концу 50-х годов были истреблены.

Доходы от продажи леса и лесных материалов за разные годы составляли следующие суммы⁶: в 1815 году —

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, д. 37, лл. 34—36.

² Там же, ф. 2240, д. 13, лл. 627—628.

³ Там же, д. 248, лл. 5—10.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 2, лл. 201—202; д. 86, лл. 1—2.

⁶ К. Керняжыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі, стр. 173; ЦГИА БССР, ф. 2240, дл. 12, 86, 186; ф. 2241, д. 34.

6486 руб. (1,5% от всего дохода имения), в 1819 году — 23 509 (3%), в 1829 году — 2217 (0,6%), в 1838 году — 27 464 (5,5%), в 1848 году — 163 998 (31,5%), в 1851 году — 58 041 (25,9%), в 1854 году — 82 294 руб. (35,7%).

Резко возросший в 50-е годы процент доходов от лесоторговли являлся свидетельством усиления предпринимательской деятельности владельца Гомельского имения, вместе с этим он был показателем кризисного состояния сельскохозяйственного производства.

Следует отметить и еще одну сторону предпринимательской деятельности владельца Гомельского имения — создание промышленных предприятий для получения дополнительных доходов.

В Гомельском имении было 6 небольших кирпичных заводов, вырабатывавших кирпич в основном для нужд имения: смоловарни (их было тоже 6), винокуренные заводы (7), пивоварня, маслодельня (по производству растительного масла), кожевенный завод, свечно-сальный, медеплавильный; из более крупных, вырабатывавших изделия в основном для продажи, — ткацкая мануфактура на 15 станков, стекольный завод, а с конца 30-х годов здесь был основан большой сахарный завод, на котором работало 200 наемных рабочих¹.

В имении изготовлялось и продавалось значительное количество промышленных изделий. В 1818 году, по сведениям управляющего, поступило от продажи изделий предприятий более чем 19 300 руб., в 1829 году от мануфактурных заведений поступило 19 850 руб., что составило более чем 5% всех доходов имения². В 20—30-е годы на ткацкой фабрике выделялось разное полотно, салфетки, скатерти на 6—8 тыс. руб.; на стекольном предприятии изготовлялось богемское стекло, разные бутылки и аптечная посуда на 6—9 тыс. руб.; на свечно-сальном предприятии изготовлялось до 250 пудов свечей на 3000—3500 руб. На кирпичных заводах производилось в год в среднем по 1—1,5 млн. штук обожженного кирпича, на кожевенном выделялось 1000—1500 штук кож. На сахарном заводе в середине 40-х годов сахара производилось на 14—16 тыс. руб.³

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, дд. 37, 86; ф. 2241, д. 38.

² Там же, ф. 2241, д. 33, лл. 20—21; д. 78, лл. 20—26.

³ Там же, ф. 2240, д. 37, л. 86; д. 57, л. 296; ф. 2241, д. 64, лл. 6—8, 14—24.

На примере Гомельского имения можно проследить постепенный процесс превращения феодального поместья в предпринимательское многоотраслевое хозяйство, рассчитанное на потребности внутреннего и внешнего рынков, приспособлявшееся к этим потребностям.

Однако устремление всего производства помещичьего хозяйства на рынок еще не делало из него хозяйства капиталистического типа. Основное производство в нем основывалось на барщинном труде крепостных крестьян: земля обрабатывалась тягловой силой и примитивными сельскохозяйственными орудиями самих крестьян; наемный труд применялся только на дополнительных работах — на лесоразработках, на некоторых промышленных предприятиях, на строительных работах и т. п. Сельскохозяйственные машины применялись мало, причем не на основных работах по обработке земли — вспашке, уборке урожая, а большей частью при обработке собранных продуктов — молотье, веянии и т. п.

3. ПОМЕЩИЧЬЯ РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Развитие товарно-денежных отношений, увеличение потребности на сельскохозяйственные продукты на внутреннем и внешнем рынках вызывало у помещиков Белоруссии стремление поднять производительность своих хозяйств, произвести больше товарной продукции, повысить доходность имений. Однако осуществлению этого препятствовало господство феодальных общественных отношений, тормозивших развитие производительных сил в сельском хозяйстве. Большинство помещиков Белоруссии поднимали доходность своих имений усилением феодальной эксплуатации, главным образом увеличением отработочных повинностей — пригонов, сгонов, а также расширением барской запашки и увеличением посевов за счет обработки залежей и пустошей и за счет земли, отобранной у крестьян. Все это вело к подрыву производительных сил, к разорению и обнищанию крепостных крестьян — основных производителей в феодальном обществе. На первых порах такая интенсификация феодальной эксплуатации дала некоторые результаты, доходность помещичьих хозяйств несколько повысилась, помещики смогли увеличить количество выпускаемого на рынок товарного хлеба.

Однако такой способ скоро показал свою обратную сторону — привел к снижению уровня сельского хозяйства.

Увеличение товарности помещичьего хозяйства старыми феодальными методами влекло к снижению производительности труда, к истощению почвы и в результате к частым неурожаем. Усиление крепостнической эксплуатации вело к подрыву и упадку крестьянского хозяйства и в конечном итоге к падению помещичьего хозяйства. Это противоречие более или менее четко определилось к 40-м годам XIX века. Оно свидетельствовало о том, что старыми методами невозможно не только поднять сельское хозяйство, но даже удержать его на прежнем уровне.

Падение сельскохозяйственного производства требовало коренного улучшения агротехнической базы сельского хозяйства на основе новых, капиталистических отношений. Однако господство в Белоруссии барщинной системы было основным и решающим тормозом, препятствовавшим такой коренной перестройке основ ведения хозяйства.

Несмотря на это, начиная со второй четверти XIX века и особенно в 40—50-е годы, в Белоруссии явно определилась тенденция к усовершенствованию приемов ведения сельского хозяйства. Во всех губерниях эта тенденция проявлялась в разной степени и разных формах. Стремление к введению некоторых рационализаторских методов в сельскохозяйственное производство наблюдалось в крупных и отчасти средних помещичьих хозяйствах.

Мелкопоместные дворяне продолжали вести свое хозяйство прежними, устаревшими методами, не имея ни средств, ни возможностей для проведения агротехнических улучшений. В Белоруссии, несмотря на существование крупных земельных владений, за исключением Гомельского имения князя Паскевича, почти не было больших поместий с многоотраслевым, широко развитым хозяйством, позволявшим применять различные нововведения без риска нанести чувствительный урон хозяйству в случае неудачи того или иного опыта. Все это ограничивало возможности рационализации помещичьего хозяйства. Преобладание мелких хозяйств, слабо связанных с рынком, в которых совершенно отсутствовали свободные средства для вложения их в те или иные пред-

принимательские мероприятия, представляло основной тормоз в преодолении такой черты феодализма, как низкий уровень хозяйства. Это не могло не сказаться на объеме и степени рационализации.

В течение первой половины XIX века в Белоруссии почти не было сделано сколько-нибудь серьезных попыток внести изменения в социально-экономические отношения, т. е. заменить крепостной труд наемным в сельскохозяйственном производстве.

Отдельные факты применения наемного труда в сельском хозяйстве носили случайный, спорадический характер и не влекли особых перемен в организации сельскохозяйственного производства даже отдельного помещичьего хозяйства. Несколько шире применялся наемный труд главным образом в крупных имениях, на вотчинных мануфактурах (сахарных, стекольных, бумажных, отчасти железоделательных и медных), а также на вспомогательных работах: рубка и вывозка леса, обработка древесины, различные строительные работы.

Меры по улучшению и перестройке помещичьего хозяйства Белоруссии почти не коснулись агротехнической базы в основных сельскохозяйственных работах — вспашке земли, в ее удобрении, посевах, уборке урожая. Успешное выполнение этих работ — основа дальнейших улучшений. Осуществление таких нововведений, как применение наемного труда, улучшение агротехнических приемов обработки земли, требует наибольших затрат средств, ощутимые результаты таких улучшений сказываются позднее.

В Белоруссии в первой половине XIX века в хозяйствах помещиков нашли применение менее глубокие рационализаторские методы хозяйствования. Такие меры стали распространяться в основном начиная примерно с 40-х годов XIX века и особенно участились в 50-е годы, т. е. приходились на тот период, когда крепостное хозяйство вошло в состояние кризиса, когда происходило все более углублявшееся снижение уровня сельскохозяйственного производства в помещичьих хозяйствах.

Из всей совокупности мер по усовершенствованию сельскохозяйственного производства в эти годы в Белоруссии наибольшее практическое применение (как и в большинстве барщинных районов России) получило использование молотильных и веяльных машин.

В отчетах минского губернатора за 40-е годы указывается, что «во всех почти имениях находятся молотильные и другие машины»¹. Молотильни эти приводились в движение 2—3 лошадьми, их обслуживали 12 рабочих, обмолачивала машина в день по 1200—1500 снопов. В губернаторских отчетах и хозяйственных очерках Могилевской губернии указывается на применение такого вида сельскохозяйственных машин².

В Белоруссии, как и в России, наиболее была распространена молотилка конструкции Бутенопа привезенная из-за границы. Эта машина стоила по тогдашним ценам 300 руб. серебром — сумма для многих помещиков очень значительная. Тогда же в Белоруссии появились изобретатели более дешевых и простых молотилок. В Могилевской губернии, например, наряду с молотилкой Бутенопа все более широкое применение находила молотилка упрощенной конструкции, изобретенная оршанским помещиком Солтаном. Эта машина стоила всего 300 руб. ассигнациями (т. е. меньше 100 руб.). Оршанский помещик Цеккерт сам сконструировал молотилку, деревянные части которой изготовляли его столяры, а железные заказывались на Мальцевском заводе. Эта молотилка также стоила дешевле бутеноповской, и ее охотно заимствовали окрестные помещики³.

Вольноотпущенный крестьянин Пинского уезда Минской губернии Якушик изобрел пароконную молотилку, трех- и четырехконную жнейку, оба приспособления прошли испытание в Горы-Горецком земледельческом училище и заслужили одобрение. Были изобретены машины для копки канав, распиловки досок, а также соха, «которая, будучи запряжена парой лошадей или быков, пашет за 4 сохи». Якушик организовал в своем имении мастерскую, в которой изготовлялись эти машины, затем он продавал их помещикам. Объявления о продаже машин Якушика печатались в «Виленском вестнике» в 50-е годы в течение 10 лет.

В то же время изобрел и сконструировал жнейку помещик Вилейского уезда Виленской губернии Домейко⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 69, л. 36; д. 91, л. 19.

² ЖМГИ, 1845, ч. 17, стр. 199.

³ ЖМГИ, 1847, ч. 25, кн. 2, стр. 100.

⁴ Н. Н. Улащик. Крестьянская деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 г. «Вопросы истории», 1948, № 12, стр. 60.

В Гродненской губернии в 50-х годах также были распространены молотилки, веялки, применялись жатки, соломорезки¹.

Использование в помещичьих хозяйствах молотильных и веяльных машин отмечается в хозяйственном обозрении Витебской губернии за 50-е годы².

Довольно широкое и быстрое распространение молотилок и веялок в Белоруссии объясняется тем, что они значительно уменьшали потери при уборке урожая до наступления дождливого осеннего времени. Возможность высушить, обмолотить и провеять зерно до наступления глубокой осени освобождало от необходимости хранить хлеб в скирдах и обмолачивать его в зимнее время в закрытых помещениях. Молотилки и веялки в 2—2,5 раза ускоряли работу и позволяли в страдную пору использовать освободившуюся рабочую силу на уборке урожая.

Один из современников, говоря об употреблении молотилок в Белоруссии и рекламируя это нововведение, отмечал, что для обмолота в день 28 копен ржи цепами требовалось 24 человека, при употреблении же молотилки и веялки на эту же работу хватало 9—10 рабочих³.

Таким образом, наиболее широкое распространение в Белоруссии (как, впрочем, и в большинстве губерний России) получили машины для обработки уже снятого урожая. Значительно в меньшей степени употреблялись уборочные и посевные машины — жатки, сеялки и орудия по обработке земли — плуги, экстирпаторы, бороны. Это отмечается во всех хозяйственных описаниях белорусских губерний. Изобретатель жатки Якушик, рекламируя свою машину, писал: «Если принять в уважение затруднения при ручном жатии и убытки, наносимые от опоздания уборки хлеба с полей, легко убедиться, что польза этой машины несомненна, очевидна и с избытком вознаграждает издержки»⁴. Однако машина эта слабо внедрялась в помещичье хозяйство. Помещики считали, что выгоднее и дешевле убирать урожай, используя крепостных крестьян. С этой целью они увеличивали в дни

¹ П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 253—255.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18 627, л. 163.

³ Бенекс. Хозяйственные очерки Могилевской, Минской и Волынской губерний. (ЖМГИ, 1845, ч. 17, стр. 199).

⁴ «Виленский вестник», 1850, № 16.

уборки барщину, используя «стоны» («толоки», «гвалты»). В отчете за 1858 год гродненский губернатор отмечал, что «почти всеми значительными помещиками усвоены нововведения — молотильные машины, сечкарни и веялки, но уборка хлебов производится по-прежнему ручную, ибо жнейки в губернии еще очень редки»¹.

Материалы, которыми мы располагаем, показывают, что даже в конце 50-х годов железные плуги и бороны применялись еще крайне мало. Лишь отдельные крупные помещики, отмечается в хозяйственных описаниях, употребляли плуги и держали лошадей для них². Такое явление объясняется тем, что обработка земли здесь велась бесплатным трудом и тягловой силой крепостного крестьянина, находившегося на барщине. Это обходилось помещику много дешевле, чем вспашка и боронование своими покупными плугами и боронами, для которых необходимо было еще содержать своих лошадей, так как слабосильные крестьянские лошади не в состоянии были тащить тяжелый плуг. «Опираясь на даровую силу крестьян, — писал Бобровский, — землевладельцы мало заботились о качестве обработки, содержали недостаточное количество скота и не вводили машин»³.

Большое распространение картофеля заставило помещиков применять специальные пропашники и окучники. Эти орудия употреблялись повсеместно.

Помещик Копысского уезда Могилевской губернии Менжинский в конце 40-х годов сконструировал запашник и открыл в своем имении мастерскую. Запашники он продавал местным помещикам⁴. Помещик Витебской губернии Гибер фон Грейфенфельс также сконструировал особый облегченный плуг, который применял в своем хозяйстве для вспашки земли под картофель⁵.

Применение железных плугов и борон все же было явлением редким. Даже помещики, которые вводили в своих хозяйствах те или иные улучшения, не всегда при-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 77, л. 11.

² И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 14—16; П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 250—252.

³ П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 252.

⁴ ЖМГИ, 1848, ч. 26, кн. 1, стр. 135.

⁵ ЦГИА БССР, ф. 1628, д. 183.

меняли эти орудия обработки земли, предпочитая старую соху и деревянную борону. Плуги большей частью применялись в тех имениях, которые значительно ушли вперед в перестройке хозяйства.

В некоторых крупных имениях Могилевской губернии широко применялись все известные в то время машины: молотилки, веялки, сортировки, соломорезки, сеялки, а также железные плуги, экстирпаторы, бороздники для окучивания картофеля, кочкорезы, катки и др.

Все эти машины имели в своих хозяйствах князь Паскевич, Любомирский, помещики Менжинский, Гурко, Хоминский, Цехановецкий. Цеккерт и некоторые другие¹.

Довольно распространенным явлением, особенно во второй четверти XIX века, было применение сортовых семян, дававших более высокие урожаи, главным образом яровых хлебов. В Белоруссии наряду с местными сортами ячменя и овса сеялись английский ячмень, английский и венгерский овес. Возделывались также разные сорта картофеля.

В 40—50-е годы происходили большие изменения в агротехнических приемах ведения помещичьих хозяйств — введение плодопеременного многопольного севооборота и посевов кормовых трав. Как уже отмечалось, в связи с разведением тонкорунных овец (особенно в Гродненской губернии) выросла потребность в более качественных кормах. В имениях, имевших по тысяче и больше овец, стали засевать часть поля кормовыми травами. Сеяли обычно вику, тимофеевку и клевер. Вначале под эти культуры отводилась небольшая часть ярового или чаще парового поля, причем трехпольная система в целом не нарушалась. В дальнейшем (особенно с середины 40-х годов) некоторые помещики стали переходить к четырехполью, а отдельные — к правильному многопольному севообороту. Однако имения с многопольной системой считались еще единичными, применение многополья в основном носило экспериментальный характер, не меняя общего уровня развития помещичьего хозяйства, основанного, как и прежде, на трехпольной системе.

В Гродненской губернии плодопеременная система с посевами кормовых трав была необходима для получе-

¹ ИГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, л. 69, лл. 6, 8; ЖМГН, 1847, ч. 25, кн. 2, стр. 77—101.

ния кормов, так как выгонов и лугов в губернии для содержания тонкорунных овец было недостаточно. В отчетах гродненского губернатора в начале 40-х годов подчеркивается это обстоятельство и отмечается, что «плодопеременное хозяйство с засевом трав и вики... ныне уже существует в некоторых имениях, преимущественно для поддержания овец». В отчете за 1845 год также указывается, что «земледелие производится заведенным в старину порядком, но в некоторых имениях, у хозяев более просвещенных и достаточных, заводятся четвертые поля, вводится плодопеременная система, выписываются улучшенные орудия и машины».

Однако примеры глубокой перестройки помещичьего хозяйства были единичными и терялись в общей массе имений, в которых хозяйство велось по-старому. Гродненский губернатор в своем отчете за 1858 год указывал, что «плодопеременное хозяйство и соединенное с ним травосеяние не получили большого развития у помещиков», что «только в значительных помещичьих имениях хозяйство устроено на более совершенных началах, в большей же части селений продолжают вести хозяйство по издревле заведенному порядку»¹. Уточняя эти сведения, Бобровский писал: «Вполне рациональное хозяйство ведется в хозяйствах 2 десятков не более помещиков. Большинство сельских хозяев — рутинеры, придерживающиеся старинной системы и неохотно вводящие улучшения»².

Чрезвычайно медленно проникало многополье в помещичьи имения Минской губернии. В отчетах за первую половину 40-х годов губернаторы сообщали, что, несмотря на из года в год увеличивавшиеся площади под картофель, «плодопеременная система здесь неизвестна; хозяйство трехпольное укоренилось с давних времен, многопольное едва вводится в двух-трех имениях». В отчете же за вторую половину 40-х годов отмечается уже, что хотя «сельское хозяйство медленные делает еще успехи» вследствие того, что наличие обширных пахотных полей у помещиков не заставляет их переходить к улучшенному полеводству, однако «в Новогрудском уезде, где мень-

¹ ЦГИАЛ. ф. 1281, оп. 3, л. 95, л. 39 об.; оп. 4, л. 128, л. 28; оп. 6, л. 77, л. 44, л. 9 об.

² П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния. т. 2, стр. 252.

ше земли, введено уже у многих помещиков плодопеременное хозяйство, травосеяние, а также улучшенное скотоводство»¹.

Зеленский также считает многоземелье одной из главных причин слабого внедрения многополья в Минской губернии. «Трехпольная система, — пишет он, — принята здесь повсеместно... Что же касается улучшенной многопольной системы, то при слабом развитии скотоводства, при качестве полей, требующих много удобрения, и при многопольном наделе имений система эта покуда неприменима и, составляя редкое исключение, не находит последователей»². Более распространенной в Минской губернии была переходная четырехпольная система, особенно при полевых наделах картофеля и кормовых трав в Борисовском, Минском, Новогрудском уездах. При этой системе к старому трехпольному распределению полей озимое — яровое — пар добавлялось четвертое поле, засаженное картофелем и засеянное кормовыми травами³.

В Могилевской и Витебской губерниях плодопеременная система применялась в немногих помещичьих имениях. «Почти везде поля обрабатываются трехпольной системой, — говорится в отчетах могилевского губернатора за 40-е годы, — некоторые однако благомыслящие помещики начали уже заниматься усовершенствованием земледелия и улучшением скотоводства»⁴. В хозяйственном обозрении Витебской губернии за 1852 год также отмечается, что господствующей системой здесь являлось трехполье, «в немногих только помещичьих имениях — плодопеременное»⁵.

Некоторые помещики в порядке эксперимента удобряли часть полей торфом, мергелем, применяли неорганические удобрения — гипс, золу и др. Следует подчеркнуть, что это были крайне редкие, единичные и частичные опыты.

Обычно помещики-рационализаторы, перестраивая свое хозяйство, не останавливались на одном каком-ни-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 4, д. 30, л. 26; д. 91, л. 299 об.

² И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 8.

³ Там же, стр. 10.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 78, л. 17 об.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18 627, стр. 171.

будь мероприятия, а вводили различные улучшения: применяя машины, вводили многополье, посевы трав и др. Иногда эта перестройка затрагивала не все хозяйство, а лишь часть крупного имения, как это было, например, в большом Гомельском имении Паскевича. Это относилось и к крупным владениям, в которые входило много различных имений (например, владения Радзивиллов, Витгенштейнов, Замойских, Скирмунтов и др.).

Помещичьих имений, в которых хозяйство, перестроенное на новых началах, велось успешно в той или иной степени, в 40 — 50-е годы насчитывалось еще крайне мало. По сведениям канцелярии гродненского губернатора, в губернии из общего числа 1700 имений в 40-е годы «благоустроенных» было всего 23: имение «Станиславо-во» князя Любецкого в Гродненском уезде, «Езиоры» помещика Валицкого, «Скидель» князя Четвертинского, «Зеленевицы» помещика Сегеня в Волковысском уезде, имение «Трубницы» помещика Биспинга, «Грошаница» в Брестском уезде Мостовской, «Городня» графини Вонсович в Лидском уезде, «Молодово» в Кобринском уезде помещика Скирмунта, «Заказелье» Оржешко и др.¹

Преподаватели Горы-Горецкого земледельческого института Целлинский и Кнютфер с группой студентов посетили и осмотрели несколько имений Минской и Могилевской губерний, в хозяйстве которых были проведены рационализаторские перемены, благодаря чему эти имения отличались лучшим устройством и давали больше дохода. Они оставили описания этих имений, опубликовав их в «Журнале Министерства государственных имуществ» за 1846—1847 годы. Они осмотрели 8 таких имений и описали их — имение «Заболотье» помещика Менжинского в Оршанском уезде, «Усвяты» помещика Цеккерта, «Крынки» помещика Гурко, «Телятники» помещика Гернгросса в Витебском уезде, «Бешенковичи» графа Хрептовича, «Кореличи» князя Витгенштейна в Новогрудском уезде, «Щорсы» графа Хрептовича, «Городея» помещика Брухотского.

В этих хозяйствах переплетаются все формы рационализации, ведется многоотраслевое хозяйство. Почти везде вводилось многополье с посевами кормовых трав, в значительных количествах засаживался картофель,

¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1, оп. 5, д. 32, лл. 15—16.

развивалось винокурение, молочное скотоводство, а также овцеводство. Применялись машины, различные сельскохозяйственные орудия. В некоторых хозяйствах использовались удобрения, улучшалась сортность семян.

Интересные опыты в 40-е годы проводил помещик Заржицкий в Копысском уезде. Он высевал разные сорта хлебов, применял удобрения на полях¹. В это же время осваиваются методы борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур. Интересна в этом отношении практика оршанского помещика Цеккерта². Опыты по силосованию кормов проводил могилевский помещик Воропай, получивший неплохие результаты и рекламировавший их среди других помещиков. Копысский помещик Смольский пытался завести в имении табачные плантации³.

Интересные опыты возделывания кукурузы проводил в 1842—1843 годах могилевский помещик Войнич. Получив из Кишинева початок кукурузы хорошего сорта, он засеял две гряды, одну с навозом, другую без навоза. Оказалось, что кукуруза взошла только на неунавоженной земле. Войнич полагал, что кукурузу надо сеять только на земле, удобренной за год до посева. Из 300 посеянных зерен Войнич получил более четверика зерен, отметив большую урожайность кукурузы. Войнич старался популяризировать посевы кукурузы среди могилевских помещиков, описал свои опыты в «Журнале Министерства государственных имуществ»⁴. «Растение сие,— утверждал он,— одно из полезнейших для хозяев», из кукурузы делается хорошая и питательная мука и крупа. При разведении ее в большом количестве, писал Войнич, ее можно употреблять с успехом на винокурение, а также в качестве прекрасного корма для скота и птицы; листья и стебли кукурузы охотно поедаются скотом. Он делал опыты с силосованием зеленой измельченной кукурузы, указывая на большую ценность этого корма.

Помещики охотно ездили к Войничу, интересовались его опытами, но в своих хозяйствах не вводили этого новшества.

¹ «Труды императорского вольно-экономического общества», 1847, № 1, стр. 8; ЖМГИ, 1847, ч. 25, кн. 2, стр. 81—101.

² «Земледельческая газета», 1841, № 2.

³ Записки Горы-Горецкого земледельческого института, кн. 3. СПб. 1854, стр. 157.

⁴ ЖМГИ, 1842, ч. 4, кн. 2, стр. 142—144; 1843, ч. 8, кн. 2, стр. 26—30.

Если меры по усовершенствованию агротехнической базы помещичьего хозяйства Белоруссии даже в 40—50-е годы XIX века были весьма незначительны, то еще в меньшей степени рационализация коснулась социально-экономических отношений. Крепостной, барщинный труд продолжал в течение всей первой половины XIX века господствовать во всех имениях. Целиком сохранились старые, крепостнические приемы ведения хозяйства даже у тех помещиков, которые широко употребляли сельскохозяйственные машины, вводили многополье и другие нововведения, перестраивая свое хозяйство в соответствии с потребностями развивавшегося капиталистического рынка¹.

Условия для развития новых, капиталистических отношений в сельском хозяйстве Белоруссии создавались крайне медленно. Можно привести лишь 2—3 примера sporadического применения наемного труда в сельском хозяйстве. Чаще всего такой труд (в основном сезонный) употреблялся на неземледельческих работах в крупных имениях. Например, на рубке и вывозке мачтового леса в Гомельском имении Паскевича работали сотни наемных рабочих — собственных крестьян и крестьян соседних помещиков². Работали наемные специалисты на строительстве — сооружении зданий промышленных предприятий, скотных дворов и т. п. Известны случаи, когда крестьяне, разоренные арендаторами имения, занятые всю посевную на помещичьих полях, не успевали засеять свои поля или же, не имея семян, не запахивали своего поля. Во время страдной поры таких крестьян нанимали соседние помещики, у которых не хватало рабочих рук. Однако не всегда крестьяне получали плату, ее забирали их владельцы, а крестьяне работали ради пропитания³. Наемный труд на сельскохозяйственных работах использовал помещик Оршанского уезда Цеккерт, который привлекал вольнонаемных работников из Смоленской губернии, особенно для уборки картофеля⁴. Наемный труд применял ошмянский помещик Корчевский⁵, крупные помещики-сахарозаводчики Цехановецкий, Комар⁶.

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, л. 246.

² Там же, ф. 319, оп. 5, д. 52, лл. 11—18.

³ Там же.

⁴ ЖМГН, 1847, ч. 25, кн. 2, стр. 87.

⁵ «Земледельческая газета», 1842, № 29.

⁶ ЦГИА БССР, ф. 1, оп. 5, д. 1268.

Таким образом, наемный труд был сезонным, являлся дополнением к основному труду крепостных крестьян.

Более постоянный характер приняло применение вольнонаемного труда в имении графа Хрептовича «Щорсы». Здесь крестьяне были переведены на оброчное положение, оброк платили в зависимости от количества и качества земли (в среднем 75 коп. — 1 руб. 25 коп. серебром за 1 морг пашни; от 30 коп. до 1 руб. за 1 морг луга и 2—3 руб. за 1 морг огорода). Все работы на господском поле оплачивались «умеренным вознаграждением». Однако и здесь вольнонаемный труд сопровождался принуждением. Выход на работу был не совсем добровольным: каждый рабочий обязан был отработать в господском хозяйстве не менее чем 3 дня в неделю, кроме того, крестьяне отрабатывали особо 6 дней в году во время жатвы. Плата за работу устанавливалась следующая: вспашка 1 морга — 30 коп.; боронование — 15 коп.; косьба 1 морга — 20 коп.; уборка 1 морга и перевозка — 1 руб. 50 коп.; вывозка навоза за день — 15 коп.; посадка картофеля — 5 коп. и т. д.¹ Оброчные крестьяне работали по найму у помещика Витебской губернии Грейфенфельса².

Некоторые помещики Белоруссии, проводившие в своих имениях различные преобразования, перестройку хозяйства с целью поднятия производства, стремились популяризировать свои начинания. Кроме Войничча, в «Журнале Министерства государственных имуществ» печатал свои статьи помещик Минской губернии Лаппо; в «Земледельческой газете» печатались помещики Гибер фон Грейфенфельс, Гюбенталь, могилевские помещики Воропай, Менжинский; в «Виленском вестнике» рекламировал свои машины Якушик. Помещик Мстиславского уезда Сердюков часто выступал со статьями в «Земледельческой газете», в них он пропагандировал травосеяние, применение машин и других рациональных методов ведения хозяйства. Он писал: «Травосеяние неизбежно в разумном хозяйстве», помещики не избавятся от убытков, если «будут оставаться при прежнем способе хозяйства»³.

Примеры различных нововведений, вводимых помещи-

¹ ЖМГИ, 1846, ч. 20, стр. 62.

² Там же, ч. 22, стр. 128—129.

³ «Земледельческая газета», 1849, № 50.

ками Белоруссии, описывались также в «Записках Горы-Горецкого земледельческого института».

Совершенствованию и улучшению сельского хозяйства Белоруссии было призвано содействовать основанное в 1826 году Белорусское вольное экономическое общество. Учредительный съезд этого общества состоялся в Витебске, на него съехались в основном помещики Витебской и Могилевской губерний. Был разработан устав общества. Согласно уставу, основной задачей общества являлось улучшение сельского хозяйства в Белоруссии. Предполагалось, что общество должно обобщать рационализаторские мероприятия помещиков Белоруссии, проверять их, испытывать новоизобретенные орудия и машины, а также популяризировать среди помещиков наиболее полезные нововведения в области сельского хозяйства, известные в России и за границей¹.

В распоряжение общества было отдано староство Коровяинское (в 15 верстах от Витебска) для организации опытного хозяйства.

Белорусское вольное экономическое общество просуществовало 15 лет. В это время оно выпускало журнал «Летопись Белорусского общества сельского хозяйства» (СПб, 1841), в котором напечатан ряд статей, касающихся различных вопросов, связанных с сельским хозяйством, с обобщением опыта улучшенных приемов ведения хозяйства. Например, в статье «О разрыхлении подъема» описывается опыт вспашки почвы без переворачивания земляного пласта. Большая часть статей посвящена винокурению, его пользе и вреду. Существовавшее еще со времени польского господства право свободного винокурения привело к широкому развитию здесь винокуренной промышленности, которая обеспечивала наиболее выгодные условия для сбыта хлебопродуктов: переработка их на водку давала помещикам большую выгоду. В то же время это приводило к одностороннему развитию помещичьего хозяйства, препятствовало развитию других отраслей сельского хозяйства, не давало стимула для проведения мероприятий по рационализации хозяйства. В своих статьях некоторые помещики выступали за вольное винокурение, заявляя, что это почти единственный источник доходов, другие требовали его ликвидации

¹ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 1, д. 1982, лл. 3—6.

по той причине, что винокурение мешает прогрессу сельского хозяйства.

Общество потерпело неудачу в организации опытного хозяйства, так как оказалось не в силах поднять хозяйство разоренных крестьян. В 1841 году опытная ферма была продана, а вскоре закрылось и экономическое общество. Оно оказалось нежизненным, не способным возглавить полезные начинания в сельском хозяйстве. Условия для создания общества, выступавшего за внедрение рациональных мер в сельском хозяйстве Белоруссии, еще не созрели: помещики еще не почувствовали крайней необходимости в осуществлении этих мер, находя более выгодным и дешевым средством поднимать доходность своих имений путем расширения господской запашки за счет пустошей и крестьянских земель, а также путем усиления крепостнической эксплуатации.

После закрытия общества некоторые помещики Белоруссии — сторонники улучшений в организации сельского хозяйства продолжали поддерживать связи с Петербургским вольным экономическим обществом, выступали на страницах русской экономической печати.

Одним из наиболее активных сторонников перестройки хозяйства был могилевский помещик Сердюков, часто выступавший в 40—50-х годах со статьями на страницах «Земледельческой газеты». Он являлся членом Петербургского общества и корреспондентом ряда русских хозяйственных печатных органов.

Тематика его статей разнообразна, что свидетельствует о широте интересовавших его вопросов, связанных с состоянием помещичьего хозяйства. Много внимания уделял он сбыту сельскохозяйственных продуктов, ратовал за широкое развитие торговли, обеспечивавшей наиболее выгодный сбыт продуктов помещичьего хозяйства. Для этого он предлагал создать в Белоруссии товарищество для торговли хлебом, пенькой и льняным семенем. Задачей этого товарищества являлось при этом обеспечение интересов помещиков¹. Сердюков в других статьях выступал с пропагандой средств, могущих, по его мнению, поднять производительность помещичьего хозяйства, обеспечить ему большие выгоды. Основным услови-

¹ Н. Сердюков. Мысли о средствах к удержанию цен на хлеб и другие произведения сельского хозяйства. («Земледельческая газета», 1844. № 44).

ем увеличения производства сельскохозяйственной продукции он считал повышение технического и научно-агрономического уровня. Он призывал помещиков к широкому внедрению в хозяйство машин, передовых методов обработки земли, пропагандировал многополье, травосеяние¹.

Сердюков был сторонником крепостничества и не мог понять, что на основе крепостного труда нельзя перестроить сельское хозяйство и поднять его уровень. Однако он понимал, что усиление эксплуатации приводит к разорению крестьянства, а тем самым ведет к упадку и помещичье хозяйство. Поэтому он рекомендовал упорядочить крепостнические повинности, несколько сократить барщину (с 3 до 2 дней), наделить крестьян достаточным для существования земельным наделом и рабочим скотом. Сердюков уже видел преимущества вольнонаемного труда перед крепостным и рекомендовал помещикам привлекать крестьян к работам по вольному найму².

Во взглядах Сердюкова отразилась вся непоследовательность и неустойчивость позиций той части крепостников-помещиков, которые, видя необходимость преобразований в ведении сельского хозяйства, еще не доросли до понимания неизбежности ликвидации крепостнических отношений, сковывавших всякий прогресс.

После закрытия Белорусского вольного экономического общества научным центром, средоточием передовой экономической мысли стал Горы-Горецкий земледельческий институт³. Он принял на себя задачу собирать и проверять передовой опыт ведения сельского хозяйства, а также пропагандировать его среди помещиков Белоруссии.

Помимо своей основной функции — подготовки квалифицированных специалистов сельского хозяйства, институт на своей опытной образцовой ферме проводил агрономические опыты, занимался изучением разных нововведений в помещичьих хозяйствах Белоруссии и популяризацией лучших из них, организовывал сельскохозяйственные выставки, собирал сельскохозяйственные съез-

¹ Н. Сердюков. О нововведении и травосеянии и о прочем по хозяйству. («Земледельческая газета», 1849. № 35).

² Н. Сердюков. О белорусском хозяйстве. («Земледельческая газета», 1845. № 73).

³ В 1840 г. была открыта земледельческая школа, которая затем была преобразована в институт.

ды. Институт издавал ежегодные «Записки Горы-Горецкого земледельческого института», в которых обобщал опыт своей деятельности, а также печатал сообщения в различных периодических хозяйственных изданиях.

В распоряжение института было передано Горы-Горецкое имение, проданное разорившимся владельцем и купленное казной в 1813 году; имение состояло из 15 фольварков, в нем было более 2700 крестьян и 1760 с лишним десятин земли¹.

Располагая таким обширным хозяйством, институт имел возможность проводить различные опыты. В фольварках были введены многопольные севообороты с многообразным чередованием культур с тем, чтобы определить наиболее выгодные из них. Среди опытов, проведенных в хозяйствах, были эксперименты по посеву различных кормовых трав — тимopheевки, вики, по употреблению различных удобрений — торфа, костной муки, алебаstra, золы, кирпича, зеленого удобрения (гороха, клевера). Проводились также опыты над посевами разных сортов зерновых и картофеля: пшеницы — белой, польской и др., ржи — муравьевской, визской и норвежской, ячменя — английского, овса — английского, венгерского и др. Отводились участки под опытные посевы разных сортов свеклы, турнепса, моркови, картофеля. Проводились опыты посева кустовой ржи, двухлетнего посева и др.

На опытной ферме употреблялись все известные в то время сельскохозяйственные машины и орудия: плуги, распахники, бороны, катки, сеялки, молотилки, веялки, сортировки.

В имении была большая животноводческая ферма, где проводились опыты по скрещиванию разных пород лошадей, коров (холмогорских, тирольских, фохтландских, украинских, литовских) с местной породой. Проводились также опыты по улучшению рациона скота. Имелась в хозяйстве и ферма тонкорунных овец².

Преподаватели и студенты Горы-Горецкого института совершали поездки по Белоруссии, знакомились с состоянием сельского хозяйства, изучали опыт помещичьих хозяйств, применявших те или иные нововведения в организации сельскохозяйственного производства, и обобщали

¹ ЖМГИ, 1843, ч. 8, стр. 232—233.

² Там же, 1845, ч. 14; 1846, ч. 20; 1847, ч. 25; Отчеты Горы-Горецкой земледельческой школы.

этот опыт в периодических хозяйственных изданиях. С целью популяризации примеров лучшей организации хозяйства помещиками и крестьянами институтом организовывались сельскохозяйственные выставки. В выставке, организованной в институте в 1853 году, приняли участие 560 лиц — 45 помещиков Могилевской, Витебской, Смоленской, Минской, Гродненской и Калужской губерний, до 490 государственных крестьян. Было представлено 1432 разных экспоната — различные сорта хлебов, льна и конопля, овощей и плодов, разные породы скота и лошадей, различные изделия из сельскохозяйственного сырья — полотно, сукно, кожи, сельскохозяйственные орудия и машины, изделия крестьянских промыслов — глиняная посуда, колеса, телеги, ложки, корзины, циновки и т. п.

На выставке были представлены и заслужили премии продукты сельскохозяйственного производства и скот известных своими нововведениями помещиков Могилевской и Витебской губерний — Менжинского, Цехановецкого, Дондукова-Корсакова, Голынского, Комара, Санковского, Гибер фон Грейфенфельса, а из Минской губернии — Радзивилла¹.

В 1837 году состоялась губернская выставка в Гродно. Она была организована во исполнение распоряжения Николая I (1836 год) об учреждении во всех губерниях выставок «естественных произведений, равно изделий и образцов фабрик, ремесленной и всякого рода местной промышленности». Задачей выставки не являлась популяризация достижений передовых помещичьих хозяйств, однако и на ней были представлены некоторые предметы сельскохозяйственного производства, главным образом шерсть тонкорунных овец, принадлежавших помещикам Мостовскому, Биспингу, а также семена кормовых трав — белой дятлины, шпергеля, употреблявшихся на корм овцам. На выставке демонстрировались также некоторые сельскохозяйственные машины, применявшиеся в хозяйстве графов Мостовских (Брестский уезд). — бороздник, окучник, каток, плуги (Бутенопа, бранденбургский, швейцарский, петербургский, саратовский и др.), разные бороны, сеялки и т. п.²

¹ Записка Горы-Горенского земледельческого института, кн. 3, СПб. 1854, стр. 149—160.

² ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 44, дд. 9, 16, лл. 41—43, 69—72.

С целью обмена опытом хозяйствования передовых помещиков и разрешения ряда хозяйственных вопросов в институте в 1854 году состоялся сельскохозяйственный съезд, на который прибыли помещики Могилевской, Витебской и Минской губерний. На съезде выступили уже упоминавшиеся помещики Менжинский, Цехановецкий, Грейфенфельс. Обсуждались вопросы о выгоде многопольных севооборотов, посевов кормовых трав, о причинах слабого развития скотоводства, о необходимости поощрять развитие крестьянских промыслов для улучшения благосостояния крестьян. Большой интерес вызвал вопрос о способах удобрения почвы торфом, компостом, луговым черноземом, лугов — золой¹.

Несмотря на проведение всякого рода мероприятий по распространению более передовых методов ведения сельского хозяйства среди помещиков Белоруссии, все же перестройка затронула лишь несколько десятков помещичьих хозяйств. Подавляющее большинство помещиков продолжали вести свое хозяйство по-старому.

В губернских отчетах отмечается устойчивость рутины и медленное, затрудненное проникновение новых способов ведения сельского хозяйства. Минский губернатор в отчетах за 40-е годы указывал, что «помещики отличаются малой предприимчивостью и нелюбовью к нововведениям»². Могилевский губернатор, отмечая «неудовлетворительное состояние» сельского хозяйства в губернии за 50-е годы, указывал, что причиной тому было то, что помещики, «располагая даровой рабочей силой, владея большим количеством земли», менее всего заботились об улучшении качества работ, не стремились облегчить труд крестьян³.

Бобровский, подчеркивая, что в Гродненской губернии «большинство сельских хозяев — рутинеры, придерживающиеся старинной системы и неохотно вводящие улучшения», главной причиной, препятствовавшей развитию сельского хозяйства, также считал «барщинную систему, сковавшую свободу крестьян». «Опираясь на даровую силу крестьян, — говорит Бобровский, — землевладельцы мало заботились о качестве обработки и не

¹ Записки Горы-Горещкого земледельческого института, кн. 4. СПб, 1855, стр. 104.

² ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 30, л. 26.

³ Там же, оп. 6, д. 59, лл. 5—6.

вводили машин». Другая причина, по его мнению, — существование арендной системы¹.

Нужно отдать должное этим представителям господствующего класса в том, что они в основном правильно оценили тормозящую роль крепостнических отношений в перестройке сельского хозяйства.

Господство старых, крепостнических приемов ведения хозяйства, все более приводивших его к упадку, препятствовало развитию новых, капиталистических форм.

Несмотря на быстрый рост товарности помещичьего хозяйства, помещики не были заинтересованы в перестройке, совершенствовании своего хозяйства, не имели стимулов к организации производства на новых началах. Объясняется это тем, что, располагая даровой рабочей силой крепостных крестьян, помещики несли незначительные издержки при производстве сельскохозяйственных продуктов, меньше, например, чем в капиталистическом хозяйстве, владелец которого вынужден тратить средства и на инвентарь, и на наем рабочей силы. Помещик, как и всякий производитель в условиях развитого товарного хозяйства, стремился к сокращению издержек производства для получения больших прибылей. Совершенствование же хозяйства, внедрение новых приемов обработки, применение машин, а тем более изменение социальной его базы (перевод на наемный труд) означало в первую очередь увеличение затрат на производство, т. е. снижение прибыли, что ставило таких помещиков в более невыгодные условия на рынке.

Затраты на рационализацию могли окупаться лишь при значительном повышении производительности труда, что встречало непреодолимое препятствие в полной незаинтересованности крепостного крестьянина. Помещичья рационализация могла привести к успешным результатам только при условии применения наемного труда. Но пойти на замену крепостного, дарового труда наемным, платным и тем самым подрывать устои собственного господства могло лишь крайне незначительное число наиболее передовых помещиков. Как мы видели, таких в Белоруссии было очень мало.

Рациональное хозяйство, кроме того, требовало хо-

¹ П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 250—252.

роших агрономических и экономических знаний, которых у помещиков не было.

Все это, вместе взятое, обусловило незначительный размах рационализаторских мероприятий в Белоруссии в первой половине XIX века.

Несмотря на ограниченность и узость мер по перестройке сельского хозяйства, они имели все же важное значение. Они способствовали применению в сельском хозяйстве достижений науки и техники, которые практически осваивались и подвергались проверке, помогали в подготовке людей, обладающих опытом и знаниями более успешного ведения сельского хозяйства, они на практике убеждали в целесообразности и выгоды новых методов и приемов хозяйствования.

Все перечисленные примеры применения новых приемов ведения сельского хозяйства являются показателем определенного роста производительных сил. Значение рационализаторских мероприятий заключается также в том, что они способствовали процессу формирования капиталистических форм в сельском хозяйстве при господстве крепостнических отношений.

4. ВОТЧИННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Вовлечение помещичьих хозяйств Белоруссии в товарно-денежные отношения, как уже отмечалось, заставляло помещиков искать новые средства для повышения доходности своих имений. В первой половине XIX века одним из способов получения дополнительных доходов было создание различных промышленных предприятий крупными и средними помещиками. В Белоруссии наиболее распространенными вотчинными предприятиями были винокуренные, суконные, полотняные, стекольные, бумажные, железоделательные, медных изделий, смолоскипидарные, поташные, а позднее — сахароваренные.

Вотчинные мануфактуры Белоруссии, занимавшиеся в основном переработкой сельскохозяйственного сырья, были связаны с помещичьим сельским хозяйством. Продажа готового товара при наличии бесплатной рабочей силы в лице крепостных крестьян и собственного сырья приносила больше прибыли, чем продажа сельскохозяйственных продуктов в необработанном виде. Развитие

промышленности свидетельствовало об усилившемся развитии товарного хозяйства, являвшегося неременным условием складывания и развития капиталистического уклада.

В конце XVIII века — первые десятилетия после включения восточной Белоруссии в состав России — здесь начался бурный рост помещичьих мануфактур. Это были главным образом парусиновые, полотняные, канатные, суконные, стекольные, железоделательные и медные мануфактуры. Большинство из них принадлежало крупнейшим помещикам — Потемкину, Румянцеву, Голынскому, Чернышеву, Зоричу. Эти крупные землевладельцы стали выступать в роли предпринимателей, основывая большие мануфактуры для производства изделий на продажу не только на местном, но и на общероссийском рынке.

Так, например, в местечке Кричеве, принадлежавшем графу Потемкину, в 1783 году была открыта парусная мануфактура, в 1786 году также и в других местах были созданы канатное, кожевенное, стекольное предприятия. Кроме того, действовали два винокуренных завода. Крупнейшим предприятием Потемкина была парусная мануфактура. На ней было 172 стана, на которых ткали парусное полотно специально обученные ткачи из кричевских крестьян. В 1786 году на этой мануфактуре выработывалось до 820 кусков разного парусного полотна весом 1190 пудов¹. Изготовлением пряжи занимались на дому крепостные женщины: каждая из них обязана была спрядь за зиму пуд пакли и 14 фунтов пеньки². Парусная мануфактура потребляла за год не менее 1200 пудов пряжи. Таким образом, помимо занятых непосредственно на мануфактуре ткачей, на дому работало еще не менее 1000 прях.

В Кричеве же находилось крупное канатное предприятие, на котором работало до 300 рабочих. В неделю на нем выработывалось до 1000 пудов каната. Канатная пряжа закупалась не только в Кричевском графстве, но и за его пределами³. Следовательно, предпринимательская деятельность владельца Кричевского графства Потемкина вовлекла в сферу промышленного производства

¹ Е. П. Закалинская. Вотчинные хозяйства Могилевской губернии во второй половине XVIII века. Могилев, 1958, стр. 30.

² Андрей Мейер. Описание Кричевского графства.

³ Там же.

большое число крепостных крестьян. На парусной и канатной мануфактурах использовался исключительно принудительный труд крепостных крестьян, для которых работа на мануфактурах являлась барщиной.

Другие, более мелкие предприятия Потемкина — стекольное в деревне Ушачи, кожевенное в Хотимске, медное в деревне Грязивецкая Рудня — сдавались в аренду англичанам; на них работали вольнонаемные мещане и крестьяне¹.

В 1785 году в Кричеве была основана судостроительная верфь, на которой строились небольшие речные суда. В следующем году на ней была построена речная флотилия из 25 судов, предназначенная для путешествия Екатерины II в Новороссию в 1787 году².

Таким образом, почти все промышленные предприятия Кричевского графства обслуживали строительство Черноморского флота. Парусина, канаты, пакля, фитили, а кроме того, бревна, доски, мачты — все это сплавлялось в Херсон и Кременчуг.

К 1 октября 1785 года из Кричевской экономии было доставлено в Херсонское адмиралтейство: парусного полотна — на 40 тыс. руб., канатов — на 117 тыс., бревен и досок — на 24 тыс. руб. В 1789 году в счете экономии значилось, что Херсонскому адмиралтейству доставлено: парусного полотна — на сумму до 61 тыс. руб., разного такелажа, пакли, фитиля — на 180 тыс., мачтовых деревьев, бревен, досок — на 20 тыс. руб.³

Эти данные свидетельствуют о большом размахе производства предприятий Кричевского графства.

Помимо мануфактур Потемкина, в 70—80-е годы XVIII века в Могилевской губернии возник ряд промышленных предприятий, принадлежавших другим помещикам. Появление парусных, канатных мануфактур также вызывалось потребностями Черноморского флота. Наличие пеньки, льна, а также бесплатной рабочей силы, удобства доставки продукции сплавом по Днепру создавали условия для развития в южной части Могилевской губернии этих отраслей производства.

¹ ЦГАДА. Экономическое примечание к генеральному межеванию Могилевской губернии.

² Андрей Мейер. Описание Кричевского графства.

³ ЦГАДА, отд. XI, д. 950.

Крупному помещику Голыньскому принадлежали в Кричеве и Хотимске 4 парусные мануфактуры размером от 20 до 60 станов, предприятиями по изготовлению парусины владели Румянцев (село Кузьминки Белицкого уезда), Соллогуб (Горки Оршанского уезда), Зорич (Шклов). Канатное предприятие принадлежало также Зоричу.

Таким образом, 10 наиболее крупных вотчинных мануфактур производили продукцию для общероссийского рынка — на нужды адмиралтейства.

Кроме этих предприятий, работавших на военные потребности, в Могилевской губернии в 80—90-е годы существовали помещичьи мануфактуры, производившие продукцию на местный рынок. К ним относились суконные предприятия Любомирского в Дубровно Оршанского уезда, Зорича в Шклове, Соллогуба в Горках и Сапеги в Старых Буйничах. На каждом из них работало от 20 до 80 крепостных рабочих и, кроме того, по 2—3 наемных мастера. Две мануфактуры изготавливали тонкое сукно из покупаемой в Риге, Гданьске тонкорунной шерсти, другие две вырабатывали простое сукно из местного сырья. Большая часть произведенной продукции продавалась на местном рынке, некоторая часть шла «для домашнего употребления»¹. Такой же характер носили основанные в 80—90-е годы полотняные, кожевенные предприятия. Из 3 полотняных мануфактур наиболее значительная находилась в селе Кузьминки Белицкого уезда и принадлежала Румянцеву; на ней работало более 60 крепостных. Кожевенные предприятия (Потемкина в Хотимске, Зорича в Шклове и др.) были в основном небольшими. Часть выделанных кож шла для собственного потребления, часть продавалась. На этих предприятиях в основном работали крепостные крестьяне, мастера же были вольнонаемными².

Из множества мелких крестьянских «руден» в конце XVIII века в Могилевской губернии выделились 5 железодельных заводов: 3 из них принадлежали Чернышеву, один — Голицыну и один — Румянцеву. На этих заводах из местной руды изготавливались крестьянские сошники, сбывавшиеся в окрестных деревнях, 4 неболь-

¹ ЦГАДА. Экономические примечания к генеральному межеванию Могилевской губернии.

² Там же.

ших медеплавильных предприятия занимались изготовлением оборудования для винокурен и разной посуды из покупаемой в Москве меди¹.

Все эти перечисленные предприятия были основаны на издавна распространенном среди крестьян ткачестве сукон и полотен.

На иной основе возникли стекольные предприятия: рабочие на них или нанимались со стороны, или набирались из специально обученных крестьян. На этих предприятиях выделялось листовое, бутылочное стекло и разная стеклянная посуда. Все это продавалось в основном на месте и в близлежащих городах и местечках².

Значительное количество промышленных предприятий, по данным «Топографического описания» 1800 года, имелось в Минской губернии. Мануфактуры Минской губернии имели более узкие рыночные связи, чем парусные и канатные предприятия Могилевской губернии. Вследствие этого их размеры и объем производства были значительно меньшими. Помимо 25 мелких «руден», изготавливавших из болотной руды крестьянские сошники для местных нужд, 22 небольших поташен, 27 кирпичных «заводов», в Минской губернии числилось 7 стекольных мануфактур, 1 фаянсовая, 3 суконных; медных, полотняных, шелковых, бумажных — по 1 предприятию. За исключением Уречской стекольной мануфактуры Радзивилла, на которой в 1797 году работало 50 рабочих, и мануфактуры в местечке Илье Вилейского уезда (25 рабочих), фаянсового предприятия Огинского в Телеханах Пинского уезда, все остальные были незначительными.

Продукция стекольных, бумажной мануфактур шла на продажу на местном рынке, на других предприятиях, как указывается в «Топографическом описании», «выделанные вещи употребляются для домашнего обихода, частью и на продажу». Основной рабочей силой на помещичьих мануфактурах являлись также крепостные крестьяне, но квалифицированную работу производили «мастеровые посторонние по договорным ценам».

В Витебской губернии в конце XVIII века известно одно помещичье предприятие — полотняная мануфакту-

¹ ЦГАДА. Экономические примечания к генеральному межеванию Могилевской губернии.

² Там же.

ра графини Зубовой в Усвяте, на которой работало 80 рабочих¹.

В Гродненской губернии уже с конца XVIII века большинство промышленных предприятий — суконных, кожевенных, шляпных, бумажных — принадлежало купцам. Основанные в середине 80-х годов князем Сапегой в Рожанах суконная и полотняная мануфактуры также вскоре были отданы в аренду купцу. Все эти предприятия работали на вольнонаемном труде. Из вотчинных мануфактур в Гродненской губернии существовала с 1798 года основанная Пусловским в Хомске суконная мануфактура с сотней рабочих².

Таким образом, по имеющимся сведениям, к началу XIX века в Белоруссии насчитывалось более 50 довольно значительных вотчинных предприятий. Из них 30 находилось в Могилевской губернии, 16 — в Минской, по 1—2 — в Гродненской, Витебской и белорусских районах Виленской губерний. Это свидетельствовало о сравнительно большом размахе помещичьего предпринимательства.

В приведенных данных о числе помещичьих мануфактур не учтены винокуренные, поташные, смолокуренные предприятия, которые не подлежали ведению мануфактур-коллегии и не учитывались в перечне фабрик и заводов. Между тем в Белоруссии их число было весьма значительным.

Во всех белорусских губерниях во многих помещичьих имениях имелись смолокурни, поташные заводы. Эти предприятия, хотя и небольшие, но многочисленные, поглощали значительное число рабочей силы — крепостных крестьян. О большом количестве этих предприятий свидетельствует тот факт, что смола, деготь, поташ в начале XIX века составляли значительную статью вывоза из Белоруссии. В отчете за 1804 год минский губернатор писал об этих предприятиях: «В Минской губ. существуют гуты, на которых выделяется поташ, смола, деготь. Хотя они не входят в род фабрик, но по той прибыли, каковую они приносят хозяевам своим, счел за нужное о положении их сделать краткое описание...»³ В отчете указывается далее, что наибольшее число гут существует в лесистых местах, особенно в тех, где имеют-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 6, д. 5, лл. 141 об.—142; ф. 1350, оп. 312, д. 90.

² Там же, ф. 1, оп. 6, д. 5, л. 183.

³ Там же, ф. 1281, оп. 11, д. 76, лл. 3—4.

ся судоходные реки для сплава этой продукции — в уездах Борисовском, Бобруйском, Речицком, Мозырском и Пинском. Предположительно в год в среднем вырабатывалось в губернии: смолы — 40 тыс. бочек, дегтя — 15—20 тыс. бочек, поташа — 50—60 тыс. пудов.

Часть продукции этих предприятий продавалась на месте, большая же часть смолы и дегтя сплавлялась в Кременчуг и Херсон, поташ — главным образом в Ригу и Кенигсберг.

Существование права на свободное винокурение в Белоруссии открывало для местных помещиков возможность широко развернуть винокуренную промышленность. Винокурни имелись почти в каждом помещицком имении и доставляли немалый доход владельцам.

В начале XIX века в белорусских губерниях, согласно «Статистическим таблицам Российской империи», насчитывалось следующее число винокуренных предприятий: в Минской губернии — 1819, в Витебской — 1682, в Виленской — 1700, Гродненской — 14; всего в Белоруссии было 5215 винокурен¹. Сведения по Могилевской губернии отсутствуют, но, пользуясь данными за 1798 год, можно считать, что здесь их было не менее 800².

Безусловно, в «Таблицах» занижены данные по Гродненской губернии, однако, учитывая, что на винокурение здесь употреблялось почти такое же количество хлеба, как и в Минской губернии, можно считать, что количество винокурен достигло здесь не менее 1000. Таким образом, в 5 северо-западных губерниях в начале XIX века насчитывалось свыше 6000 винокурен, что составляет почти 25% от общего числа винокуренных предприятий России (25 685).

Все эти многочисленные винокуренные, смолокуренные, поташные предприятия принадлежали помещикам, работали на них крепостные.

В первом десятилетии XIX века стало заметно увеличиваться число мануфактур, основанных на применении вольнонаемного труда: эти мануфактуры принадлежали купцам и мещанам. Однако это не вело к вытеснению или к упадку вотчинных предприятий. Крепостные помещицкие мануфактуры продолжали существовать и расти.

¹ Матэрыялы да гісторыі мануфактур на Беларусі ў часы распаду феадалізму, т. 1. Мінск, 1935, стр. 63.

² ЦГИАЛ, ф. 1374, оп. 2, д. 1445, л. 13.

Небольшие помещичьи предприятия, слабо связанные с рынком, были неустойчивыми, некоторые из них по разным причинам постепенно закрывались. Вместе с тем более крупные мануфактуры, наоборот, даже расширяли свое производство, все более тесно связываясь с рынком.

В первом десятилетии XIX века были открыты в Минской губернии: суконная мануфактура помещика Оскирко в Речицком уезде, суконные предприятия помещиков Обуховича в Слуцком уезде, фон Гольста и Рокитского в Речицком уезде, Неплюева в Борисовском уезде¹, суконная фабрика помещика Пузины в Минском уезде, стекольный завод помещика Петрозоллина в имении «Жабичи» Вилейского уезда² и некоторые другие.

В Могилевской губернии в эти же годы основана суконная мануфактура в Каничах Климовичского уезда помещиком Цехановецким; в Быховском уезде открыта суконная мануфактура графом Толстым. В начале XIX века возникли суконная мануфактура Румянцева в Гомельском имении, полотняные мануфактуры Румянцева, Соллогуба в Чаусском уезде, помещика Яншина в Пропойске, мануфактура бумажных материй Румянцева, медеплавильные заводы Голынского в Чериковском уезде и Яншина в деревне Старинка, стекольные заводы графа Румянцева и др.³

В Ошмянском уезде Виленской губернии, в казенном имении «Трабы», находившемся в эфитевтичном владении помещика Поплавского, было открыто большое суконное предприятие⁴. В Витебском уезде помещиком Мордвиновым была основана мануфактура в имении «Стайки»⁵.

По данным губернаторских отчетов, в 1804 году в Белоруссии насчитывалось 24 наиболее значительных помещичьих предприятия (кроме винокуренных, поташных, железных «руден»). В 1811 году было учтено (в отчетах) уже 38 помещичьих предприятий.

Открывались главным образом предприятия суконные, стекольные, медные (изготавливавшие посуду для ви-

¹ ЦГИАЛ, ф. 17, оп. 1, л. 473, лл. 1—5; Материалы да гісторыі мануфактур на Беларусі, т. 1, стр. 73.

² «Журнал мануфактур и торговли», 1831, № 9, стр. 67—72.

³ Там же.

⁴ Там же, № 10, стр. 59—86.

⁵ Материалы да гісторыі мануфактур на Беларусі, т. 2, стр. 227.

нокурен), а также полотняные, т. е. такие, сырье для которых в основном имелось на месте, а рабочие издавна имели навыки этого производства.

Война 1812 года, во время которой территория Белоруссии была оккупирована наполеоновскими войсками, нанесла большой хозяйственный ущерб. Многие предприятия были разрушены или прекратили свою деятельность. Если в Минской губернии накануне войны было 12 вотчинных мануфактур¹, то в 1813 году осталось всего 2².

После войны помещичьи промышленные предприятия постепенно восстанавливались, основывались новые мануфактуры. Уже в 1816 году в Минской губернии, например, насчитывалось до 9 помещичьих предприятий с 208 рабочими³, а в 1823 году — 20 мануфактур с 424 рабочими⁴.

Характерным для послевоенного периода являются все более частые попытки применить на вотчинных мануфактурах вольнонаемный труд, в основном на квалифицированных работах. Так, на стекольном предприятии Петрозолина в Минской губернии работало 7 крепостных и 10 вольнонаемных рабочих.

На суконной мануфактуре помещика Каменского (Вилейский уезд) работало 3 вольнонаемных и 8 крепостных мастеров. На стекольном предприятии князя Сапеги в Быховском уезде половина рабочих были вольнонаемными. Полностью на вольнонаемном труде действовало медное предприятие Поплавского в Ошмянском уезде⁵.

Во второй четверти XIX века процесс разложения феодально-крепостнической системы наиболее интенсивно протекал в промышленности. Увеличивалось количество предприятий капиталистического типа, основанных на применении вольнонаемного труда, принадлежавших купцам и мещанам. Применение наемного труда на помещичьих предприятиях увеличилось.

¹ См. ст. М. П. Барановой. Развитие промышленности и торговли Белоруссии в начале XIX века (1800—1811 гг.). («Ученые записки Белгосуниверситета», вып. 36. Минск, 1957).

² ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 1, д. 77, лл. 24—25.

³ Там же, лл. 69—70.

⁴ Матэрыялы да гісторыі мануфактур на Беларусі, т. 1, стр. 96.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, д. 393.

Быстрый рост промышленных предприятий и численности занятых в этой отрасли хозяйства людей являлись ярким свидетельством усиленного развития капиталистического уклада в недрах феодального строя.

Во второй четверти XIX века общее количество промышленных предприятий в Белоруссии значительно увеличилось. Если в 1828 году в 3 белорусских губерниях — Гродненской, Минской, Могилевской было 96 промышленных предприятий¹, то в 1845—1846 годах в 4 губерниях — Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской их было уже 215², а в 1859—1860 годах в 5 губерниях насчитывалось около 649 предприятий³ (кроме винокуренных заводов). Численность рабочих, занятых в промышленности, выросла соответственно с 3320 человек в 1828 году до 6500 человек в 1859—1860 годах.

В течение всей второй четверти XIX века в Белоруссии не прекращался рост помещичьих мануфактур и численности крепостных рабочих. Так, например, в 1828 году в 3 основных промышленных губерниях Белоруссии — Гродненской, Могилевской, Минской, по официальной статистике, насчитывалось 47 помещичьих предприятий с 1360 крепостными рабочими; в 1845—1860 годах — 72 предприятия и 2450 рабочих; в 1859 году — 133 помещичьих предприятия и более 3 тыс. крепостных рабочих. Это являлось ярким свидетельством расширения и усиления помещичьего предпринимательства. Из 133 помещичьих предприятий, насчитывавшихся по указанным губерниям в конце 50-х годов, в Могилевской и Гродненской губерниях было почти поровну — по 50—55 предприятий, в Минской — 28—30. В Витебской губернии помещичьих мануфактур было мало — около 5—7 небольших предприятий.

Данные об отраслевом распределении помещичьих и купеческих мануфактур в Белоруссии в 40—50-е годы свидетельствуют, что купцам и мещанам принадлежали

¹ «Журнал мануфактур и торговли», 1831, № 3, стр. 69—86; № 9, стр. 67—72, 93—112; № 10, стр. 59—86.

² ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1, оп. 21, д. 30; ЦГИА БССР, ф. 295, оп. 1, д. 871; Матэрыялы да гісторыі мануфактур на Беларусі, т. 2, стр. 1—23; ЦГИА БССР, ф. 1430, оп. 1, д. 1679, лл. 26—27.

³ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, д. 1717, л. 125; ф. 1281, оп. 6, д. 16, л. 79; д. 44, лл. 76—77; д. 59, лл. 183—185; ЦГИА ЛитССР, ф. 388, оп. 1, д. 287, лл. 741, 750.

в основном предприятия кожевенные, кирпичные, табачные, свечные; помещикам — полотняные, суконные, стекольные, сахарные, медеплавильные, железоплавильные, винокурные. Так, например, в 1845—1846 годах в Минской губернии из 53 промышленных предприятий помещикам принадлежало 30 предприятий — 12 суконных, 7 железоплавильных, 1 сахароваренное, 5 медеплавильных, 1 стекольное и др.¹ В эти же годы в Гродненской губернии из 56 предприятий 23 принадлежали помещикам: 8 суконных, 2 полотняных, 3 сахарных, 3 бумажных, 3 медеплавильных, 1 смоло-скипидарное и др.² В Могилевской губернии в конце 50-х годов у помещиков было 55 промышленных предприятий. Это были наиболее крупные мануфактуры губернии — 7 сахарных, 10 стекольных, 3 железных, 3 медеплавильных, 3 смоло-скипидарных, 1 бумажная и другие более мелкие³.

Одновременно с увеличением числа вотчинных мануфактур шел процесс их укрупнения. Мелкие помещичьи предприятия, не выдерживая конкуренции с растущими капиталистическими мануфактурами и крупными вотчинными предприятиями, основанными на более высоком техническом уровне, закрывались. В конце 30-х — в 50-е годы вновь основанные помещичьи предприятия — сахароваренные, бумажные, суконные, стекольные, чугунолитейные — были в большинстве своем крупными мануфактурами, а некоторые из них относились уже к категории фабрично-заводских предприятий. В Могилевской губернии в 1846 году из 19 помещичьих предприятий крупных с численностью рабочих более 100 человек, было 3 (бумажная фабрика Гурко в Оршанском уезде, Старинковский чугуно- и медеплавильный заводы и сахарный завод Паскевича в Гомельском уезде). Предприятий с количеством рабочих от 50 до 100 было 2 (стекольные заводы графини Чернышевой-Кругликовой в фольварке Гута и в Чечерске). Кроме того, было 10 мануфактур, на которых работало от 10 до 50 человек⁴.

В 1858—1859 годах из 55 помещичьих предприятий

¹ ЦГИА БССР, ф. 295, оп. 1, д. 871.

² ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1, оп. 21, д. 30.

³ ЦГИА БССР, ф. 1430, оп. 1, д. 1679; Матэрыялы да гісторыі мануфактур на Беларусі, т. 2, стр. 1—23.

⁴ Матэрыялы да гісторыі мануфактур на Беларусі, т. 2, стр. 1—23.

Могилевской губернии 10 имели свыше 50 рабочих, на 21 предприятии количество рабочих было от 10 до 50. Наиболее крупные предприятия имелись в сахарной, стекольной, чугунолитейной отраслях производства; средние и мелкие — в медеплавильной, кожевенной, крупчатой и т. п.¹

То же самое происходило и в Минской губернии. В 1833 году среди 33 помещичьих предприятий губернии (общее число 42 предприятия) только одно — Уречская стекольная мануфактура князя Радзивилла в Бобруйском уезде — имело более 50 рабочих; 9 предприятий имели от 10 до 30 рабочих². В 1845 году часть мелких помещичьих предприятий закрылась, вместо них возникали более крупные. Из 30 помещичьих предприятий в этом году 4 имели свыше 50 рабочих (в том числе Поржечская суконная фабрика Скирмунта в Пинском уезде — свыше 200 рабочих); 12 предприятий насчитывали на каждом более 10 рабочих. Эти предприятия относились к таким отраслям промышленности, как суконная, полотняная, стекольная, сахарная.

Описывая суконное предприятие помещика Скирмунта в имении «Поржечь», Зеленский отмечает, что «на приобретение машин для фабрики владелец не щадит издержки. Почти каждое изобретение или усовершенствование по части технического производства находит здесь применение, так что в России едва ли найдется много фабрик, которые могли бы сравняться с Поржечскою по выбору машин последнего изобретения»³.

Если в 1845 году Поржечская фабрика производила на 45 700 руб. сукна⁴, в 1856 году — на 200 тыс.⁵, то в 1860 году сумма ее годового производства составила 300 тыс. руб.⁶

Суконная фабрика в имении «Раваничи» Минской губернии в 1845 году производила товара на 7900 руб., а в 1860 году — на 31 800 руб.

¹ Матэрыялы да гісторыі мануфактур на Беларусі, т. 2, стр. 113—114.

² ЦГИА БССР, ф. 295, оп. 1, д. 476.

³ И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 257.

⁴ ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 54, д. 2179, лл. 82—83.

⁵ И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 258.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 16, л. 79.

В Гродненской губернии уже в 20-х годах вотчинные мануфактуры были в значительной степени вытеснены купеческими предприятиями с вольнонаемным трудом; так, из 35 предприятий в 1828 году только 14 принадлежало помещикам, причем 5 из них находилось в аренде у купца. Крепостных суконных мануфактур здесь к концу первой четверти XIX века было всего 4. Одна из них принадлежала помещику Бухавецкому в Гродненском уезде (30 рабочих), другая — Пусловскому в Хомске (550 рабочих), третья — помещику Оржешко в Кобринском уезде (120 рабочих) и последняя — Тизенгаузу в Слонимском уезде (120 рабочих), мануфактура в Слониме, хотя и принадлежала помещику Новосильцеву, но на ней применялся вольнонаемный труд (160 рабочих). Остальные 5 помещичьих мануфактур были небольшими бумажными предприятиями с 30 рабочими (вольнонаемными) ¹.

Дальнейшее развитие промышленности Гродненской губернии шло в сторону роста суконных вотчинных предприятий на основе быстрого развития тонкорунного овцеводства.

В 1846 году из 23 помещичьих предприятий Гродненской губернии 9 работали на вольнонаемном труде; это были в основном небольшие сахарные, бумажные, суконные, скипидарные, известковые предприятия. Из 13 суконных предприятий губернии 7 принадлежали помещикам и являлись крупными мануфактурами с крепостными рабочими численностью от 20 до 400 (например, на фабрике Пусловского в имении «Альбертин» Слонимского уезда работало до 400 рабочих, на мануфактуре Оржешко в имении «Белин» Кобринского уезда — 250 рабочих) ².

Дальнейшее развитие суконного производства Гродненской губернии, олицетворявшего в течение всего этого периода промышленность губернии, шло по двум направлениям: рост общего количества промышленных предприятий и расширение каждого помещичьего предприятия. В итоге к 1859 году из 11 суконных предприятий губернии 9 принадлежало помещикам. Общее число рабочих на них составляло свыше 830 человек, на каж-

¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1, оп. 3, д. 72.

² Там же, оп. 21, д. 30.

дом из этих предприятий работало от 30 до 70 рабочих, а на Альбертинской фабрике Пусловского — свыше 500 рабочих. В то же время 2 суконных купеческих предприятия (в Рожанах и Волковыске) имели 183 рабочих (по 128 и 55 человек)¹.

Следовательно, крупные помещичьи суконные предприятия Гродненской губернии к началу 50-х годов XIX века вытеснили более мелкие купеческие мануфактуры.

Во второй четверти XIX века по численности занятых рабочих и по мощности производства наиболее развитыми отраслями промышленности Белоруссии были: суконная, занимавшая в 50-х годах около 25% всех рабочих; затем следовало сахарное производство, начавшее развиваться с конца 30-х годов и занявшее в 50-е годы до 15% рабочих; железоделательная промышленность, стекольная, кожевенная. Большинство суконных, железоделательных, стекольных, все сахарные предприятия принадлежали помещикам. В этих же отраслях промышленности во второй четверти XIX века и особенно в 40—50-е годы происходил заметный процесс укрупнения производства, главным образом вотчинных предприятий. Мелкие предприятия закрывались, не выдерживая конкуренции с крупными помещичьими и купеческими мануфактурами. Вместе с тем некоторые крупные помещичьи мануфактуры выросли, вновь возникавшие в 40—50-е годы предприятия в большинстве были средними и крупными. Например, значительно укрупнились суконные мануфактуры Пусловского, Оржешко в Гродненской губернии, Скирмунта в Минской губернии, крупнейшим предприятием являлся Старинковский железоделательный завод помещика Бенкендорфа (Могилевская губерния); значительными предприятиями являлись сахарные заводы Паскевича, Комара, Голицына в Могилевской губернии, бумажная фабрика помещика Гурко и некоторые другие. Эти предприятия насчитывали большое количество рабочих (на Старинковском железном заводе 700 человек, на Альбертинской суконной фабрике Пусловского свыше 500 рабочих, на мануфактуре Скирмунта 250 рабочих, на перечисленных сахарных заводах по 200 рабочих). На

¹ П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 284—285.

этих предприятиях существовало широкое разделение труда, применялись водяные и паровые двигатели¹.

Характерной чертой развития помещичьей промышленности во второй четверти XIX века было применение вольнонаемного труда на предприятиях. Наемный труд применялся в основном на помещичьих предприятиях в отраслях — сахарной, стекольной, железоделательной, бумажной, смоло-скипидарной. Так, например, в конце 50-х годов на 13 свеклосахарных заводах, принадлежавших помещикам Могилевской и Минской губерний, работало 435 вольных и 466 крепостных рабочих. Некоторые крупные сахарные заводы (Комара, Паскевича и других помещиков) работали полностью на наемном труде. На Старинковском железоделательном заводе около $\frac{1}{3}$ рабочих также составляли наемные.

Суконная промышленность в Белоруссии оставалась вплоть до отмены крепостного права сосредоточенной на вотчинных предприятиях. Суконное производство до реформенного периода, по определению В. И. Ленина, «имело особую, оригинальную организацию: оно было сосредоточено в сравнительно крупных заведениях, которые, однако, отнюдь не относились к капиталистической фабричной индустрии, а были основаны на труде крепостных или временно-обязанных крестьян»².

Важнейшее место в производстве Белоруссии продолжало занимать винокурение, основанное во второй четверти XIX века преимущественно на применении в качестве основного сырья картофеля.

До введения акцизной системы в 1849 году в Минской губернии в 40-е годы в среднем действовало ежегодно до 1060 винокуренных заводов, которые выкуривали из хлеба и картофеля до 2800 тыс. ведер водки в год. В Гродненской губернии действовало до 780 заводов производительностью в 1300 тыс. ведер³.

После введения акциза — налога на продажу крепких спиртных напитков — число винокуренных заводов не-

¹ П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 284—285; Материалы для истории мануфактур на Беларуси, т. 2, стр. 113—114; И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 257—258.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 410.

³ ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 53, д. 137.

сколько сократилось, однако оставшиеся заводы значительно укрупнились. В Минской губернии в конце 50-х годов их было около 450, выкуривалось до 2 млн. ведер водки¹. В Гродненской губернии в эти же годы действовало около 250 винокуренных заводов, производивших ежегодно от 470 тыс. до 680 тыс. ведер водки и 200—300 тыс. ведер спирта². В Витебской губернии в эти же годы насчитывалось свыше 100 винокуренных заводов с числом рабочих более 670 и производством на сумму 315 тыс. руб.³ Не меньшим было количество винокурен в Могилевской губернии: в конце 20-х годов на 600 винокурнях выкуривалось около 600 тыс. ведер водки, в 40—50-е годы — более 1 млн. ведер⁴.

Водка и спирт занимали весьма значительную долю в вывозе белорусских губерний, особенно Минской и Могилевской. В отчетах губернаторов этих губерний отмечалось, что «горячее вино» составляло здесь один из важнейших предметов вывоза⁵.

Из выкуренного в 1842 году в Витебской губернии «горячего вина» в количестве 1270 тыс. ведер около 1195 тыс. ведер дали помещичьи винокурни⁶. В среднем на это по 750 ведер водки. Количество выкуриваемого вина, конечно, не было одинаковым в тот или иной год, так как это зависело от количества сырья — хлеба и картофеля. Обычно на винокурение шел хлеб и картофель внутреннего производства, но в неурожайные годы многие помещики находили выгодным покупать хлеб и не прекращать винокурение, особенно это практиковалось в Витебской губернии, где зачастую своего хлеба не хватало. Так, например, в отчете за 1829 год губернатор отмечал, что «для винокурения рожь приобретена большей частью покупкою с потреблением в весьма малой части

¹ И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 31, 264—266.

² П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 321.

³ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, д. 1719, л. 57.

⁴ ЦГИА БССР, ф. 1, оп. 1, д. 125, л. 129; д. 266, л. 11; ф. 1290, д. 25291, л. 51; Военно-статистическое обозрение Могилевской губернии, т. 8, ч. 3. СПб, 1848, стр. 68.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 75, л. 19; д. 78, л. 18; оп. 6, д. 90, л. 141 и др.

⁶ Там же, д. 19, л. 23.

картофеля»; из собственных запасов употреблена 41 тыс. четвертей ржи¹. В отчете за 1857 год также указывалось, что «недостаток ржи для винокурения пополняется приобретением его из других мест»².

В урожайные годы в Могилевской и Минской губерниях (до употребления картофеля в качестве главного сырья для винокуренного производства) затрачивалось на винокурение по 100—200 тыс. четвертей зернового хлеба³.

Картофель в качестве сырья для винокуренного производства почти повсюду заменил зерновой хлеб. В 50-е годы в Минской губернии затрачивалось не более 30—50 тыс. четвертей хлеба на винокурение, а картофеля уходило 700—900 тыс. четвертей⁴.

Затруднения в сбыте зернового хлеба, выгода от продажи водки толкали помещиков Белоруссии на самое широкое развитие винокурения. Все губернаторы белорусских губерний в своих отчетах неоднократно подчеркивали, что винокурение составляло важную отрасль хозяйства, что оно занимало во многих помещичьих хозяйствах большое место в производстве⁵.

Так, минский губернатор в отчетах за 30—50-е годы отмечал, что основное внимание в губернии уделялось «хлебопашеству и винокурению», что винокурение наряду с хлебопашеством составляет «главнейший источник народного богатства в губернии»⁶, что помещики после земледелия «главное внимание обращают на винокуренные заводы, доставляющие барду для прокормления скота, а вместе с тем легчайший способ сбыта хлеба и картофеля переработкой в «горячее вино», которое продается раздробительно на месте, а также скупщикам большими партиями»⁷. «Винокурение почитается здесь значительным средством доходов от имений», указывалось в отчетах в конце 40-х годов. «В последние 25 лет винокурение чрезвычайно увеличилось, более нежели в 4 раза»⁸.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 11, д. 21, л. 58.

² Там же, оп. 6, д. 63, л. 13.

³ Там же, оп. 11, д. 76, л. 71; д. 79, лл. 50, 127, 148.

⁴ И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 31, 264—266.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 2, д. 90, л. 35.

⁶ Там же, оп. 4, д. 30, л. 26.

⁷ Там же, д. 69, л. 36.

⁸ Там же, д. 60, лл. 30—31; д. 70, л. 23.

В отчетах витебского губернатора также отмечалось, что винокурение составляет для многих помещиков почти «единственный источник к поддержанию состояния»¹. «Торговля водкою, — писал в отчете могилевский губернатор, — может причисляться к отрасли, доставляющей для многих владельцев значительнейшие от продажи доходы»².

Авторы многих хозяйственных описаний белорусских губерний также подчеркивали ту большую роль, которую все больше стало играть винокурение в помещичьих хозяйствах. Бенеке в своей статье писал, что «...на винокурение, производимое здесь в таком обширном размере, должно смотреть как на великое, но при настоящих обстоятельствах необходимое зло. Оно одно дает помещику возможность увеличить доход от своих продуктов. Откуп шинков доставляет ему значительную денежную сумму...»³

Вопрос о винокурении и его значении в Белоруссии в конце 30-х годов составлял предмет ожесточенного спора на страницах «Земледельческой газеты». Различные авторы высказывались в защиту или против широкого его развития. Они подчеркивали, что «винокуренные заводы здесь чрезвычайно размножились, так что на 50 кв. верст можно насчитать до 101 винокуренного завода, что большая часть производимого хлеба переделывается на водку». Авторы вынуждены были сделать вывод о том, что винокурение неизбежно, так как «служит почти единственным средством к поддержанию помещичьих хозяйств». Могилевский помещик, разделяя это мнение, писал, что в губернии «помещики все без исключения принялись за один промысел и выкуривают столько водки, что ее достаёт на 4 губернии»⁴.

О том большом значении, которое играло винокурение в помещичьих хозяйствах, особенно со времени широкого употребления картофеля в качестве основного сырья для винокуренного производства, свидетельствуют данные о доли дохода от винокурения в общей сумме доходов помещичьих хозяйств. Особенно большое значение

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 11, д. 21, л. 58.

² ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, д. 8993, л. 56.

³ Бенеке. Хозяйственные очерки Могилевской, Минской и Волынской губерний. (ЖМГИ, 1845, № 12, стр. 208).

⁴ «Земледельческая газета», 1839, № 76, 98, 56.

винокурение имело в тех средних имениях, которые свое хозяйство основывали главным образом на земледельческом производстве, а таких было большинство. Здесь на винокурение зачастую уходила вся произведенная рожь и картофель, а доход от продажи водки составлял в иные годы (когда зерновой хлеб находил малый сбыт) 50—60% всех доходов, а иногда и выше¹.

Даже в крупных имениях с развитым многоотраслевым хозяйством винокурение оставалось важнейшей отраслью, доходы от продажи производимой водки возрастали. Так, в имении «Дубровно» Оршанского уезда, принадлежавшем князю Любомирскому, доход от винокурения составил в 1809 году около 12250 руб., т. е. 17,8% от всего дохода; в 1830 году он достиг суммы в 77 850 руб. и составлял 43,3% общего дохода имения².

Значительную часть доходов, как уже отмечалось, составляли поступления от винокурения в Гомельском имении. Они давали от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ всех доходов.

Водка и спирт сбывались или скупщикам — купцам — по оптовым ценам, или продавались в шинках в розницу по более высокой цене. Поэтому почти все помещики старались иметь в своем имении шинки.

Во второй четверти XIX века продукция всех вотчинных промышленных предприятий Белоруссии производилась только для продажи. Мануфактур, вырабатывавших тот или иной вид продукции «для домашнего употребления», как это имело место в конце XVIII — в первые годы XIX века, теперь уже не существовало.

Несмотря на сравнительно небольшие размеры производства, промышленная продукция белорусских губерний — Могилевской, Минской, Гродненской — находила сбыт не только на месте, но продавалась в соседних русских и украинских губерниях, вывозилась в Москву и Петербург и за границу. Сукно гродненских фабрик, кроме продажи в местных лавках и на ярмарках внутри губернии, вывозилось в Минскую, Виленскую губернии, в Динабург, Митаву, Кременчуг, Киев, Одессу; изделия предприятий по изготовлению медной посуды находили сбыт

¹ ЦГИА БССР, ф. 142, дд. 1191, 1201; ф. 457, дд. 5, 6, 14, 17, 18, 32, 33, 37, 43, 60, 152 и др.; ф. 1628, дд. 32, 36, 37, 54, 114, 209, 315, 334, 346, 357, 381, 501, 511, 602.

² К. Кернажицкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі, стр. 164.

в Царстве Польском, туда же продавались частично и выделанные кожи¹.

Сукно предприятий Минской губернии, как видно из отчета губернатора, помимо местной продажи, также вывозилось в Вильно, Киев, Бердичев, Одессу и даже в Москву и Петербург; свечи вывозились в Варшаву, сахар — в Москву и другие города, смола и скипидар — в Ригу и далее за границу, а также в Кременчуг, Херсон, Одессу².

Из Могилевской губернии предметы промышленного производства — железные и медные изделия, бумага, стекло, сахар, кожи, помимо внутригубернской продажи, находили сбыт в Минской, Витебской, Черниговской, Полтавской, Виленской, Гродненской, Смоленской губерниях, а также вывозились в Киев, Бердичев, Москву и другие города России³.

Тем помещикам, которые владели крупными мануфактурами, превратившись по существу в предпринимателей-промышленников, предприятия приносили большие доходы — Пусловскому, Бенкендорфу, Скирмунту, Паскевичу, Комару, Хрептовичу и др. Однако их было немного по сравнению с общей массой помещичьих имений, поэтому большое влияние на состояние помещичьего хозяйства в целом развитие помещичьих мануфактур оказать не могло.

Помещичье предпринимательство принимало самые разнообразные формы, привлекая все природные ресурсы, имевшиеся в распоряжении помещиков. Наиболее легкой и доходной формой этого предпринимательства очень рано стала эксплуатация лесов. Помещикам принадлежала большая часть лесных массивов Белоруссии в течение всей первой половины XIX века. В 40-х годах в 4 белорусских губерниях — Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской на 7400 помещичьих имений приходилось около 6100 тыс. десятин леса, т. е. в среднем по 825 десятин на каждое имение. Ясно, что некоторые помещики не имели лесов, другие владели большими лесными угодьями. Лесов, находившихся в ведении казны, в те же годы было всего 1525 тыс. десятин⁴. Более всего

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 5, д. 42, лл. 206—207.

² Там же, оп. 6, л. 16, л. 79.

³ Там же, д. 59, лл. 183—185.

⁴ Там же, оп. 4, д. 73, л. 254; д. 91, лл. 86, 108; оп. 6, л. 63, л. 71.

лесов находилось у помещиков Минской губернии — 2611 тыс. десятин, затем в Могилевской губернии — более 1705 тыс. десятин, в Витебской — 1365 тыс. десятин и в Гродненской — до 420 тыс. десятин. Пользуясь этим даровым богатством, помещики вырубали свои леса, продавая их лесопромышленникам на сруб или сплавляя по рекам.

Уже в конце XVIII века отмечается значительное сокращение массивов лучшего, корабельного леса. Опись, произведенная в 1774 году в Могилевской губернии, показала, что еще недавно богатые корабельными и мачтовыми деревьями леса стали иметь его «посредственно». Сенат запретил в дальнейшем рубку корабельных лесов в казенных лесах, а на выпуск их из лесов частных владельцев обязал испрашивать каждый раз разрешение губернатора¹. В 1797 году сенат констатировал такое же широкое истребление мачтового леса в Минской губернии и предложил губернатору обратить внимание на необходимость бережного обращения с лесами². Однако все эти меры никаких результатов не дали: лес продолжали вырубать для продажи.

Могилевский губернатор в отчетах за 1804—1817 годы отмечал, что «продажа лесу, поташу, смольчугу, смоли, дегтю и прочего доставляет знатный доход владельцам»³. В отчетах минского губернатора, относящихся к 20—30-м годам, также указывается, что «помещики... получают значительные доходы от продажи леса. В Мозырском и Борисовском уездах выделяется смола и поташ, которые сплавляются в южные губернии. В Пинском, Бобруйском и Речицком уездах производится довольно деятельная торговля с Кременчугом, Херсоном и Одессой строевым лесом и прочими лесными произведениями. Из уездов Борисовского, Мозырского и Игуменского, изобилующих обширными строевыми лесами, приобретают лесные материалы для Черноморского флота»⁴.

В помещичьем хозяйстве в больших масштабах производилась эксплуатация лесов: во всех хозяйственных

¹ Полное собрание законов Российской империи, собр. 1, 1830, т. XIX, № 14106.

² Полное собрание законов Российской империи, собр. 1, 1830, т. XXIV, № 17959.

³ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 11, д. 79, л. 2.

⁴ Там же, оп. 2, д. 90, л. 35 и др.

отчетах губернаторов Белоруссии отмечается, что лес и лесотовары были везде одним из важнейших предметов вывоза за границу и в другие губернии России, главным образом в украинские. Большое количество строевого и дровяного леса, изделий из древесины сплавлялось по рекам на запад и на юг. Могилевский губернатор неоднократно подчеркивал, что основными предметами торговли губернии являются торговый и строевой лес, изделия из древесины, лен, пенька, водка, смола, воск¹. Вследствие частых неурожаев и недостатка в хлебе вывоз его из губернии почти не производился. Поэтому в 40—50-х годах важнейшее место в торговых оборотах Могилевской губернии занимали лес и изделия из древесины, водка и пенька. В год из губернии таких товаров вывозилось на сумму от 700 тыс. руб. до 1,5 млн. руб. Строевой лес в основном поставлялся из помещичьих хозяйств; вырубка производилась в таких масштабах, что к концу 40-х годов в губернских отчетах указывается, что торговля лесом «уже упадает из-за истощения лесов, прилегающих к рекам».

В Гродненской и Витебской губерниях лес в торговле имел меньшее значение, однако и здесь он являлся заметным предметом вывоза за границу по Двине и Неману; в отчетах витебского губернатора отмечалось, что из губернии «зерновой хлеб не вывозится; денежные выручки доставляют лен и льняное семя, лес и дрова». Гродненский губернатор также указывал, что внешняя торговля губернии ведется в основном сельскими произведениями, строевым лесом, шерстью и изделиями фабрик (главным образом суконных). «Главный предмет торговли, — отмечалось в отчетах, — при недостатке хлеба — лес, сплавляемый в Пруссию»².

В больших помещичьих владениях с обширными массивами строевого леса товары и изделия из древесины шли на продажу огромными партиями. Из Гомельского имения Паскевича в 30—50-е годы ежегодно в среднем леса продавалось на сумму от 50 до 100 тыс. руб. В 50-е годы граф Чернышев-Кругликов (Могилевская губерния) продал на сруб лесопромышленнику 72 тыс. штук дубо-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 28, л. 44.

² Там же, оп. 3, д. 12, л. 18; оп. 4, д. 78, л. 18; оп. 5, д. 32, л. 40; оп. 6, д. 63, л. 13; д. 77, л. 6; д. 76, л. 5.

вых деревьев и много другого леса¹. О размерах вывоза из Белоруссии мачтового, строевого, дровяного леса, о том, в каких масштабах рубили и продавали его помещики — владельцы этих лесов, можно судить по следующим данным. В 1804 году с начала навигации до 1 июня из Витебской губернии пришло в Ригу по Западной Двине более 200 плотов с мачтовым лесом, около 450 плотов строевого леса и 275 плотов дровяного леса². В том же году из Могилевской губернии было сплавлено только в Ригу (кроме сплава на Украину) мачтового леса 1530 штук, брусьев 20 тыс. штук. По Сожу и Днепру сплавлено более 30 тыс. бревен, много тысяч гонту, дору, стропил, лат и пр. Такое же количество леса в среднем вывозилось в последующие годы³.

В начале XIX века основными предметами вывоза из Минской губернии являлись лес и лесотовары. До начала XIX века лес сплавляли главным образом в Балтийские порты; с этого же времени начали сплавлять леса для Черноморского флота в Кременчуг, Екатеринослав, Херсон и Одессу⁴. Только в 1805 году было вывезено из губернии разного мачтового и строевого леса на 65 тыс. руб., в том числе мачтового 550 штук, строевого (бревен, брусьев) 115 тыс. штук⁵.

В 1827 году только по Неману за границу было отправлено разного груза на 620 тыс. руб., в том числе разного строевого леса на 190 тыс.⁶ В 1837 году по Бугу прошло за границу 300 судов и 306 плотов с грузом стоимостью в 1160 тыс. руб., в числе которого строевого леса на 250 тыс. руб.⁷ В 1847 году из Минской губернии было отправлено по Неману в Кенигсберг, по Березине и Днепру на Украину разного строевого леса на сумму 625 тыс. руб.⁸

¹ И. Полетаев. Из лесов Поднепровских. («Журнал сельского хозяйства», 1867, ч. ХСУ1, стр. 387—392).

² А. Сапунов. Река Западная Двина. Витебск, 1893, стр. 312—314.

³ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 11, д. 79, лл. 1, 5; д. 80, лл. 3—5.

⁴ И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 1, стр. 115.

⁵ Полное собрание законов Российской империи, т. XXVIII, стр. 869—870.

⁶ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1, оп. 2, д. 1767, лл. 49—51.

⁷ Там же, оп. 19, д. 1305, лл. 7—8.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 60, л. 30.

В помещичьих имениях вырубался и вывозился не только лес, в большом количестве вывозились и такие лесопродукты, как смола, деготь, поташ, скипидар, а также лубья, рогожи, изделия из дерева — колеса, дуги, кадки, бочки и др.

Несмотря на большое истребление лесов, в 50-е годы XIX века лесное предпринимательство помещиков Белоруссии продолжалось и даже приняло еще более широкие размеры, так как для большинства из них продажа леса становилась главным, а иногда и единственным средством сохранения за собой своего владения.

Огромные массы леса (строевого, дровяного), лесотоваров продолжали сплавляться по рекам Белоруссии за границу и на Украину по Неману, Бугу, Мухавцу, Щаре, Западной Двине, Пине, Березине, Сожу, Днепру. Во второй половине 50-х годов ежегодно по этим рекам вывозились лесотовары на общую сумму более 1,5 млн. руб.; в том числе по Бугу, Щаре и Мухавцу на 200—250 тыс. руб., по Пине на 100 тыс., Неману на 200 тыс., по Березине на 400 тыс., Сожу и Днепру не менее чем на 300—400 тыс., по Западной Двине не менее чем на 200 тыс. руб.¹ Из общей ежегодной суммы вывоза не менее $\frac{1}{5}$ части в эти годы приходилось на такие продукты, как смола, деготь, поташ, скипидар, которые производились на многочисленных помещичьих смолокурнях.

В результате такого хищнического уничтожения лесных массивов площадь, занятая лучшими лесами, по Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской губерниям только за 15 лет уменьшилась с 1845 по 1860 год почти на 465 тыс. десятин, т. е. на 4% общего пространства этих губерний².

5. УПАДОК ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

Развитие товарно-денежных отношений заставляло помещиков получать со своего хозяйства как можно больше прибавочного продукта с тем, чтобы в качестве товара реализовать его на рынке.

¹ И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 261, 313—314, 337—338, 348—349, 364—365; П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 382.

² М. А. Цветков. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII века по 1914 г., стр. 114—115.

В условиях господства барщинной системы помещики в большинстве своем добивались этого наиболее легкими и дешевыми для себя способами — путем расширения своей запашки и увеличения отработочных повинностей крестьян. В расчет при этом не брались ни наличие и состояние тягловой силы и инвентаря, ни здоровье самого производителя — крестьянина. Само собой разумеется, что рост помещичьей пашни, увеличение барщины все более ухудшали тягловую силу, крестьянский инвентарь и состояние самого крестьянина. Все это в свою очередь затрудняло дальнейшую возможность роста прибавочного продукта.

Предпринимательство помещиков, рассчитанное на производство большего количества сельскохозяйственных продуктов для продажи с целью поднять доходность имения, не делало из этих имений хозяйств капиталистического типа. Предпринимательство это было феодальным, помещичьим, крепостническим, ибо оно в целом основывалось на крепостнических формах эксплуатации. Оно являло собой лишь приспособление крепостнического хозяйства к быстроразвивающимся товарно-денежным отношениям, к потребностям растущего рынка, к формирующимся новым, капиталистическим отношениям. Помещичьи имения, даже самым тесным образом связанные с рынком, оставались по-прежнему ячейкой феодального хозяйства, способной существовать в условиях господства феодального способа производства, существования крепостничества.

Вместе с тем в новых условиях — условиях складывающегося капиталистического уклада в большей или меньшей мере нарушались признаки, которые предполагали устойчивое господство барщинного хозяйства.

В. И. Ленин, определяя необходимые условия преобладания барщинного хозяйства, указывал на следующие его признаки: «...Во-первых, господство натурального хозяйства. Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром... Во-вторых, для такого хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки... В-третьих,

условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение», как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина. Наконец, в-четвертых, условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»¹.

В первой половине XIX века было нарушено первое из этих условий — господство натурального хозяйства. Помещичьи хозяйства, как мы видели, были широко втянуты в рыночные отношения, большинство их приспособилось к потребностям рынка. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»².

Второе условие существования барщинной системы в Белоруссии в первой половине XIX века еще не было разрушено. Однако частичное отнятие земли у крестьян или перевод их на худшие, неплодородные участки, вызванные расширением барской запашки и образованием новых фольварков; отрыв крестьян от сельскохозяйственных работ и отдача их в наем подрядчикам на строительные работы зачастую далеко от места жительства крестьян; привлечение их к постоянным работам на вотчинных мануфактурах, на лесоразработках и т. п. принимали все более широкие размеры. Обеднение крепостных крестьян, вызванное усилением крепостнической эксплуатации, в особенности отработочных повинностей, влекло за собой ухудшение состояния их средств производства. В итоге это разоряло основных производителей — крепостных крестьян, становившихся негодным объектом для эксплуатации. Разорение крестьян в свою очередь подрывало и такое необходимое условие господ-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158—159.

² Там же, стр. 158.

ства барщинной системы, как прикрепление крестьян к земле.

Третье условие существования барщинной системы — личная зависимость крестьянина от помещика — в течение всей первой половины XIX века полностью сохранялось. Однако правительство, напуганное ростом крестьянского движения, вызванным усилением крепостнической эксплуатации и стремлением к освобождению из-под крепостной неволи, пыталось несколько «урегулировать» взаимоотношения между помещиками и крестьянами, рядом паллиативных мер несколько умерить крепостнический гнет и произвол.

Наконец, четвертое условие — рутинное состояние техники — также подвергалось нарушению, это проявлялось в применении помещиками новой сельскохозяйственной техники — молотильных, веяльных машин, жнеек, сеялок, железных борон, в меньшей степени плугов, экстирпаторов, разных окучников, катков и т. п. Применение такой техники еще не носило капиталистического характера, ибо оно не влекло за собой необходимость перехода к вольнонаемному труду, однако уже заставляло изменить организацию труда, ставить на обслуживание машин людей, знакомых с техникой, которые должны были стать свободными наемными рабочими или же обученными крестьянами, освобожденными от барщины.

Таким образом, в первой половине XIX века помещичье хозяйство Белоруссии, как и всей России в целом, претерпевало значительную эволюцию, вызванную развитием товарно-денежных отношений, формированием капиталистических форм хозяйства в недрах феодального строя. Эта эволюция в Белоруссии проходила замедленнее, чем в более развитых центральных губерниях России с оброчной системой.

Барщинная система являлась, следовательно, главным тормозом социально-экономического развития Белоруссии. Она ограничивала возможности товаризации помещичьего хозяйства, тормозила развитие производительных сил.

Феодально-крепостническая система продолжала господствовать, так как класс крепостников-помещиков, заинтересованных в ее сохранении, оказывал решительное сопротивление всяким попыткам подрыва их собственности.

Большинство помещиков Белоруссии, несмотря на явные признаки несоответствия барщинной системы организации хозяйства новым, более прогрессивным формам хозяйственной жизни, продолжало упорно держаться старых форм.

Это несоответствие в итоге привело к резкому обострению противоречий между старыми, феодальными производственными отношениями и новыми, растущими производительными силами, к кризису феодально-крепостнической системы хозяйства.

Одним из основных проявлений разложения феодально-крепостнической системы был кризис крупного феодального землевладения.

В первой половине XIX века помещики-землевладельцы Белоруссии еще полностью сохраняли свою монополию на владение землей. Однако внутри этого класса постепенно происходили изменения, вызванные формированием капиталистических отношений. Не всякий представитель класса помещиков мог успешно приспособиться к новым формам хозяйственной жизни. Это с большим или меньшим успехом смогли сделать крупные и отчасти средние помещичьи хозяйства; мелкие же, ведущие полунатуральное хозяйство, теряли почву под ногами и разорялись. Небогатая шляхта все чаще покидала деревню, уходила на военную службу, многие становились чиновниками, кое-кто нанимался к крупным помещикам в качестве управляющих имениями, промышленными предприятиями. Часть из них, переселившись в город, постепенно теряла связь со своим классом, переходя в состав увеличивавшейся новой социальной группы — разночинной интеллигенции. Таким образом, происходил своеобразный процесс деклассирования мелкой шляхты.

Все эти перемены, происходившие внутри господствовавшего класса землевладельцев-помещиков, можно проиллюстрировать данными переписи 1834 и 1857 годов (по 5 губерниям Белоруссии) ¹ (см. табл. 10).

Таким образом, за 23 года в Белоруссии резко сократилось количество беспоместных и мелкопоместных дворян, т. е. почти в 1,8 раза. Число крестьян уменьшилось только в 1,5 раза; следовательно, оставшаяся группа

¹ К. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі. стр. 107.

ТАБЛИЦА 10

Группа помещиков (по числу душ)	Количество дворян, крестьян	По ревизии 1834 г.	По ревизии 1857 г.
Беспоместные	дворян	1166	332
	крестьян	2859	868
До 21 души	дворян	4985	3184
	крестьян	29897	20937
От 21 до 100 душ	дворян	3250	3373
	крестьян	161425	171815
От 100 до 500 душ	дворян	1995	2117
	крестьян	424332	448791
От 500 до 1000 душ	дворян	421	249
	крестьян	610020	169409
Свыше 1000 душ	дворян	в графе от	149
	крестьян	501 до 1000	339591
Всего	дворян	11827	9404
	крестьян	1228533	1152411

мелкопоместных дворян несколько «укрупнилась». В результате процесса концентрации земельной собственности в руках крупных помещиков выделилась группа магнатов, владевших свыше 1000 крестьян. На долю каждого из них в 1857 году приходилось в среднем по 2270 душ крестьян, в то время как в 1834 году на каждое крупное помещичье хозяйство (свыше 500 душ крестьян) приходилось по 1420 душ. Здесь ярко выражено сосредоточение земли и крестьян в руках немногочисленной группы наиболее крупных землевладельцев.

Растущая в течение первой половины XIX века товарность помещичьих хозяйств Белоруссии наталкивалась на такое препятствие, как узость внутреннего рынка. Возрастало противоречие между стремлением помещиков увеличить прибавочный продукт со своего хозяйства путем расширения барской запашки и усилением барщинной формы эксплуатации, с одной стороны, и возможностью этого увеличения на основе крепостнических методов, а также возможностью реализации этого прибавочного продукта — с другой.

Помещичье хозяйство попадало в заколдованный круг: чем больше помещик усиливал барщину, тем более разрушал крестьянское хозяйство, которое было его экономической основой и главным источником дохода и хо-

зяйственной деятельности. Катастрофическое падение крестьянского хозяйства Белоруссии в 40—50-х годах неизбежно обусловило и упадок состояния помещичьего хозяйства.

Ярким доказательством упадка помещичьего хозяйства Белоруссии в 40—50-е годы является уменьшение доходности имений. В качестве примера может служить имение «Гомель» князя Паскевича — одно из наиболее крупных и хорошо организованных помещичьих хозяйств Белоруссии (табл. 11) ¹.

В таком же крупном имении Могилевской губернии — «Дубровно» Оршанского уезда, принадлежавшем князю Любомирскому, доходы во втором десятилетии составляли 300—350 тыс. руб., а в 30-х годах они едва достигали 180—200 тыс. руб. ²

ТАБЛИЦА 11

Год	Доход	
	руб.	%
1848	519200	100
1852	382100	74
1853	302300	58
1854	230000	44
1855	176000	34
1856	136500	27

Другим показателем прогрессирующего кризиса крепостничества было разорение помещичьего хозяйства. Это проявилось в росте задолженности помещиков, в быстром увеличении числа заложенных имений, сданных в опеку за неплатеж долгов, проданных с публичных торгов.

Витебский губернатор в отчетах за вторую половину 40-х годов указывал, что «долги на помещичьих имениях возросли до состояния неоплатности» ³. В отчете за 1848 год губернатор отмечал, что «долги их если не превышают стоимости их имений, то оной равняются». «Если не воспоследует новой монаршей милости,— писал он,—

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, д. 186, лл. 112—113.

² К. Кернажицкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі, стр. 163—164.

³ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 13, лл. 29—31.

дарующей здешним задолжавшим казне помещикам рас-срочку на все платежи, то их имения должны будут не-медленно подвергнуться описи и продаже»¹.

Один из богатейших помещиков Белоруссии князь Пас-кевич к 1854 году был должен только Московской сох-ранной казне по обязательству на 37 лет более 933 300 руб. серебром. Ежегодные платежи процентов по этому долгу составляли около 15 700 руб. В счет уплаты долга было заложено 13 500 душ крестьян, осталось свободны-ми от залога 9500 душ. Предполагая сделать новый заем, Паскевич распорядился в письме к управляющему еще заложить 6 тыс. душ по 50 руб. за душу: «Прошу сде-лать это как можно скорее, так как нужны срочно день-ги»². Только в 1838 году из общей суммы расходов по Гомельскому имению в 495 тыс. руб. на уплату долгов было отдано около 160 тыс., что составило до $\frac{1}{3}$ всех расходов³.

Долги помещиков губерний Белоруссии в середине 50-х годов составляли огромные суммы. Из года в год число заложенных в разных кредитных учреждениях Рос-сии имений помещиками Белоруссии увеличивалось. Только в Витебской губернии (по отчетам губернаторов) в течение 50-х годов из общего числа 1626 имений в 1853 году было заложено 646, в 1854 — 672, в 1855 — 741, в 1856 — 770, 1858 — 799, т. е. половина имений.

По Минской губернии из 2105 имений в 1853 году бы-ло заложено 413, в 1854 — 427, 1855 — 443, в 1857 — 469, в 1858 — 513, в 1859 — 551, что составляло более 26% всех имений.

По Гродненской губернии из 1696 имений в 1854 году было заложено 318, в 1855 — 337, 1857 — 364, в 1858 — 427, в 1859 — 445 имений, т. е. 27% общего количества име-ний⁴.

Могилевский губернатор в отчетах за вторую полови-ну 40-х годов отмечал, что «помещичьи имения большей частью заложены в кредитных установлениях»⁵. В 1854 году из 1983 имений в губернии было заложено 778⁶, а в 1860 году — уже 855 имений и свыше 203 560 ревиз-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 63, л. 104.

² ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, д. 6, лл. 51—72.

³ Там же, д. 12.

⁴ См. Отчеты губернаторов за соответствующие годы.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, 28, л. 46.

⁶ Там же, оп. 6, д. 50, л. 7.

ских душ, что составляло около 40% всех имений и 71% всех помещичьих крестьян мужского пола¹.

Через 4 года, в 1860 году число заложенных душ еще более возросло².

По данным Министерства внутренних дел, в 1856 году по губерниям Белоруссии задолженность помещиков и число заложенных душ в Московской и Санкт-Петербургской сохранной казне, в Государственном заемном банке и Приказе общественного призрения представлены в следующих цифрах³ (см. табл. 12, 13).

ТАБЛИЦА 12

Губерния	Число заложенных ревизских душ	% заложенных душ к числу всех крепостных крестьян
Виленская	67699	34,2
Витебская	150972	69,0
Гродненская	115207	58,4
Могилевская	203524	70,7
Минская	174048	60,3
Итого	711450	59,8

Генерал-губернатор Витебской, Могилевской, Смоленской и Калужской губерний, докладывая царю о бедственном положении в Витебской и Могилевской губерниях, в 1851 году писал, что за последние 30 лет в этих губерниях было 10 неурожайных лет. «Правительство всегда поддерживало помещиков,— отмечал он далее,— и две губернии получили займа 38 186 718 руб. при населении в помещичьих имениях 445 094 души в Витебской и 585 726 душ в Могилевской. Несмотря на правительственную помощь, $\frac{2}{3}$ этого крестьянства в полном нищенстве»⁴.

Значительное количество помещичьих имений в 40—50-е годы находилось в опеке и подвергалось описи за неплатеж процентов в кредитные учреждения. Только по

¹ А. Скребницкий. Крестьянское дело в царствование Александра II, т. IV. Бонн-на-Рейне, 1868, стр. 1242.

² А. Вихляев. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб, 1894.

³ «Журнал Министерства внутренних дел», 1860, ч. X, стр. 229—231.

⁴ И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1925, стр. 217.

Витебской губернии в опеке в 1843 году находилось 162 имения, в 1844 году — 177 (предполагалось к сдаче еще 107), в 1846 году — 265, в 1856 году — 239 и 363 описано, в 1858 году описано 338. В Гродненской губернии в 1849 году в опеке находилось 260 имений, в 1851 году — 320, в 1852 году — 357 и т. д.¹ В Могилевской губернии в 1844 году подвергалось опеке более 550 имений².

Все более частыми становились случаи продажи за долги помещичьих имений с публичных торгов. В губернских газетах 40—50-х годов публиковалось много объявлений о продаже имений. Только по Гродненской губернии в 1854 году для продажи предназначалось 21 имение, в 1855 году — 12, в 1857 году — 10, в 1858 году — 23, в 1859 году — более 50; в Минской губернии в 1853 году было описано и предназначено к продаже 75 имений, в 1854 году — 52, в 1855 году — 31 и т. д.

Эти цифры и факты достаточно убедительно свидетельствуют о глубоком кризисе помещичьего хозяйства Белоруссии в конце 40—в 50-х годах XIX века, об упадке помещичьего землевладения, о глубоком конфликте между производительными силами и производственными отношениями.

Упадок помещичьего хозяйства явился экономической стороной «кризиса верхов». Социальной его стороной были попытки путем реформ, различных паллиативных мер приостановить надвигающийся крах, несколько ослабить социальные противоречия, подрывающие феодально-крепостническую систему. Неслучайно именно на эти годы приходится проведение различных реформ — люстрация государственных имуществ и перевод казенных крестьян с барщинной системы на оброчное положение, инвентарная реформа и ряд других мер. Они выражали стремление господствовавшего класса, сохраняя основу своего господства — крепостническую систему, урегулировать непримиримые противоречия, дать некоторую возможность для развития производительных сил. Это была попытка господствующего класса, видевшего невозможность «управлять по-старому», найти путь урегулирования отношений между помещиками-крепостниками и задавленным непомерной эксплуатацией крепостным крестьянством, который бы не подрывал их господства.

¹ См. Отчеты губернаторов за соответствующие годы.

² ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 47, л. 7.

ТАБЛИЦА 13

Губерния	Число владельцев	Число ревизских душ	Число заложенных имений	Число заложенных душ	Сумма долга, руб.	Приходится на душу, руб. - коп.	Число заложенных имений к общему числу владений, %	Число заложенных душ к общему числу душ, %
Вилзенская	2238	197897	280	52530	2929287	55—76	12,5	26,5
Витебская	1595	218707	690	149160	9201357	61—68	43,3	68,2
Гродненская	1719	197182	539	105723	6137226	58—60	31,4	53,1
Могилевская	2088	287889	830	197824	11667865	58—98	39,8	68,7
Минская	2014	288336	500	167988	9661525	57—52	24,8	58,3
Итого	9654	1190011	2839	672225	39597260	58—9	29,9	56,5
Всего по России	111693	10709529	43569	6606909	398246424	60—27	39,1	61,7

В 1850 году в Витебской губернии на съезде дворянства губернии помещики С. Убри, И. Храповицкий и Ю. Щитт при обсуждении вопроса о том, какими средствами возможно лучше и успешнее «отвратить гибельные последствия несостоятельности владельцев», предложили прибегнуть к «чрезвычайным» средствам, а именно: «изъявить готовность отказаться от крепостного права над людьми» и обратиться к правительству с предложением составить комитет для рассмотрения этого вопроса. Этот проект обсуждался на витебском губернском съезде дворян. Характерным фактом является то, что при голосовании из находившихся в зале собрания 393 дворян большинство — 206 человек — высказались за это предложение, 187 человек голосовали против.

Однако ввиду того что по законам требовалось для принятия проекта $\frac{2}{3}$ всех голосов, т. е. 262 голоса, это предложение не было принято ¹.

Этот факт является одним из особенно убедительных показателей «кризиса верхов», свидетельством того, что господствующий класс начинал все более понимать, что старыми, крепостническими методами уже невозможно управлять, вести хозяйство, что необходимы коренные перемены.

¹ ЦГИА БССР, 1430, оп. 1, д. 19 900, л. 1.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. КАТЕГОРИИ КРЕСТЬЯН

В первой половине XIX века в Белоруссии, как и во всей России, крестьянство составляло основную часть населения. Данные о соотношении сельского населения (крестьян разных категорий) к общей численности населения пяти северо-западных губерний, входивших в большей своей части в состав Белоруссии, за разные годы первой половины XIX века представлены в табл. 14 (см. стр. 110).

Крестьянство здесь состояло из различных групп в зависимости от того, кому они принадлежали. В конце XVIII — начале XIX века в Белоруссии в отличие от российских губерний, кроме общего крепостного права, в котором находились помещичьи крестьяне, существовало еще так называемое «условное крепостное право», которое распространялось на различные категории крестьян. Хотя после включения территории Белоруссии в состав Российского государства владение крепостными крестьянами было подведено под общероссийские законы, на некоторых имениях были сохранены обязанности, соблюдение которых являлось условием владения этими имениями и жившими в них крестьянам. Такие имения номинально принадлежали государству. Наблюдение за исполнением всех обязанностей находилось вначале в ведении казенных палат, а затем Министерства государственных имуществ. Крестьяне, хотя и назывались в соответствии с наименованиями таких имений, но по отношению к своим владельцам находились в таком же положении, как и помещичьи крестьяне, состоявшие на общем крепостном праве. К такого рода имениям относились: старостинские, ленные, понезунтские, помонастырские, конфискованные (секвестрованные).

ТАБЛИЦА 14

Год	Жителей мужского пола	Вольных людей и однодворцев		Казенных крестьян		Помещичьих и духовенства		Итого	
		количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
1812	1803273	77541	4,3	166650	9,3	1438278	79,8	1682469	93,4
1816	1539686	58820	3,8	150810	9,7	1217233	79,0	1426863	92,5
1820	1695135	91821	5,4	134150	7,9	1243346	74,0	1469317	87,3
1825	1595908	91254	5,7	137511	8,6	1152525	72,3	1381291	86,8
1830	1789223	99875	5,6	164438	9,2	1289757	72,0	1554070	86,8
1835	2151420	122879	5,7	270527	12,6	1500464	69,8	1893870	88,1
1845	1912031	56447	3,0	365903	19,1	1236223	64,6	1658573	86,7
1851	2017842	51552	2,5	392872	19,5	1186462	58,9	1630786	80,9
1857	2189008	41946	1,9	390795	17,8	1152411	52,6	1585152	72,3

Все эти категории владений сохранились с того времени, когда белорусские земли входили в состав Речи Посполитой. Старостинские имения — это имения, раздававшиеся польским правительством дворянству в пожизненное владение или в пользование на 50 лет (эмфитевтические) с уплатой кварты — ежегодного определенного взноса в государственную казну.

После включения восточной части Белоруссии в состав России почти все староства были возвращены прежним их владельцам на тех же условиях, на каких они владели ими при польском правительстве. Таким образом, категория старостинских имений сохранялась еще в течение значительного времени после воссоединения Белоруссии с Россией, лишь постепенно, после смерти их владельцев или по истечении 50-летнего срока они переходили в ведение казны.

Ленные имения также давались разным лицам за военную службу на более длительный срок, чем старостинские, обычно до пресечения мужской линии. Крестьяне этих имений находились по отношению к их владельцам на обычном помещичьем праве. Однако эти имения нельзя было ни продать при передаче по наследству, ни дарить, ни закладывать. Такие имения находились в западных и центральных районах Белоруссии — в Минской, Гродненской и Виленской губерниях¹. Русское правительство сохранило права прежних ленных владельцев, но постепенно эти имения также переходили в ведение казны.

Категория поиезуитских крестьян относилась к имениям, принадлежавшим прежде иезуитскому ордену и после ликвидации его в 1775 году поступившим в королевскую казну. Эти имения были проданы местным дворянам по особой цене с уплатой ежегодного определенного процента в государственную казну. Русское правительство оставило эти имения в руках их прежних владельцев, несколько был повышен процент ежегодной платы (6%). Крестьяне этих имений по отношению к владельцам находились на общем помещичьем праве. Особенность таких имений заключается лишь в том, что продажа и раздробление при передаче их по наследству

¹ А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб, 1861, стр. 12—13, 44.

определялись некоторыми условиями. Поиезуитские имения существовали в течение всей первой половины XIX века в Витебской, Минской, Гродненской и Виленской губерниях¹.

Помонастырские имения, оставшиеся от владений упраздненных католических монастырей, а также секвестрованные (конфискованные) у польских дворян — участников выступления против царского правительства во время восстания Костюшко в 1794—1795 и 1830—1831 годах поступили в ведение казны и в большинстве раздавались в арендное владение местным дворянам. По истечении сроков и прекращении арендных условий имения переходили в казенное управление. Крестьяне конфискованных имений находились по отношению к арендному владельцу на общем крепостном праве, но учитывались по категории казенных (государственных) крестьян.

В конце XVIII — первой четверти XIX века в Белоруссии существовало еще значительное количество духовных имений, принадлежавших католическим монастырям и костелам. С ликвидацией католических монастырей в 30-х годах их владения перешли государству. Духовные имения были в основном отданы в аренду местным помещикам, находясь в ведении государства.

Таким образом, к середине XIX века в Белоруссии по указанию правительства из нескольких категорий крепостного крестьянства образовались в основном две большие группы крестьян — помещичьи и государственные. Отдельные группы крестьян — поиезуитские, ленные, духовные, городские — были к этому времени незначительны по количеству. Поэтому нет необходимости в отдельном описании их хозяйств.

По сведениям, относящимся к концу XVIII — началу XIX века, по пяти губерниям, входившим в территорию Белоруссии — Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской и Виленской, считалось около 100 тыс. ревизских душ (мужского пола), принадлежавших духовенству. По данным 10-й народной переписи (1857 год), церквам и монастырям принадлежало всего 1847 ревизских душ².

¹ А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи, стр. 12, 44.

² Там же, стр. 46.

Только в Минской губернии в 1797 году было 20 530 крестьян мужского пола, относящихся к категории «старостинских», более 22 200 насчитывалось их в 1791 году в Полоцкой губернии, около 20—30 тыс.—по другим губерниям Белоруссии. По данным 10-й ревизии, этой категории крестьян уже не было.

Помимо категорий крестьян, находившихся в крепостной зависимости от помещиков или государства, в Белоруссии существовали немногочисленные группы лично свободных крестьян. К ним относились следующие: так называемые «панцирные бояры», «вольные люди», русские старообрядцы. Эти группы сельского населения не имели собственной земли, вынуждены были арендовать ее у помещиков или у государства, уплачивая оброк. «Панцирные бояры» — потомки служилых людей. По указу 1788 года они были уравнены в правах с украинскими казаками. Их поселения к концу XVIII века имелись только в Витебской губернии (в 1791 году их насчитывалось 3420 душ мужского пола). После проведения люстрации государственных имуществ было пересмотрено положение «панцирных бояр». Все те, кто не имел соответствующих документов, доказывающих их свободное происхождение, были включены в состав государственных крестьян. По 9-й ревизии 1851 года их было всего 87 человек¹.

«Вольные люди» — лично свободные крестьяне, обязанные также отбывать государственные повинности. По 9-й ревизии их было около 6680 душ мужского пола (в Минской и Гродненской губерниях). Из них основная часть — 5700 душ арендовали помещичью или казенную землю, за которую платили соответствующий оброк, 980 душ владели небольшими участками собственной земли².

Таковыми же арендаторами помещичьей земли были лично свободные русские старообрядцы¹ (потомки переселившихся в конце XVIII века русских крестьян). В конце 50-х годов XIX века их насчитывалось около 6 тыс. душ мужского пола. Старообрядческие села существовали (в Витебской и Могилевской губерниях.)

Таким образом, наиболее многочисленную группу

¹ П. И. Кеппен. Девятая ревизия. СПб, 1857, стр. 28.

² Там же, стр. 40, 83.

крестьянского населения в Белоруссии составляли помещичьи крепостные крестьяне. Данные 10-й ревизии 1857 года показывают следующее распределение помещичьих крестьян в белорусских губерниях (табл. 15).

ТАБЛИЦА 15

Губерния	Помещичьих крестьян мужского пола				Всего населения мужского пола	% помещичьих крестьян
	с земель	дворовых	на условном праве	итого		
Виленская	179188	9824	6806	1958818	437497	44,8
Витебская	208868	5989	1704	216561	391961	55,2
Гродненская	162909	6925	1977	171811	439126	39,8
Минская	265305	7447	17766	290518	489439	59,3
Могилевская	269975	7728		277703	430985	64,4
Итого	1086245	37913	28253	1152411	2189008	52,6
Всего по России	9790938	723725	173476	10696139		36,3

Процент помещичьих крестьян в Белоруссии был значительно выше, чем в целом по России. Наиболее высоким он был в восточной и средней частях Белоруссии — в Могилевской, Минской и Витебской губерниях; в западной части он заметно снижался.

Преобладание помещичьих крестьян в составе сельского населения обусловило особенности социально-экономического развития Белоруссии, отразилось на характере и степени формирования капиталистических отношений.

Среди помещичьих крестьян преобладающее большинство составляли так называемые «поселенные крестьяне», которые получали от помещика в пользование земельный надел с условием отбывать за это все повинности. Поселенные крестьяне имели свои усадьбы, свой рабочий скот, сельскохозяйственные орудия, которыми они обрабатывали и свои наделы и помещичьи поля.

Сравнительно немногочисленную группу помещичьих крестьян составляли дворовые. Это были крестьяне,

которых помещик лишил средств производства, забрал в усадьбу, использовал для личных услуг и на работах в усадьбе. Дворовые непосредственно не занимались земледелием. На их содержание выдавался определенный паек. Дворовые крестьяне по 10-й ревизии составляли (3,4%)

Второй многочисленной группой были государственные крестьяне. Эта группа, как уже указывалось, в Белоруссии образовалась из нескольких категорий. Численность государственных крестьян Белоруссии (по пяти северо-западным губерниям), по данным 8- и 10-й ревизий, определялась следующим образом (см. табл. 16).

Государственные крестьяне в Белоруссии составляли меньшую часть населения, чем во всей России.

Сравнительно небольшое количество государственных крестьян обусловило наряду с другими причинами слабое развитие капиталистических отношений в среде крестьянства.

2. ПОМЕЩИЧЬИ КРЕСТЬЯНЕ

Помещичьи крестьяне, как уже отмечалось, были самой многочисленной группой. В начале XIX века они составляли почти 80% населения, в конце 50-х годов — 53%. По отношению к сельскому населению помещичьи крестьяне составляли в начале века 86%, а в конце 50-х годов — 78%. В целом по России помещичьи крестьяне в конце 50-х годов составляли 37,5% от всего населения страны. Могилевская, Минская и Витебская губернии насчитывали более чем 60% помещичьих крестьян и входили в число 16 губерний, в которых процент их превышал 50.

Отработочная рента — наиболее тяжелая форма эксплуатации крепостных крестьян; в Белоруссии она господствовала в течение всей первой половины XIX века. Процент барщинных крестьян в этот период увеличился. Это объясняется ростом товарности помещичьего хозяйства, увеличением барской запашки с целью производства большего количества товарного хлеба. Белоруссия была одним из районов наибольшего распространения барщины и наивысшего процента барщинных крестьян. В 80-х годах XVIII века в Великом княжестве

ТАБЛИЦА 16

Губерния	8-я ревизия (1835 г.)					10-я ревизия (1857 г.)				
	государственных крестьян мужского пола	всего крестьян мужского пола	всего жителей мужского пола	% к числу крестьян	% к числу жителей	государственных крестьян мужского пола	всего крестьян мужского пола	всего жителей мужского пола	% к числу крестьян	% к числу жителей
Виленская	92887	294294	386117	31,6	24	105389	301667	437497	31,6	24
Витебская	66217	304856	375065	21,7	17,6	64317	281467	391961	22,8	16,4
Гродненская	122473	318876	405521	38,4	30,2	116635	292407	439126	39,8	26,5
Минская	64407	357461	467778	18,0	13,7	67464	358591	489439	18,8	13,7
Могилевская	32848	331978	423248	9,9	7,7	36990	315089	430986	11,7	8,5
Итого	378832	1607465	2057729	23,5	18,4	390795	1549221	2189008	25,2	17,8
Всего по России . . .	8423822	18990137	24313524	44,3	34,6	9345342	20639957	28353925	45,2	32,9

Литовском на барщине находилось 72% частновладельческих крестьян¹. В 50-е годы XIX века барщинные крестьяне составляли в Белоруссии более 97% всех помещичьих крестьян. По проценту барщинных крестьян белорусские губернии стояли на одном уровне с Правобережной Украиной (97,4) и землей войска Донского (97,2). Более высоким этот процент был лишь на Левобережной Украине (99,3) и в Новороссии (99,9)².

Оброчными в Белоруссии были лишь крестьяне крупнейших имений, таких, например, как Гомельское, а также нескольких имений, владельцы которых пытались перейти на более рациональные методы ведения хозяйства. Всего в Белоруссии к концу 50-х годов из общего числа помещичьих крестьян—1 152 400 ревизских душ, находившихся на оброке было немногим более 34 тыс. душ.

Эволюция феодальной ренты в первой половине XIX века в Белоруссии привела к увеличению отработочной ренты. При этом увеличивалась не только доля ее в общем объеме феодальных повинностей, но и абсолютная величина.

В конце XVIII — начале XIX века довольно широко была распространена так называемая «смешанная» система обложения феодальными повинностями. Крестьяне, исполняя барщинную повинность — «пригон», одновременно платили также натуральный и денежный оброк — «чинш». Такая смешанная система была более распространена там, где у крестьян было меньше земли и где была возможность иметь заработок на стороне, особенно вблизи городов и сплавных рек. Преобладала она в крупных имениях наряду с оброчной системой³.

Вот пример, характеризующий изменение соотношения денежной, натуральной и отработочной рент в течение 40 лет первой половины XIX века в имении «Брожа» Бобруйского уезда Минской губернии. В 1797 году доход от собственного хозяйства имения (обработка земли, разведение скота и др.) составлял 30,5%. Денежный оброк (чинш) давал 26,4% всего дохода, натураль-

¹ Очерки истории СССР, стр. 614—615.

² И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925, стр. 75.

³ ЦГИАЛ, ф. 1350, оп. 312, д. 50, лл. 47, 86, 196; д. 51, лл. 61, 63, 138, 206; д. 79, лл. 97, 104, 339, 493, 500, 505; д. 94, лл. 127—220.

ный оброк (данина) составлял 5,5%. От сдачи в аренду корчем и шинков поступало 37,6%. К 1837 году доходы возросли более чем в 2 раза. Из них 67,1% давало ведение хозяйства. Доля денежного оброка значительно уменьшилась за счет перевода крестьян на барщину и составила всего 9,9%. Уменьшились и натуральные поборы до 3,8%. Аренда корчем давала 19,2%¹.

Такие же изменения в соотношении доходов с разных статей хозяйства произошли в имении «Дубровно», принадлежавшем князю Любомирскому в Оршанском уезде. В 1809 году из общей суммы доходов в 68 655 руб. чинш и данина давали 26 263 руб., что составляло 38,3%. Доходы от ведения помещичьего хозяйства (на барщине) равнялись 42 392 руб., что составляло 61,7%. В 1830 году денежные платежи и натуральный оброк давали 31 601 руб. из общей суммы дохода в 180 008 руб., что составляло 17,5%. Доходы же от собственного фольварочного хозяйства составили 145 946 руб., т. е. 81,1% всех доходов. Происходило уменьшение крестьян-чиншевиков и увеличение барщинников, обслуживавших фольварочное хозяйство. В дальнейшем этот процесс продолжался².

В Гомельском имении, по данным 1807 года, из 14 970 ревизских душ оброчников было 3440 человек, в 1832 году из 13 122 ревизских душ их было уже 2480³, таким образом, именно количество оброчных крестьян уменьшилось на 28% (960 человек).

Показательны сравнительные данные о крестьянских повинностях по нескольким имениям Гродненской губернии в начале XIX века и в конце 40-х годов. Эти данные свидетельствуют о том, что в течение первой половины XIX века изменения в соотношении разных форм феодальной ренты имели одно определенное направление — увеличение отработочной ренты. Вот, например, имение «Здзенциола» Слонимского уезда. По инвентарю 1796 года крестьяне этого имения имели в пользовании по $\frac{1}{4}$ волоки тяглой земли, несли следующие повинности:

¹ К. Кернажицкі. Аграрная рэформа ў Бабруйскім старостве і эканамічнае становішча яго насельніцтва з XVII да пачатку XIX стагоддзя. Мінск, 1931, стр. 164.

² Там же, стр. 49, 164.

³ ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, д. 2, лл. 201—202, 207; ф. 2241, оп. 1, д. 18, лл. 27—28.

исполняли по два дня в неделю с двора барщины; платили чинш — 3 злотых 4,5 гроша, кроме того, давали натуральный оброк — 1 осьмину 9 гарнцев ржи, столько же овса; обязаны были доставлять на помещичий двор по 2 воза дров. Крестьянские дворы, имевшие, кроме $\frac{1}{4}$ волоки тяглой земли, еще по $\frac{1}{4}$ волоки «приемной» (своего рода арендованной), исполняли те же отработочные и натуральные повинности, платили чинш по 18 злотых 24 гроша.

Из инвентаря этого же имения за 1839 год видно, как резко увеличились отработочные повинности крестьян за 43 года: крестьяне отбывали барщину по 4 дня в неделю, кроме того, исполняли другие отработочные повинности — гвалты (толоки) по 6 дней в год, шарварки по 5 дней в год, дорожную повинность по 40 миль в год. Увеличились и денежные платежи¹.

Сравнение инвентарей других имений начала XIX века и середины 40-х годов показывает, что повинности стали более унифицированы, причем увеличилась доля отработочных повинностей, главным образом барщины². При неизменной недельной барщине увеличивались другие виды отработочных повинностей. Так, в имениях Радзивиллов в Слуцком уезде — «Быстрица», «Раевка», «Уручье», «Цепра», «Денисковичи», «Тимковичи» — барщина в начале XIX века и в 40—50-х годах была одинаковой — 8 дней в неделю с волочного надела. При неизменном крестьянском наделе, по инвентарям 40-х годов, выросли рабочие дни во время посева, жатвы, сенокоса, дни для обработки огородов, а также толоки³.

Барщинная форма эксплуатации крепостных крестьян оказалась для помещиков Белоруссии наиболее выгодной в условиях развития товарно-денежных отношений.

В имениях, где в течение первой половины XIX века имелись крестьяне-оброкники, размер падавших на них денежных платежей в пользу помещика также увеличился. Так, например, в уже упоминавшемся имении «Здзенциола» в конце XVIII века крестьяне наряду с исполнением двухдневной барщины в неделю платили чинш —

¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, дд. 251, 253.

² Там же, дд. 170, 205, 210; ф. 96, оп. 1, дд. 183, 340, 412, 487.

³ ЦГИА БССР, ф. 142, дд. 1519, 1550, 1566, 1710, 1758, 1762; ф. 694, оп. 2, дд. 568, 2087, 7165, 8435, 9014, 9259.

3 злотых 4 $\frac{1}{4}$ гроша¹. В конце 30—40-х годов XIX века некоторые крестьяне этого имения также находились еще на смешанной системе повинностей. Исполняя барщину, они вместе с тем платили оброк, который к 40-м годам достиг 3 руб. 50 коп.²

В имении «Брожа» Бобруйского уезда чинш в 1797 году с волоки земли составлял 1 руб. 10 коп. К концу 30-х годов XIX века он вырос почти в 1,5 раза³.

Сравнительные данные имения «Гомель» о величине оброка за разные годы XIX века также свидетельствуют о значительном росте оброка. Так, например, в 1807 году 3440 оброчных крестьян платили в общей сложности 17 387 руб. оброка. Величина платежа, приходившегося в среднем на одно крестьянское хозяйство, равнялась 6 руб. Очень небольшое число особо зажиточных оброчных крестьян платило оброк по 8 руб. и несколько — по 10 руб.⁴ К середине 30-х годов XIX века оброк вырос: 2480 оброчных крестьян платили 28 200 руб., в среднем на крестьянский двор приходилось по 12 руб.⁵

Увеличение суммы оброка в первой половине XIX века — явление, характерное не только для Белоруссии, но и для России в целом⁶.

Таким образом, соотношение отработочной и денежной ренты в Белоруссии в первой половине XIX века изменилось. Изменение это выразилось в преобладании отработочной ренты за счет денежной и в одновременном росте и той и другой. Следовательно, разложение феодально-крепостнической системы и формирование капиталистического уклада сопровождалось усилением феодальной эксплуатации крестьянства в самых различных ее формах и приводило к разорению и обнищанию крестьянского хозяйства.

Крепостное крестьянство Белоруссии в конце XVIII—

¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 251. Злотый равен 15 коп.

² Там же, д. 253.

³ К. Кернажыцкі. Аграрная рэформа ў Бабруйскім старостве і эканамічнае становішча яго насельніцтва з XVII да палавіны XIX стагоддзя, стр. 170.

⁴ ЦГИА БССР, ф. 2241, оп. 1, д. 18, лл. 34—37.

⁵ Там же, ф. 2240, оп. 1, д. 2, л. 207.

⁶ Н. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века. М., 1959, стр. 178—180.

первой половине XIX века исполняло разнообразные феодальные повинности. В целом виды этих повинностей не претерпели существенных изменений. Изменились, как отмечено выше, лишь величина и доля их в общей сумме повинностей.

Все повинности делились на главные и добавочные. К главным относились: барщина (пригон), оброк (чинш) и так называемые сгоны (иначе толоки, гвалты). Эти повинности составляли основную часть в общей сумме феодальных повинностей, падавших на крепостных крестьян.

Добавочные же повинности занимали небольшую долю; к ним относились следующие обязанности: работа по строительству и ремонту разных хозяйственных построек в господском дворе, а также ремонт дорог, плотин, мостов; эта повинность называлась шарварковой. Крестьянами исполнялась также подводная повинность (от слова «подводы»), заключающаяся в обязанности перевозить разные грузы для помещичьего хозяйства, главным образом сельскохозяйственные продукты для продажи в близлежащих городах и местечках или к сплавной реке. Особая повинность, называемая «сторожечество», состояла в работах на господском дворе — пиление и рубка дров, уборка двора, скотных сараев, уход за скотом и птицей. Крестьяне обязаны были также отбывать по очереди ночной караул, т. е. стеречь дом, хозяйственные постройки в помещичьем дворе.

В течение первой половины XIX века существовал в Белоруссии натуральный оброк, так называемая «данна» — обязанность поставлять помещику определенную долю сельскохозяйственных продуктов, а также мед, грибы, ягоды и т. п. Существовала еще так называемая «пряжа» — повинность для женщин, она заключалась в том, что женщины обязаны были (в зимнее время) спрядать из помещичьего льна или шерсти определенное количество пряжи.

Размер различных повинностей с крестьян в Белоруссии издавна определялся согласно инвентарям. Формально инвентарь служил обязательным документом для обеих сторон — и помещика, и крестьянина. Помещик мог требовать от крестьянина исполнения только тех повинностей, которые фиксировались инвентарем; крестьянин обязан был точно исполнять все эти повинности.

На деле же оказывалось, что инвентарь, составляемый обычно самими помещиками, постоянно нарушался, повинности увеличивались. Неисполнение крестьянином той или иной повинности влекло за собой различные наказания.

Основной повинностью большинства помещичьих крестьян в течение всего этого периода являлась барщина, называвшаяся в Белоруссии «пригоном». Величина барщины устанавливалась в соответствии с размером участка земли, находившегося в пользовании крестьянина. В инвентарях конца XVIII — начала XIX века это правило более или менее соблюдалось. В имении «Здзенцола», например, крестьяне, имевшие по $\frac{1}{4}$ волоки земли, исполняли барщину по 2 дня с хозяйства в неделю, имевшие $\frac{1}{2}$ волоки — 4 дня в неделю¹.

Крестьяне имения «Беловежа» Пружанского уезда несли несколько меньшую барщинную повинность, но опять-таки в соответствии с размерами земельного участка: с $\frac{1}{2}$ волоки — 2 дня барщины, с $\frac{1}{3}$ волоки и $\frac{1}{4}$ волоки — 1 день.

В имении «Ополь» Кобринского уезда барщинная повинность с $\frac{1}{4}$ волоки равнялась: летом — 2 мужских (с лошадыю) дня и 1 женский (без лошади), зимой — 1 мужской и 1 женский. С крестьян, имевших по $\frac{1}{8}$ волоки, полагалось летом и зимой по 1 мужскому и 1 женскому дню барщины².

В имении «Наревка» Пружанского уезда с $\frac{1}{4}$ волоки крестьянской земли полагалось 2 дня барщины в неделю, с $\frac{1}{5}$ волоки и меньше — по 1 дню³.

То же самое было и в восточной части Белоруссии. В конце XVIII — начале XIX века крестьяне имения «Межевское» Оршанского уезда с волоки земли исполняли по 4 дня барщины в неделю (с $\frac{1}{2}$ волоки соответственно 2 дня)⁴, в имении «Брожа» Оршанского уезда барщинная повинность была такой же⁵.

¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 251.

² Там же, ф. 1143, оп. 1, дд. 170, 210.

³ Там же, д. 205.

⁴ К. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў часы распаду феадалізму, стр. 44.

⁵ К. Кернажыцкі. Аграрная рэформа ў Бабруйскім старостве і эканамічнае становішча яго насельніцтва з XVII да палавіны XIX стагоддзя, стр. 162.

Барщина в Белоруссии в первой половине XIX века, как уже отмечалось, увеличивалась. В то же время происходила заметная нивелировка барщинной повинности. Как видно из инвентарей конца 30—40-х годов, барщина в имениях Белоруссии равнялась 4—6 дням в неделю; обычно половина дней падала на барщину с упряжью (мужская), половина — на женскую. Эта нивелировка была следствием соответственного уравнивания крестьянских земельных наделов.

Величина барщины в восточной части Белоруссии — в Витебской и Могилевской губерниях, где существовало общинное крестьянское землепользование, определялась в расчете на «тягло», т. е. на крестьянскую хозяйственную единицу, состоящую из способных к работе мужчины и женщины. В западной части — Минской, Гродненской и Виленской губерниях, где существовало подворное землепользование, величина барщины устанавливалась в зависимости от размеров крестьянского надела, приходившегося на крестьянский двор.

Несмотря на то что на территорию Белоруссии был распространен указ Павла I о трехдневной барщине, здесь он не соблюдался на том основании, что крестьянские повинности издавна фиксировались инвентарями; последние же, как уже указывалось, также открыто нарушались помещиками. В результате существовал полный произвол. В восточных губерниях Белоруссии барщина фактически устанавливалась не 3 дня с тягла, а 3 дня с рабочей души. В западной части в основу определения полной барщины было положено не полное тяглое крестьянское хозяйство с земельным наделом в одну волоку, а хозяйство с неполным земельным участком.

На основании изучения нескольких сот инвентарей помещичьих имений, относящихся к 40-м годам XIX века, можно видеть следующее. В Могилевской губернии существовала четырехдневная барщина (2 дня мужской и 2 дня женской). В Минской и Гродненской губерниях барщина устанавливалась по 4 и по 6 дней в неделю при значительном преобладании последней. В восточных уездах Витебской губернии также существовала шестидневная барщина. Наибольших размеров она достигала в западных уездах Витебской губернии — Полоцком, Лепельском, Дриссенском; с волочного тягольного надела

земли здесь требовалось в неделю по 8, 9, 10 и даже 12, 14 и 16 дней барщины (половина — мужской, половина — женской) ¹.

В оброчных имениях крестьяне барщины не выполняли, а взамен ее вносили «арендную» плату деньгами за пользование землей. Величина оброка устанавливалась в зависимости от размера и качества земельного надела с таким расчетом, чтобы уплачиваемая сумма была бы не меньше стоимости труда барщинного крестьянина, которым он «уплачивал» за свой надел помещику. Оброк увеличивался в тех случаях, когда крестьянин имел дополнительный доход от занятия неземледельческим промыслом. Так, например, в имении «Холопеничи» Борисовского уезда некоторые крестьяне-оброкники уплачивали оброк по 30 руб. с волоки земли. В имении «Свислочь» Бобруйского уезда, принадлежавшем помещику Незабытовскому, на 181 барщинное хозяйство было 12 оброкников, уплачивавших по 30 руб. оброка за 13 десятин земли. Различны были суммы оброка с 7 оброкников имения «Столин» Пинского уезда помещика Солтана, колеблясь от 3 руб. 50 коп. до 14 руб. 85 коп. с участка в 8—15 десятин ². Особенно больших размеров достигал оброк в селах и местечках, где крестьяне имели возможность заниматься в значительной мере разными промыслами — извозом, изготовлением ремесленных изделий, а также мелкой торговлей; так, например, крестьяне-чиншевики местечка Усвяты Суражского уезда помещика Потемкина с земельного участка от 3 до 30 десятин платили оброка от 10 до 100 руб. В имении «Мармыжи», расположенном в пяти верстах от Витебска, оброчный крестьянин платил чинш в 30 руб. ³

В ряде имений в 30—40-е годы наряду с выполнением барщины крестьяне платили чинш. В имении помещика Немцевича «Адамково» Брестского уезда крестьяне, помимо шестидневной барщины в неделю, платили чинш с тягольного участка в размере 1 руб. 80 коп., крестьяне имения помещика Жыгмонта «Пашкевичи» Гродненского уезда, исполняя шестидневную барщину, уплачивали еще и чинш по 1 руб. 58 коп. с двора. В имении «Голын-

¹ ЦГИА БССР, ф. 1628, оп. 1, дд. 38, 55, 60, 66, 67, 76, 82, 93, 100, 107, 130, 132, 142, 162, 303, 381, 388, 405, 423, 425.

² Там же, ф. 142, оп. 1, дд. 110, 302, 1119.

³ Там же, ф. 1628, оп. 1, дд. 27, 36.

ки» Слонимского уезда в 30-е годы, помимо четырехдневной барщины, уплачивался с $1\frac{1}{2}$ волоки земли чинш в 5 руб.; в имении «Застенок» того же уезда чинш равнялся 4 злотым (60 коп.) с $1\frac{1}{2}$ волоки, а в имении «Ковятичи» Пружанского уезда чинш равнялся от 1 руб. 50 коп. до 3 руб. с $1\frac{1}{2}$ волоки¹.

По Минской губернии наблюдались такие же смешанные формы повинностей: в имении помещика Ваньковича «Слободки» Борисовского уезда, кроме пяти дней барщины, крестьяне платили 3 руб. оброка с тягольного участка.

В имении «Парфенковичи» помещика Булгака в Бобруйском уезде наряду с четырехдневной барщиной крестьяне платили чинш с $1\frac{1}{2}$ волочного участка по 2 руб. 50 коп. Крестьяне имения «Альбрехтово» помещика Скирмунта в Пинском уезде несли 6 дней барщины в неделю и платили чинш по 1 руб. 35 коп.² Крестьяне имения «Давид-Городок» князя Радзивилла, исполняя по 6 дней барщины с волоки земли, платили чинш по 4 руб., 4 руб. 80 коп., 5 руб. 85 коп., 6 руб. 17 коп. и т. д.³

Второй главной повинностью крестьян были сгоны (иногда они назывались гвалтами, толоками). Это была также отработочная повинность, которую крестьяне обязаны были выполнять по требованию помещика, главным образом во время жатвы, уборки сена, помимо обычных барщинных дней.

Расширение помещичьей запашки, происходившее в первой половине XIX века, обусловило вместе с ростом барщины увеличение «сгонов». В инвентарях конца XVIII — начала XIX века обычная норма «гвалтов» — 4 дня с души или же «когда надо». В 30—40-х годах наиболее распространенные нормы числа сгонных дней равнялись 6—12 дней в год со всякой рабочей души (мужского и женского пола). В большинстве имений Гродненской губернии устанавливалось 12 сгонных дней; в остальных губерниях их число равнялось 6—8, а кое-где и 15 дням в год с души. В Минской губернии было больше разнообразия. Особенно распространенными были сгоны по 6 дней, затем следовали 8—10—12-дневные; в некоторых имениях были и 15-дневные сгоны, в некоторых даже

¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 96, оп. 1, дд. 208, 230, 232, 277, 396.

² ЦГИА БССР, ф. 142, дд. 145, 228, 1191.

³ Там же, дд. 1410, 1546.

24-дневные. В Могилевской губернии преобладающее место занимали 8-дневные сгоны, имелись также 12-, 6-, 10-дневные и т. д. Многодневными были сгоны в западных уездах Витебской губернии. Здесь в большинстве имений было по 24 сгона в год с рабочей души, в ряде случаев 16, а в отдельных имениях — по 32 дня. В восточных уездах распространены были 6- и 12-сгонные имения, но встречались и большие сгоны.

Таким образом, в результате получалось, что в самую страдную пору — во время уборки хлебов — барщинные крестьяне на 2—3—4 и даже 6 и 8 недель почти полностью отрывались от своего хозяйства, так как, выполняя половину недели барщину, другую половину были обязаны отбывать сгоны. Это крайне пагубно сказывалось на состоянии крестьянского хозяйства: урожай с крестьянских полей почти всегда собирался позже помещичьего, зачастую осыпался, собранный уже в дождливое время обмолачивался сырым.

Добавочные повинности относились к тем, которые выполнялись крестьянами не в счет «платы» за пользование землей, а за дополнительные так называемые «льготы», предоставляемые помещиками крестьянам: право пасти скот на пастбищах, собирать грибы и ягоды в лесу, драть лыко на лапти, собирать валежник, хворост для отопления и т. п. К ним относились, как уже отмечалось, строительство и ремонт хозяйственных построек в помещичьем дворе, а также дорог, плотин, мостов; повинность эта называлась в Белоруссии шарварковой. В большинстве имений устанавливалось по инвентарям определенное количество дней, которые падали на крестьянское хозяйство для выполнения этой повинности. Наиболее широко распространенной нормой было 12 дней в год со двора, реже 6 дней, в ряде случаев шарварки устанавливались в 24 дня, а в северо-западных уездах Белоруссии они иногда достигали 50 и 60 дней. В ряде инвентарей эта повинность взималась «по мере необходимости», иногда выполнение ее засчитывалось в барщинные дни. Шарварки выполнялись в более свободное от полевых работ время года — весной, осенью и зимой.

Из отработочных добавочных повинностей заметное место занимала также подводная повинность, называвшаяся в Белоруссии «дороги», «подорожизна». Состояла она в обязанности крестьян со своей лошадью и теле-

гой (или санями) вывозить к месту продажи (или доставить в указанный скупщиком пункт) сельскохозяйственные продукты с помещичьего хозяйства. Следствием быстро развивавшейся товарности помещичьих хозяйств явилась и заметная эволюция подводной повинности. Во многих инвентарях конца XVIII — начала XIX века эта повинность или вообще не указывалась или же заменялась денежной платой. По инвентарям же, относящимся к 40-м годам, эта повинность выполнялась всегда. В ряде случаев она шла в зачет барщины, в большинстве же имений «подорожизна» исполнялась как отдельная обязанность. Обычно с крестьянского двора требовалась одна поездка в год с полным грузом (20—25 пудов). В случае зачета поездки за барщину необходимо было для выполнения одного дня барщины этот груз отвезти за 20—30 верст.

К отработочным добавочным повинностям относилось так называемое «сторожество» («сторожа»). Заключалось оно в обязанности выполнять различные хозяйственные работы в помещичьем дворе — пилить и колот³ дрова, убирать навоз со скотного двора, для женщин — сажать овощи, полоть огороды, помогать в уходе за скотом и птицей. Обычно эта повинность исполнялась по очереди всеми крестьянскими дворами; иногда она засчитывалась за барщину. Часто к некоторым работам привлекались подростки.

Отработочной добавочной повинностью, падавшей на крепостных крестьянок, являлась «пряжа» — обязанность прясть из помещичьего льна или шерсти. Обычно этим занимались в зимнее время, по окончании полевых работ. Наиболее распространенная норма — спрясть 6 фунтов льна или шерсти каждой женщине за зиму. В некоторых инвентарях рабочей нормой являлось количество спряденных талек, оно колебалось в разных имениях от 2 до 12. Иногда прядение засчитывалось за барщину. Такая повинность существовала повсеместно, главным образом в тех имениях, где были полотняные или суконные предприятия. Полотно из заготовленных ниток ткалось также дворовыми девушками для собственных потребностей помещика.

В некоторых имениях обязанность крепостных женщин сажать, полоть и поливать огороды в усадьбе помещика выделялась в особую повинность, которая и называ-

лась «огороды». Отбывалась она по очереди и в ряде случаев входила в счет барщины.

Отяготительной для крестьян небольших имений была обязанность стеречь по ночам помещичий двор, хозяйственные постройки — так называемый ночной караул (ночная варта). Ее исполняла мужская часть населения деревни поочередно.

В некоторых имениях как особые повинности считались молотба, заготовка в лесу дров, рыбная ловля, очистка полей от камней.

Помимо этого, крестьяне обязаны были безвозмездно участвовать в борьбе со стихийными бедствиями, тушить пожары в помещичьем хозяйстве и лесах, спасать помещичье имущество при наводнениях и пр.

В большинстве помещичьих имений Белоруссии в первой половине XIX века существовала еще и натуральная рента — так называемая «данина». В течение этого периода она претерпевала значительные изменения. В инвентарях конца XVIII — начала XIX века в составе продуктов, которые были обязаны давать крестьяне помещику, значились хлебные продукты — рожь, овес, а также льняная пряжа; кроме того, вносились куры или гуси, яйца; давались также ягоды, грибы, мед, хмель и другие продукты. В натуральной данине 30—40-х годов почти нигде уже не значится зерно. Обычно данина состояла из птицы, яиц, грибов, ягод, иногда хмеля, в отдельных случаях давалась пенька, а также холст. Со дворов, имевших пчел, брался мед. В редких случаях в состав данины входит (зерно) рожь, овес или ячмень. По различным имениям данина была разной и по составу, и по количеству продуктов; однако неперменной частью ее являлись птица и яйца. Вот примерный состав ежегодной данины с крестьянского двора по разным имениям Белоруссии: 3 курицы и 10 яиц; 1 курица, 10 яиц, 1 копа (60 штук) сухих грибов; 2 курицы, 10 яиц, 3 фунта холста; 3 курицы, 12 яиц, 2 фунта пеньки; 2 курицы, 10 яиц, 1,5 копы грибов (90 штук), 14 фунтов хмеля; 6 кур, 25 яиц; 2 четверника овса, 1 курица, 10 яиц, 1 копа грибов; 6 цыплят и 1 копа грибов; 1 курица, 10 яиц; 3 курицы, 20 яиц, 1 копа грибов; 2 курицы, 60 яиц, 4 фунта грибов, 2 гарнца ягод; 1 гусь, 1 курица, 20 яиц, 1,5 копы грибов, 1 гарнец меда; 2 курицы, 20 яиц, 2 копы грибов, 1 гарнец ягод; 4 курицы, 20 яиц, 2 полуторааршинные тальки, 4 копы грибов. Вот

особо большая данина: ржи — 6 гарнцев, ячменя и овса по 12 гарнцев, 10 яиц, 1 копа грибов, хмеля 10 фунтов, ягод 1 кварта, орехов 1 гарнец, дору 2 копы.

В пересчете на деньги при четырехдневной барщине (104 дня мужской работы и 104 женской в год) на крестьянскую семью падало главных повинностей на 26 руб. 68 коп. При 6-дневной барщине (156 дней мужской и 156 дней женской работы) — 38 руб. 64 коп.

Таким образом, своим трудом барщинные крестьяне значительно «переплачивали» за землю, которую они получали в пользование от помещика. В Белоруссии средняя арендная плата за $\frac{1}{2}$ волоки земли (около 10 десятин) составляла 25 руб. в год¹. При шестидневной барщине «переплата» составляла значительную по тому времени сумму — 13 руб. 64 коп. Следовательно, в этом случае стоимость труда крестьян превышала стоимость среднего надела земли, находившейся в их пользовании, более чем в 1,5 раза. В тех же довольно многочисленных имениях, где количество барщинных и сгонных дней превышало 6 дней в неделю, доходя нередко до 8, 9 и даже 10 дней, «плата» крестьянским трудом за землю была больше стоимости земли в 2—3 раза.

Стоимость добавочных повинностей зависела от того, сколько и какие отработочные повинности в нее входили без зачета в барщинные дни, а также от состава вещественной дани. Обычная стоимость добавочных повинностей от 1 до 6 руб. и более, из них данина 1—2 руб., на отработочные добавочные повинности (если они не входили в счет барщины) приходилось 4—5 руб.

Таким образом, средний объем всех повинностей барщинного крестьянского хозяйства обходился помещику в 30—40 руб. в год, при максимальной же эксплуатации стоимость всех повинностей с крестьянского двора доходила до 70 руб. в год².

Однако и эти нормы, зафиксированные в инвентарях, не являлись пределом для помещиков. Повсеместно в Белоруссии крестьяне выполняли большие повинности, чем полагалось по инвентарям и по существующим нормам. Многочисленные жалобы крестьян местным властям сви-

¹ Бенекс. Хозяйственные очерки Могилевской, Минской, Вильнской губерний (ЖМГП, 1845, ч. XVII, стр. 210—211).

² Н. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, стр. 219.

детельствуют о широких размерах подобных злоупотреблений¹.

Злоупотребления помещиков, непомерно увеличивавших повинности, приняли настолько широкий размах, что в регламентацию повинностей вынуждены были вмешиваться не только губернские власти, но и правительственные органы. В мае 1818 года последовал указ сената, предписывавший по западным губерниям установить «строжайшее наблюдение» за тем, чтобы помещики этих губерний не требовали от своих крестьян исполнения непомерных повинностей. В указе отмечалось, что многие помещики белорусских губерний требовали от крестьян больше барщины и других отработочных повинностей, чем полагалось по инвентарям, учиняя вместе с тем и другие притеснения². Множество жалоб со стороны крестьян на разорение, а главным образом рост крестьянских волнений, вызванных непомерным феодальным угнетением, заставили правительство вскоре вновь обратить внимание на состояние крестьянских повинностей в Белоруссии. По распоряжению Комитета министров губернские власти произвели в 1824 году проверку положения крестьян и размеров повинностей, в результате которой было установлено, что крестьяне белорусских губерний «отягощены» непомерными работами, что «в определительности крестьянских повинностей не было и нет точного правила, но в употреблении крестьян на работы помещики поступали, соображаясь с мерою надобности, какая предстояла в обрабатывании полей господских»³.

О широких размерах, которое приняло в Белоруссии увеличение помещиками крестьянских отработочных повинностей вопреки инвентарям, различным узаконениям и правительственным указам, говорят все более участвовавшие проверки правительственными чиновниками взаимоотношений между помещиками и крестьянами и размеров повинностей. Царские чиновники вынуждены были признать многочисленные факты злоупотреблений помещиков. Проводивший обследование нескольких имений

¹ ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 51, д. 184, лл. 6—18; ЦГИА БССР, ф. 159, д. 83, л. 65, д. 241; д. 535, л. 2; ф. 320, оп. 1, д. 74, лл. 124—127; ф. 544, д. 33, лл. 1—2; ф. 1416, оп. 4, д. 4964, л. 4; ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 1, 1843 г., д. 13 787, л. 1; 1837 г., д. 7956, л. 5.

² ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1, оп. 2, д. 1289, лл. 18—19.

³ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 1, д. 1983, лл. 30—34.

Быховского уезда Могилевской губернии чиновник особых поручений должен был констатировать, что помещики заставляли своих крестьян работать на господских землях большую часть времени, почти не оставляя им времени для обработки собственных полей. В результате такого обременения повинностями хлеб на крестьянских полях «два года сряду оставался до поздней осени несжатым, а некоторый и вовсе зимовал в поле, и посев озимого происходил так поздно, что не всходил до зимы»¹.

Копысский предводитель дворянства по распоряжению могилевского губернатора обследовал ряд имений уезда и докладывал, что крестьяне работали на помещичьих полях в летнее время в течение всей недели от восхода до захода солнца, после этого помещик заставлял крестьян исполнять другие работы — молотить, рубить дрова и др.²

Минский губернатор в 1843 году в связи с «беспрерывно» поступавшими к нему жалобами крестьян на помещиков принужден был обследовать губернию и пришел к выводу, что действительно эти жалобы вызваны «обременением чрезмерными работами». Повсеместно в губернии, отмечает губернатор, вместо установленных законом 3 дней барщины с тягла в неделю с крестьян требуют 3 дня барщины с рабочей души, удваивая таким образом размер повинностей. Помимо этого, крестьян обязывают исполнять сгоны и другие повинности. В некоторых имениях, как отмечает губернатор, помещики заставляют исполнять легкие работы даже в воскресные и праздничные дни. В своем отношении к уездным предводителям дворянства губернатор предлагал им усилить наблюдение за обращением помещиков с крестьянами для предупреждения крестьянских выступлений, вызванных непосильной эксплуатацией³.

Виленский военный губернатор в своем отношении минскому и гродненскому губернаторам отмечал, что многие помещики, не руководствуясь инвентарями, требуют от своих крестьян исполнения повинностей без всякого ограничения по собственному произволу, так что нередко крестьяне работают в пользу своих владельцев по целым неделям. Военный губернатор указывал на необ-

¹ ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, д. 12 897, л. 57.

² Там же, д. 6115, л. 5.

³ ЦГИАМ, ф. III отд., 4 эксп., д. 156, лл. 11—13.

ходимость установить строгое наблюдение за тем, чтобы не допускать непомерного увеличения повинностей¹.

Однако никакие попытки правительства «призвать» помещиков Белоруссии к «благоразумию» не давали результатов. Министр внутренних дел в отношении к виленскому генерал-губернатору вынужден был признать, что в западных губерниях «размер крестьянской барщины... нисколько не был в последнее время основан ни на древних обычаях, ни на поземельных выгодах, ни на справедливости». Говоря о размере отработочных повинностей, министр указывал, что «они простираются до 434—568, 1128 и даже до 1872 дней с семейства в год. Какая тут была соразмерность с количеством и качеством земли?»².

В помещичьих имениях Белоруссии в первой половине XIX века существовала урочная система организации барщинных работ. Она имела разные формы. В большинстве имений устанавливалась дневная норма работы по той или иной хозяйственной операции. Меньше была распространена другая форма, когда на каждое тягло отводился определенный участок пашни или сенокоса, который необходимо было обработать, засеять и убрать.

В инвентарях подавляющего большинства имений уроки на день работы устанавливались следующие: вспахать $\frac{1}{3}$ десятины, забороновать 0,5 десятины, посеять $\frac{1}{4}$ десятины, сжать $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{8}$ десятины, скосить сено на $\frac{1}{2}$ —1 десятине, собрать сено с $\frac{1}{2}$ —1 десятины, обмолотить 1 копу озимого или 1,5 копы ярового, перевезти 15 возов навоза, разбросать навоза на $\frac{1}{2}$ десятины, выбрать картофель на $\frac{1}{20}$ — $\frac{1}{15}$ десятины, спрясть 1 фунт кудели.

Работу, неоконченную в один день, крестьяне должны были исполнить в дни, свободные от барщины. В результате урочная система фактически приводила к увеличению барщинных дней, так как крестьяне могли иногда по каким-либо независящим от них причинам (из-за дождя и т. п.) не исполнить дневного урока и заканчивали его в дни, которые отводились для работы в собственном хозяйстве. †

Таким образом, вся система барщинной эксплуатации вела к тому, что в условиях товаризации помещичьего хозяйства крестьянское хозяйство неизбежно разорялось. Занятые большею частью времени (в лучшую пору)

¹ ЦГИА БССР, ф. 320, оп. 1, д. 34, лл. 98—99.

² ЦГИА ЛитССР, ф. 378, 1858 г., д. 2100, лл. 75—76.

на работах в господском хозяйстве крестьяне не могли уделить должного внимания своему хозяйству. Земля обрабатывалась наспех, кое-как, урожай убирался не вовремя, зачастую наполовину осыпавшийся. Повторяясь из года в год, это приводило в конечном итоге к резкому падению урожайности на крестьянских полях, к обнищанию крестьян, к упадку их хозяйства.

Существенное влияние на характер и величину эксплуатации крестьян оказывали помещичьи промышленные предприятия в имениях. Для работы на мануфактурах отбирались главным образом работники-мужчины, которых отрывали от земледельческих занятий, и они теряли связь со своим хозяйством. Кроме того, для подсобных работ — подвозки дров, сырья (например, песка для стекольного производства, глины для кирпичного и т. п.) привлекались все крестьяне поочередно, это было очень обременительной повинностью. Женщины обязаны были готовить пряжу для полотняных мануфактур. Расширение помещичьего предпринимательства, привлечение к нему крестьян наносило ущерб крестьянскому хозяйству. Крестьяне считали работу на промышленных предприятиях тяжелой, она отвлекала их от своего хозяйства. Крестьяне имения «Красный Бор» Борисовского уезда жаловались на то, что помещик заставляет их работать на смоляной фабрике «от воскресенья до воскресенья», так что они не имеют времени обрабатывать собственные поля. Как только крестьяне идут работать в поле, «дозорцы... сгоняют на смоляную работу»; крестьяне обнищали и лишь некоторые имеют хлеб¹. Крестьяне помещика Лопатинского Дриссенского уезда Витебской губернии жаловались губернатору, что помещик принуждает лучших работников бесплатно трудиться на своих заводах и фабриках, «... хозяйства таких крестьян совершенно обнищали»². Крестьяне имения «Белосороцкое» Речицкого уезда также отвлекались для работ на смолокурном предприятии и, получая большие уроки, обязаны были выполнять их в свободные от барщины дни, не имея возможности хорошо обработать свои поля³.

¹ ЦГИА БССР, ф. 320, оп. 1, 1829 г., д. 74, лл. 13—14.

² Там же, ф. 1416, оп. 1, д. 11 319, лл. 2—3.

³ Там же, ф. 320, оп. 1, 1829 г., д. 74, лл. 124—127; ЦГИАМ, ф. III отд., 4 эксп., 1840 г., д. 245, лл. 11—12; ЦГИА ЛитССР, д. 378, оп. 61, д. 642, л. 1.

Рабочий возраст крестьян был установлен в инвентарях для мужчин от 15 до 60 лет, для женщин от 13 до 55 лет (иногда до 60). Однако зачастую помещики привлекали на разные работы детей и заставляли отбывать барщину крестьян старше рабочего возраста¹.

Одной из самых тяжелых форм эксплуатации помещичьих крестьян, особенно широко распространенной в Белоруссии, была передача помещиками своих крестьян в дар подрядчикам на строительные работы, зачастую в дальние губернии России.

В 1835 году только из одного Гомельского имения было отправлено в Варшаву на строительство крепости 130 землекопов и до 390 каменщиков². Заработанные крестьянами деньги помещики забирали себе, обрекая крестьян на невыносимые условия жизни и полуголодное существование. «Одно из самых возмутительных злоупотреблений,— писал экономист Н. Тургенев,— замечается в белорусских провинциях (Витебской и Могилевской)... В этих провинциях помещики отдавали своих крепостных сотнями и тысячами подрядчикам, которые исполняли земельные работы во всех концах империи... Эти несчастные провели дороги в окрестностях Царского Села»³.

Этот способ избавления от голодных ртов в неурожайные годы широко применялся помещиками Белоруссии. Помещица Сенненского уезда Казановичева ежегодно отправляла по нескольку сот крестьян на строительство шоссейных дорог, полностью забирала себе заработанные ими деньги⁴.

В неурожайный 1822 год более 500 крестьян Езерицкого староства Витебской губернии были отправлены по подряду на строительство Московского шоссе. Многие из них ослабли от голода в дороге и на непосильной работе умерли от истощения⁵.

Невыносимое положение белорусских крестьян, отданных на строительные работы, не смогли обойти вниманием и правительственные чиновники. В отношении к смо-

¹ ЦГИА БССР, ф. 163, оп. 1, д. 81, л. 3; ЦГИАМ, ф. III отд. 4 экзп., 1840 г., д. 245, лл. 11—30.

² ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 2, д. 3, лл. 19—20.

³ Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова, т. IX. СПб, 1905, стр. 110.

⁴ ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, д. 14 221, л. 4.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 1, д. 1827, лл. 36—37.

ленскому, витебскому и могилевскому генерал-губернатору начальник корпуса жандармов Западного края писал, что в 1836 году некоторые помещики Могилевской губернии отдали своих крестьян подрядчикам на работы по строительству цитадели в Варшаве, забрав себе выданные крестьянам деньги, а крестьян по окончании работы в осеннее время не обеспечивали ни одеждой, ни обувью, ни продовольствием¹.

В 1845 году начальник 4-го округа корпуса жандармов доносил в III отделение, что многие помещики западных губерний отдают своих крестьян подрядчикам для работы «на дальние расстояния, не дают им кормовых денег, заставляя их испрашивать на пути подавание и изнуряя их до совершенного изнеможения»².

В 1852 году более 2 тыс. крестьян из Витебской, Гродненской и Виленской губерний работали на строительстве вблизи Белостока и, не получая продовольствия, обремененные непосильными уроками, доведены были до полного истощения³.

Массовое отвлечение крестьян на длительный срок на работы в дальние губернии также отрицательно сказывалось на состоянии крестьянского хозяйства.

Помимо строительных работ, некоторые помещики заставляли своих крестьян работать на лесозаготовках, отправляли их на лесосплав. Помещица Минского уезда Ивановская отправила в 1842 году из имения «Прилуки» более 700 крестьян на сплав леса, оставив для работ в имении только 47 человек⁴.

Десятками и сотнями отправлялись на лесные и сплавные работы крестьяне Речицкого, Борисовского, Бобруйского уездов Минской губернии, где широко развивались лесоразработки⁵.

Крестьяне-оброчники по закону, кроме уплаты денежного оброка, не обязаны были отбывать повинности. Однако во многих имениях крестьяне-чиншевики, помимо уплаты чинша, должны были в одних случаях отбывать

¹ ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, д. 8094, л. 25.

² Крестьянское движение в 1827—1869 гг. Сборник центрархива, вып. 1. М., 1931, стр. 65.

³ ЦГИАМ, ф. III отд., 4 эксп., д. 135, лл. 1—4.

⁴ ЦГИА БССР, ф. 320, оп. 1, д. 74, л. 23.

⁵ Там же, ф. 319, оп. 5, д. 52, лл. 11—18.

зимой дорожную повинность, в других — шарварковую, а в некоторых отбывали сгоны¹.

Огородники и бобыли, не имевшие пашни, отбывали только сгоны наравне с полными тягловыми хозяйствами, а за пользование лесами, пастбищами платили натуральную даннину. Иногда сгоны заменялись денежной платой за усадебную землю². Одним из способов грабежа крестьян был сбор с них в обязательном порядке зерна в сельский запасной магазин. Этот хлеб помещик зачастую забирал себе, о чем свидетельствуют жалобы крестьян³.

Помимо повинностей в пользу помещика, на крестьян тяжелым бременем ложились государственные повинности — денежные и натуральные. К денежным повинностям относились подушная подать, земский сбор, сбор на народное продовольствие, а также экстраординарные сборы — на строительство каналов и т. д. К натуральным повинностям относились подводная, квартирная (постоянная), рекрутская.

В 40-е годы на каждую ревизскую душу приходилось в среднем по 1 руб. 30 коп. — 1 руб. 60 коп. серебром государственных податей, в том числе по 95 коп. подушной и 35—65 коп. земского сбора (по губерниям)⁴. На крестьянский двор, насчитывавший не менее 3—4 ревизских душ (из которых почти всегда работников было 1—2 человека), падало по 5—7 руб. государственных податей. Такая сумма была очень обременительной для крестьян. Нередко помещики находили более удобным и выгодным уплачивать государственные подати за своих крестьян, требуя за это отработать на полях в имении, на заготовках леса и других работах в имении. В результате крестьяне попадали в неоплатную долговую кабалу; так, например, 347 барщинных крестьянских дворов имения графа Хрептовича «Холопеничи» Борисовского уезда в результате такой системы уплаты податей задолжали за 30 лет (с 1814 по 1844 год) около 34 тыс. руб. серебром, т. е. на каждый двор почти по 100 руб. Помимо того, на

¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 96, оп. 1, д. 83; ЦГИА БССР, ф. 142, оп. 1, д. 32.

² ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, д. 43, л. 89.

³ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 96, дд. 83, 186, 315; ЦГИА БССР, ф. 142, дд. 2, 3, 5, 30, 302, 487, 494, 500, 634, 1278.

⁴ ЦГИА БССР, ф. 142, оп. 1, д. 110.

этих же крестьянах лежала недоимка прежних лет (до 1814 года) — более 20 тыс. руб., т. е. еще почти по 60 руб. с двора.

Могилевский губернатор в донесении министру внутренних дел, объясняя причину огромного возрастания недоимок по губернии, писал, что «крестьяне платят подать исправно и даже, может быть, вдвое, но платят пенькой» помещикам, которые вместо того, чтобы взамен уплатить за своих крестьян подати деньгами, не делают этого, оставляя пеньку, следующую на подати¹. Помещики Могилевской губернии нашли такой способ взимания государственных повинностей со своих крестьян настолько выгодным для себя, что, по свидетельству чиновника Министерства внутренних дел, обследовавшего в 1844 году губернию, почти все могилевские помещики забирали у крестьян пеньку будто бы для уплаты за них подати, так что «в губернии едва найдется 20 помещиков, не отбирающих пеньку у крестьян своих».

В Витебской губернии, где широко были распространены посевы льна, помещики под видом уплаты податей забирали у крестьян лен².

Иногда помещики требовали с крестьян для уплаты податей денег больше, чем это было действительно нужно, присваивая себе излишки³.

Недоимки государственных податей по губерниям Белоруссии из года в год увеличивались, хотя правительство после тяжелых неурожайных лет было вынуждено снимать частично эту недоимку. Так, например, в Витебской губернии в 1846 году недоимки государственных податей на помещичьих крестьянах составляли 1 млн. 65 тыс. руб., а в 1864 году — более 2 млн. 200 тыс. руб.⁴ Земский сбор по губерниям Белоруссии был высок; особенно увеличился он в 30—40-е годы, когда здесь широко развернулось строительство дорог. В эти годы он достигал 60—65 коп. с ревизской души.

Кроме того, крестьяне обязаны были отбывать нату-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 697, д. 50, л. 120.

² Там же, оп. 8, д. 1367, лл. 62—63; оп. 21, д. 636, л. 131.

³ ЦГИА БССР, ф. 159, оп. 1, д. 535, л. 2; ф. 1297, оп. 1, д. 25 752, лл. 154—165; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 58; д. 662, л. 8; оп. 61, 1853 г., д. 543, лл. 14—17.

⁴ См. Приложения к губернаторским отчетам за соответствующие годы.

рою повинность по строительству дорог и транспортировке воинских грузов. Эта повинность становилась особенно большой и тяжелой в военное время, а также в революционные годы. Так, например, только в Могилевской губернии в 30—50-е годы требовалось обыкновенно в среднем для ремонта дорог и мостов (с отработкой по 2 недели с человека) по 8—11 тыс. подвод в год и при них людей по 30—45 тыс. В годы Крымской войны число подвод увеличилось: в 1854 году — до 75 тыс., в 1855 году — до 138 тыс., а численность рабочих — до 75—80 тыс. В эти годы под воинские транспорты (по 3 дня) требовалось от 25 до 80 тыс. подвод¹.

На крестьян ложилась также обязанность держать на постое в своих домах солдат, когда в селениях располагались воинские части.

Каждые 400 крестьянских дворов должны были отдавать в солдаты по 2 человека. Взятие в рекруты молодого, здорового работника из семьи на 25 лет было большим горем и заметно отражалось на крестьянском хозяйстве. Снаряжение рекрута лежало на обязанности сельского общества.

Крестьяне должны были также обрабатывать землю духовных лиц, живущих в их селениях; в тех имениях, где помещики заводили школы или больницы, — содержать эти учреждения!

Таким образом, в общей сложности на крепостного крестьянина Белоруссии ложилось в буквальном смысле непосильное повинностное бремя, приводившее крестьянское хозяйство к разорению, а людей к истощению непосильным трудом.

Крестьянское землепользование в Белоруссии в первой половине XIX века имело свои особенности по сравнению с великороссийскими губерниями. Они заключались в системе организации землепользования и распределения наделов между крестьянскими хозяйствами.

Специфика социально-экономического развития определила отличия в характере крестьянского землепользования между восточной частью Белоруссии и остальными ее губерниями. В Могилевской губернии, в основной части уездов Витебской губернии характер крестьянского

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 50, л. 63; д. 68, л. 74; д. 71, л. 69; оп. 5, д. 32, л. 26; д. 43, л. 67; д. 56, л. 31.

землепользования был более близок к великороссийским губерниям. Здесь существовало общинное землепользование с тягольной системой распределения наделов. В отличие от великороссийских губерний эта форма не являлась здесь в чистом виде; при общинном землепользовании не существовало периодических переделов земли, как в великороссийских губерниях.

В Минской, Гродненской, в уездах Виленской губерний, а также в Дриссенском и отчасти Лепельском и Полоцком уездах Витебской губернии крестьянское землепользование при подворном распределении носило своего рода личный характер; земельные участки при таком землепользовании переходили по наследству. В случае значительного изменения числа работников в крестьянском дворе помещик иногда производил перераспределение земельных наделов.

Следствием такой системы землепользования явилась неравномерность, пестрота в размерах крестьянских наделов.

Неравномерность крестьянского землепользования была несколько сглажена инвентарной реформой. Определенный инвентарями минимальный размер тягольного надела, а также установление более или менее твердой зависимости величины повинностей от размеров этого надела ввели заметную нивелировку в крестьянском землепользовании.

Однако по-прежнему величина крестьянских наделов оставалась неодинаковой не только в разных губерниях, но и в пределах уезда и даже во всех селениях одного и того же помещичьего имения. При этом повинности с различных участков были зачастую одинаковыми.

По инвентарям помещичьих имений конца XVIII — начала XIX века можно видеть, что крестьяне в основном имели по $\frac{1}{2}$ волоки тяглой земли, отбывая за нее барщину, по $\frac{1}{4}$ волоки тяглой (оседлой) и по $\frac{1}{4}$ чиншевой (приемной), за которую платили чинш. Были размеры тяглых наделов и по $\frac{1}{8}$ волоки и даже по $\frac{1}{16}$ и $\frac{1}{32}$.

Таким образом, тяглый надел не превышал $\frac{1}{2}$ волоки. Большинство крестьян держали, кроме тяглой, еще и приемную землю за чинш, это объяснялось недостатком размеров тяглого надела¹. Инвентари этих же имений, отно-

¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 31, дд. 156, 157; ф. 1143, оп. 1, дд. 170, 205, 210, 251.

сящиеся к 30—40-м годам. показывают, что размеры крестьянских наделов изменились очень незначительно. Так, например, в имении «Здзенциола» Слонимского уезда в конце XVIII века крестьяне имели по $\frac{1}{4}$ волоки тяглой земли, кроме того, большинство брало по столько же приемной; в конце 30 — в начале 40-х годов у тяглых крестьян этого имения было по 11 десятин земли.

В имении «Масево» Пружанского уезда в начале XIX века из 82 крестьянских дворов только 5 имели по 1 волоке земли, у остальных было по $\frac{1}{2}$ волоки. В этом же имении в 1845 году 106 тяглых дворов имели земли по 8—9 десятин пахотной и от 1 до 5,7 десятин сенокоса.

Такое же соотношение размеров крестьянских земельных наделов наблюдается и по другим имениям¹.

Размер земельного крестьянского надела по помещичьим имениям Могилевской губернии в 30—40-е годы довольно однообразен и равнялся 8—9—10, редко 7 и 12 десятин на тягло. Такое однообразие объясняется существованием в губернии общинного землепользования с распределением участков по тяглам. С учетом того, что, помимо тягла (мужчина и женщина рабочего возраста), в составе крестьянских семей имелось не менее 3—6 нерабочих, на одну душу приходилось 1—1,5 десятины. Нужно еще учесть, что из 8—10 десятин земли удобной пашни (за вычетом усадебной и сенокосной) было не более 5—7 десятин. Таким образом, и этот душевой участок уменьшался до 0,7—1 десятины. При трехпольной системе третья часть пашни отводилась под пар, другая треть засевалась рожью, наконец, еще треть — яровыми хлебами — овсом и ячменем. Следовательно, крестьянская семья из 5—8 человек засекала рожью при 8—10 десятинах надела не более $1\frac{2}{3}$ — $2\frac{1}{3}$ десятины. При средней норме высева ржи (на территории Белоруссии), существовавшей в первой половине XIX века, от 7 четвериков до 1 четверти и среднем обычном урожае в 2—4 зерна получалось озимого хлеба не более 5—8 четвертей (40—60 пудов); на душу, таким образом, приходилось в год от 5 до 12 пудов. Средняя норма потребления на одного взрослого человека считалась 3 четверти (24 пуда). Следовательно, полученного с такого надела хлеба хватало в лучшем случае для питания 2 работников.

¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 31, дл. 156, 157; ф. 1143, оп. 1, дд. 203—253.

Заметное разнообразие в размерах крестьянских наделов представляла Витебская губерния. В восточной и южной частях (Витебский, Суражский, Городокский уезды, часть Полоцкого), где было так же, как и в Могилевской губернии, распространено деление общинной земли по тяглам, размеры тягольного надела в основном равнялись 6—10 десятинам, встречались нередко и большие участки — 13, 15, 16 и даже 17 десятин. Однако большие размеры земельных наделов по сравнению с Могилевской губернией отнюдь не свидетельствуют о зажиточности витебских крестьян: земля здесь была хуже, из 15—16 десятин едва набиралось 5—8 десятин удобной пашни. Низкое плодородие земли заставляло крестьян стремиться засеять побольше участок, чтобы получить необходимое количество хлеба.

В инвентарях имений западной части Полоцкого уезда и большей части Лепельского и особенно в Дриссенском уезде крестьянские наделы исчислялись в расчете на двор, а не на тягло. Подавляющее большинство участков равнялось 20—22 десятинам, но встречались и участки по 16—18 десятин, а также 24, 26 и даже 30 десятин на двор. Следует учесть, что при этом в составе одного крестьянского двора насчитывалось несколько тягол, чаще 2—3, а вся крестьянская семья состояла из 12—16, а нередко 20 и даже больше человек. Таким образом, и в этом случае на душу приходилось не более 1—1,5 десятины, хотя надел на двор и казался большим.

Большую пестроту по величине крестьянских наделов представляли Минская и Гродненская губернии. Здесь размеры наделов существенно различались не только по разным уездам, но и по соседним имениям и даже по деревням и отдельным дворам. Такая пестрота, как уже отмечалось, являлась следствием подворного землепользования при отсутствии крестьянской общины с периодическими переделами земли. Здесь земельные участки могли передаваться по наследству и при этом зачастую дробились. Унификация размеров земельных наделов производилась помещиком в интересах сохранения полноценных тягольных хозяйств. Однако добавление земли хозяйству производилось только в тех случаях, когда размер участка значительно уменьшался по сравнению со средней величиной надела в интересах взимания полных тягольных повинностей. Вследствие этого получалась рез-

кая неравномерность повинностей: с разных участков требовались почти равные повинности.

Наиболее широко распространенный размер земельного надела на двор в Минской губернии (по всем уездам) — 10—12 десятин. Вместе с тем были участки и в 5—6—7 и менее десятин и участки в 16—18, а в некоторых имениях в 20 и 22 десятины на двор.

Подворное землепользование приводило к тому, что нередко у семьи в 8—10 человек с числом работников 4—5 было столько же земли, сколько у семьи с меньшим количеством работников. Это обстоятельство способствовало углублению имущественного неравенства среди крестьянства.

Так же неравномерно были распределены земельные наделы и в Гродненской губернии. Размеры участков здесь колебались от 8—10 десятин на двор (минимальный надел) до 18—20 (максимальный). Это — наиболее широко распространенные участки. Чаше встречались 12—15-десятинные участки на крестьянскую семью в 5—8 человек.

В конце 50-х годов по указанию дворянских губернских комитетов в Витебской губернии приходилось пашни и сенокоса на тягло в среднем 6,5 десятины, в Могилевской — 7,3 десятины¹.

В Гродненской губернии, по данным П. Бобровского², в 50-е годы в 1699 помещичьих имениях насчитывалось 38 058 крестьянских дворов; на каждый двор в среднем приходилось по 3,5 ревизской души, земля распределялась следующим образом:

	всей земли, десятин	%	в том числе па- хотной земли, десятин	%
У помещиков	516 225	42,8	361 983	39,3
У крестьян	689 814	57,2	533 418	60,7
Итого	1 206 033	100,0	895 383	100,0

В 30—40-е годы произошло частичное сокращение крестьянских наделов главным образом за счет перевода кре-

¹ И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, стр. 217.

² П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 1, стр. 761.

стьян на другие, худшие земли. Часто у крестьян отнимались также годные для пахоты сенокосы, запахивались земли, которыми пользовались как пастбищами. Наконец, частично сокращались наделы крестьян, имевших в пользовании участки по 18—22 десятины и больше. Уменьшать наделы участков в 8—12 десятин было экономически невыгодно для помещика, так как при недостатке хлеба он должен был содержать крестьян сам, чтобы обеспечить себя рабочей силой. Следует иметь в виду то обстоятельство, что в Белоруссии в первой половине XIX века еще не ощущалось недостатка в земле; у помещиков было немало нераспаханных земель, кустарников и пустошей, которые и начинали распахивать.

[Особенностью социально-экономического развития Белоруссии (как и Правобережной Украины) в период усиленной товаризации помещичьего хозяйства было появление здесь так называемой «месячины». Она заключалась в том, что помещик, отобрав у крестьянина землю, скот и все орудия производства, заставлял его работать на себя ежедневно. За это он давал ему одежду, продовольствие, платил государственные подати. Такие крестьяне, лишенные земли и средств производства, назывались «месячниками»¹ (от слова «месячина», т. е. месячная выдача натурой содержания — хлеба, картофеля, крупы, постного масла, соли и пр.). Скудная «месячина» давалась только на работников, нерабочие души ничего не получали. Обычно «месячина» практиковалась в самых мелких имениях, имевших не более 50—80 десятин земли и 1—4 крестьянских семьи. Стремясь извлечь побольше дохода со своего владения, такие мелкие помещики, лишая крестьян земли и средств производства — непременной основы крепостнических отношений, тем самым ставили их в условия внеэкономического принуждения, по сути на положение рабов. «Месячину» нельзя рассматривать как шаг к пролетаризации крестьян: в этом случае лишение крестьянина средств производства при отсутствии личной свободы и при условии принудительного ежедневного труда не имело ничего общего с превращением его в батрака, живущего продажей своего труда. Характеризуя тяжелое положение месячников, экономист Ю. Самарин писал: «Месячники стоят на самом рубеже между крепостным состоянием и рабством. Месячнику нет выхода из его положения и, кроме скуд-

но обеспеченного содержания и вечного труда на другого до истощения сил, будущность ему ничего не представляет»¹.

Своего рода переходной ступенью к «месячине» было еще одно довольно распространенное в Белоруссии явление — отнятие помещиками уже собранного с полей хлеба, взамен чего крестьянам также выдавалось содержание — так называемые «гарнцы» (оно получило такое название по мере отпускаемого зернового хлеба)².

Факты отнятия у крестьян собранного хлеба, полуголодного содержания крестьян помещиками вынуждены были констатировать и правительственные чиновники. Так, в 1846 году чиновник министерства внутренних дел доносил министру, что некоторые помещики белорусских губерний, забрав хлеб, выдают своим крестьянам для продовольствия по 1—1,5 гарнца (5—7 литров) в неделю зерна на рабочую душу. Крестьяне, не выносят такой жизни и голода, разбегаются³.

В докладе царю генерал-губернатор Могилевской, Витебской и Смоленской губерний писал в 1855 году, что во вверенных ему губерниях «повсеместно существует обыкновение тотчас по уборке крестьянами хлеба отбирать у них весь урожай на господский двор. С декабря или января начинают выдавать из взятого у них хлеба гарнцы ржи, смешанной с овсом и ячменем, по числу рабочих душ. Нерабочие должны прокармливаться кто чем может»⁴.

Сельскохозяйственная техника в крестьянском хозяйстве продолжала оставаться крайне низкой. Шагом вперед по сравнению с предшествовавшим периодом был повсеместный переход к трехпольной системе земледелия. Треть поля при этом засеивалась озимыми хлебами (в Белоруссии рожью), треть — яровыми, овсом и ячменем, а также льном и треть оставалась свободной — паровое поле. С распространением картофеля, особенно в 40—50-е годы, иногда часть ярового (или парового) поля отводилась под картофель.

¹ Ю. С. Самарин. Соч., т. II, стр. 77—78.

² ЦГИА БССР, ф. 142, д. 1471, л. 18; ф. 1297, оп. 1, д. 12 345, лл. 8—9; д. 25 752, лл. 154—165; ф. 1416, оп. 2, д. 9471, лл. 5—6; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1, оп. 989, лл. 109—110.

³ ЦГИА БССР, ф. 320, оп. 1, д. 149, л. 1; ф. 1416, оп. 1, д. 11 519, лл. 2—3; ф. 1430, оп. 1, д. 24 578, л. 7; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 61, д. 643, лл. 14—17.

⁴ ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, д. 25 613, л. 7.

Вспашка земли производилась деревянной сохой, имевшей железный наконечник; обычно твердая суглинистая почва требовала двукратной вспашки. Боронование велось деревянной бороной, вместо которой иногда употреблялось еще более примитивное орудие — «смык», т. е. сук ели, которым рыхлили землю. Убирали хлеба (озимые) обыкновенными серпами или косами. Молотили цепами, зерно обычно не веяли.

Малоплодородные почвы Белоруссии почти везде нуждались в большом количестве удобрений. Единственным видом удобрения, которым располагали крестьяне, был навоз. На 1 десятину земли нужно было в среднем от 80 до 160 возов. Для получения навоза требовалось большое количество скота — не менее 3 голов на 1 десятину пашни. Скота же у крестьян Белоруссии было крайне недостаточно, а имеющийся был мелким, малопродуктивным.

Авторы статей того времени, посвященных хозяйственному описанию белорусских губерний, отмечали плохое состояние скотоводства у крестьян¹. Б. Михельсон, например, указывает: «Всякому известно, что в западных губерниях скотоводство стоит еще на низкой ступени и находится в посредственном положении у помещиков, у крестьян же вообще в самом худшем». Автор отмечает далее, что в этих губерниях «на скотоводство смотрят как на неизбежное зло, которое необходимо для получения, хотя за дорогую цену, удобрения для полей, без которого земля не родит здесь. Кроме навоза, скот весьма редко доставляет еще какую-либо побочную прибыль»².

Частые бескормицы и эпизоотии (самая страшная из них была в 1844—1845 годах, когда во всех губерниях Белоруссии погибло почти 50% скота крестьян) были обычными явлениями.

¹ См.: И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 172; П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 228; Е. Васильев. Хозяйственные заметки о Витебской губернии. (ЖМГИ, 1842, ч. 6, кн. 2, стр. 150—153); Б. Михельсон. О средствах к улучшению скотоводства в западных губерниях средней полосы России. (ЖМГИ, 1846, ч. 21, стр. 105—141; 1847, ч. 22, стр. 1—45) и др.

² И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 1, стр. 647.

В течение первой половины XIX века в Минской и Гродненской губерниях почти повсеместно вспашка производилась парой волов, боронование — лошадью или волами.

По данным И. Зеленского, во второй половине 50-х годов в Минской губернии в среднем на 1 крестьянский двор приходилось 0,9 лошади, 4 вола и коровы, 8 голов другого мелкого скота.

В Витебской и северных уездах Могилевской губернии волов в крестьянском хозяйстве не было. Здесь на хозяйство, по данным инвентарей, приходилось по 1—2 лошади, иногда 3.

Рогатого скота в хозяйстве было не более 3 голов (с молодняком). Овец и свиней, так же, как в Минской и Гродненской губерниях, по 5—8 голов. «Крестьянин, — отмечает Б. Михельсон, — потребляет мало молока. Он доволен, если имеет достаточно хлеба, который еще для большего наполнения желудка печется обыкновенно наполовину с мякиной. Кроме хлеба, единственной необходимой потребностью крестьянина составляет соль, которую крестьяне достают нелегко. Только богатые крестьяне, имеющие несколько штук скота, употребляют в пищу летом молоко, а зимой баранину и свиное сало»¹.

О состоянии скотоводства у крестьян Витебской губернии Е. Васильев писал следующее: «Скотоводство и коневодство находятся, без преувеличения можно сказать, в совершенном упадке... Не говоря уже о самом низком и не соответствующем нуждам качестве скота и лошадей, количество их также ограничено. Редко, редко встречается двор, где нашлось бы по рабочей лошади на работника; по большей части семья с 2—3 работниками имеет одну рабочую лошадь. Животные изнуряются работою и от недостатка корма... Коров самой мелкой породы держит большая часть хозяев по одной в доме»².

Плохо обработанная, скудно удобренная земля давала низкие урожаи. В хозяйственных отчетах губернаторов белорусских губерний указывается, что урожай в большинстве лет не превышал 2—3 зерен.

¹ Б. Михельсон. О средствах к улучшению скотоводства в западных губерниях средней полосы России. (ЖМГИ, 1846, ч. 21, стр. 105—141).

² Е. Васильев. Хозяйственные заметки о Витебской губернии. (ЖМГИ, 1843, ч. VI, кн. 2, стр. 151).

Характеризуя хозяйство крестьян Витебской губернии, Е. Васильев писал: «Если земледелие у крестьян всей России находится в младенчестве, то в Витебской губернии оно находится в каком-то летаргическом усыплении. Крестьянское хозяйство представляет печальное зрелище. Нива тощая, ничтожная по пространству по сравнению с семьей, вспаханная кое-как на тощей лошади, возделанная орудиями, едва заслуживающими этого названия. По большей части с окончанием жатвы оканчивалась возможность существовать крестьянину без пособия. Он обращался к сельскому запасному магазину, входил в неплатную недоимку»¹.

Весьма частыми были в Белоруссии неурожаи. Особенно тяжелыми и длительными были они в Витебской и Могилевской губерниях после войны 1812 года. В течение 12 лет (с 1814 года) в Витебской губернии был ежегодный недород хлебов. Продолжались они и после. В записке генерал-губернатора Витебской, Могилевской и Смоленской губерний Игнатьева, поданной царю в начале 50-х годов, говорится, что за 30 лет «край этот 10 раз был постигнут неурожаем. Две эти губернии получили ссуды на 38 186 718 руб. при населении в имениях помещичьих 445 094 души в Витебской губернии, 585 726 душ в Могилевской губернии. Несмотря на правительственную помощь, $\frac{2}{3}$ этого крестьянства в полной нищете»².

Неурожаи были также обычным явлением и в других губерниях Белоруссии: в Минской губернии в 1805, 1806, 1809, 1814, 1844, 1845, 1846 годах, в Гродненской неурожаи продолжались в течение нескольких лет, начиная с 1844 до 1856 года здесь было 8 полных неурожаев.

Страшный неурожай, сопровождавшийся падежом скота, охватил всю Белоруссию в течение 1844—1846 годов. Массовое постоянное недоедание, а нередко и полные голодовки были уделом белорусских крестьян. По свидетельству современников, как уже отмечалось, крестьяне Белоруссии никогда не употребляли в пищу чистый хлеб, а всегда примешивали для увеличения количества мякину. Здесь «вошло в обычай» употребление крестьяна-

¹ Е. Васильев. Хозяйственные заметки о Витебской губернии. (ЖМГИ, 1842, ч. VI, кн. 2, стр. 151).

² С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. II, ч. 1. СПб, 1902, стр. 367.

ми «пушного хлеба», писали в своих донесениях местные чиновники¹.

В журнале заседания Комитета министров в июле 1817 года отмечается бедственное положение крестьян некоторых уездов Минской губернии. Крестьяне многих селений Мозырского уезда не видели хлеба по две недели, питались липовым листом и березовой корой. В донесении адъютанта Главного штаба I армии говорилось, что «пустые дома крестьян, умерших от голода, бледные, иссохшие лица еще живущих наполняли душу ужасом»².

В 1822 году витебский губернатор доносил министру внутренних дел о массовом голоде и смерти от голода крестьян Езерицкого староства³.

В 1823 году крестьяне умирали от голода целыми семьями (имение «Стайки» Городокского уезда Витебской губернии)⁴. В том же году голодали 260 крестьянских семей в имениях Радзивилла и Забелло Слонимского уезда. Многие изнуренные голодом умирали. Нищенствовали и умирали от голода крестьяне деревни Белдеек Брестского уезда, разоренные помещицей Бояровской⁵.

В 1846 году чиновник Министерства внутренних дел писал витебскому, могилевскому и смоленскому генерал-губернатору о массовом голоде среди крестьян многих уездов Витебской губернии; употребление в пищу травы увеличило смертность. Причиной голода были неурожаи и распространенный обычай отбирать хлеб у крестьян сразу после снятия урожая⁶.

Тяжелая участь помещичьих крестьян Белоруссии усугублялась еще и тем обстоятельством, что здесь довольно широкое распространение получила арендная система, практиковавшаяся главным образом среди крупных земельных владельцев.

«Большинство помещиков не жило в своих имениях,— отмечает Бобровский,— а проводило время за границей

¹ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 523, л. 242; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1, оп. 2, д. 1289, лл. 18—19.

² Там же, ф. 1263, алф. 1897, д. 125, лл. 161—168.

³ Там же, ф. 1287, оп. 1, д. 1827, лл. 36—37.

⁴ Там же, д. 1891, лл. 10—12; д. 1898, лл. 1—2; оп. 2, 1842 г., д. 868, лл. 6—11.

⁵ ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, д. 15821, лл. 1—5.

⁶ Там же.

или в Варшаве»¹. Отдельные имения этих крупных владений отдавались в аренду мелким дворянам, отставным военным чинам на различные сроки согласно арендному договору. Арендатор был заинтересован только в одном — получить наибольшие выгоды для себя за время аренды. Запутанная барщинная система вполне способствовала этому. Не считаясь ни с законами, ни с инвентарями, арендаторы самовольно увеличивали повинности, а зачастую открыто грабили крестьян, отнимая у них скот, хлеб, прикрывая этот грабеж уплатой государственных податей.

Арендная система существовала в Белоруссии в течение первой половины XIX века. Только в 1853 году она была запрещена².

В делах губернских канцелярий было немало жалоб крестьян на бесчинства арендаторов, выяснялась страшная картина беспощадного угнетения и ограбления крестьян.

Тяжелое положение белорусского крестьянства, разорение, нищета и голод, растущие недоимки не могли не обратить внимания правительства. Александр I, посетивший Белоруссию, вынужден был признать бедственное положение крестьян. «Жители губерний Могилевской, Витебской и Псковской, — заявил он на заседании Комитета министров, — действительно нуждаются в хлебном довольствии, поля у многих из них худо засеяны, едят они худую пищу за неимением хлеба, нет у них скота и великое множество между ними нищих»³.

Созданный в 1823 году так называемый Западный комитет должен был заняться улучшением положения крестьян Белоруссии, но он ограничился тем, что возложил всю заботу об обеспечении крестьян на помещиков. Предложение комитета о продаже с торгов или причислении к казенным имений, владельцы которых доводят своих крестьян до разорения и голода, было отклонено Комитетом министров «во избежание нарушения устоев крепостного права»⁴.

¹ П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 1, стр. 765.

² В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 2. СПб, 1888, стр. 508.

³ С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. I, стр. 178—179.

⁴ Там же, стр. 184, 192.

19 мая 1835 года были изданы правила об отдаче белорусских крестьян по найму подрядчикам на земельные и другие работы. Правила эти несколько ограничивали произвол помещиков, воспрещая отдавать в наем более половины членов семьи, кроме того, крестьянам полагалось продовольствие, одежда и обувь. Определялась продолжительность рабочего дня, норма и размер оплаты, выдаваемой крестьянину на руки, и т. п.¹ Однако это постановление на деле осталось только на бумаге.

Вопрос о некотором нормировании крестьянских повинностей в Белоруссии вновь был поднят в 1839 году в связи с обсуждением отчета витебского губернатора Львова, констатировавшего тяжелое положение крестьян в губернии. Министр государственных имуществ Киселев в своей записке предложил «для ограждения крестьян от разорения» составить «положительные инвентари всем повинностям, которыми они обязаны владельцу», на первое время хотя бы в тех имениях, которые из-за разорения их крестьян помещиками или арендаторами будут переданы в опекуновское управление. Комитет западных губерний согласился с этим предложением Киселева.

Комитет предложил поручить министру внутренних дел составить общие правила инвентарного положения в помещичьих имениях западных губерний, а для согласования этих правил с местными условиями образовать на местах особые комитеты. Вопрос об инвентарях затянулся до 1844 года, и лишь 15 апреля этого года царем было утверждено положение Комитета по делам западных губерний, которым предписывалось учредить в западных губерниях (Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Киевской, Волынской, Подольской, Могилевской и Витебской) комитеты для рассмотрения и составления инвентарей помещичьих имений под председательством губернаторов и в составе губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора, чиновника от генерал-губернатора, а также избранных дворянством губерний 3 помещиков и одного уездного предводителя².

На основании положения в 1844 году были открыты губернские инвентарные комитеты. В губерниях Вилен-

¹ Полное собрание законов Российской империи, изд. 2-е, т. X. № 8187.

² Первое издание материалов редакционных комиссий, ч. IV, стр. 3—6.

ской, Ковенской, Гродненской и Минской в 1845 году комитеты эти руководствовались правилами, разработанными в особо учрежденном комитете из начальников губерний и представителей от губернских инвентарных комитетов и утвержденными генерал-губернатором. Одним из основных пунктов этих правил было определение главных натуральных повинностей в соответствии с количеством и качеством отводимых крестьянам поземельных участков, причем эти повинности не должны были превышать $\frac{1}{2}$ валового дохода с поземельных участков. Добавочные же повинности должны были отбываться «как плата за придаточные выгоды, предоставляемые для крестьян владельцами».

В Белоруссии были внесены исправления в частные инвентари, которые и стали действовать по порядку их введения в имениях — одни с 1845 года, другие с 1846 и 1847 годов.

В Могилевской и Витебской губерниях введение инвентарей затянулось. Генерал-губернатор признал возможным для определения повинностей принять за основание $\frac{1}{3}$ дохода с выделением крестьянам земель и ввести обязательные инвентари по правилам Виленского генерал-губернаторства. Однако местное дворянство встретило это с недовольством и предложило со своей стороны установить здесь трехдневную барщину с рабочей души. Введение инвентарей шло здесь крайне медленно и затянулось на 10 лет.

Составление инвентарей было осуществлено мерами правительства за счет владельцев и закончено лишь в 1849 году. Однако ввести их в действие оказалось невозможным, так как обнаружилось, что в них было показано не действительное, а завышенное количество земли у крестьян, исчислена разная доходность для всех семейств независимо от числа работников и при этом с завышенным их количеством. Повинности были определены не из средних, а из высших данных по подушной системе, так что в уездах с подворной системой повинностей барщина во многих имениях по новым инвентарям оказалась выше прежней¹.

Рост недовольства крестьян новыми инвентарями заставил правительство пересмотреть их.

¹ ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, л. 19 770, лл. 31, 41, 130, 415.

В 1852 году министр внутренних дел распорядился ввести в Витебском и Виленском генерал-губернаторствах инвентари на основе правил 1848 года Киевского губернского правления, по которым вся земля, находившаяся в пользовании крестьян, оставалась за ними.

Крестьяне делились на тяглых, отбывавших барщину по 3 дня упряжных и по 1 дню женскому в неделю с тягла, и пеших — по 2 дня мужских и 1 женскому. Сгоны требовались по 12 дней в год с работника за плату по таксе, установленной генерал-губернатором. Шарварков — 8 дней в год со двора и 1 караул в месяц. Данина не бралась.

По этим правилам помещик не мог переводить тяглых крестьян в дворовые. Помещики Витебской и Могилевской губерний решительно воспротивились введению этих правил, обратившись с просьбой к царю об отмене этого постановления. В результате в 1854 году действие его было приостановлено, начался пересмотр правил в губернских комитетах, которые должны были исправить правила и передать для окончательного рассмотрения в высших комитетах в Петербурге. Правила были внесены в Государственный совет в 1855 году. По этим правилам барщина с тягла устанавливалась по 3 дня мужской и 3 дня женской отработки в неделю. Подводная повинность засчитывалась за барщину. Все другие работы — сгоны, шарварки и т. д. — отменялись. Помещик должен был дать крестьянину в пользование надел не менее $4\frac{3}{4}$ десятины удобной земли на ревизскую душу. Если надел превышал 9 десятин, то помещик мог его убавить. Разрешалось проводить замену крестьянских земель.

По словам могилевского губернатора, инвентарные правила 1855 года «в сущности увеличили повинности крестьян»¹. Министр внутренних дел Бибииков также вынужден был признать, что инвентари составлены в пользу помещиков и не соответствуют своему назначению². В итоге пересмотр и составление новых инвентарей в Белоруссии затянулись до 1857 года, когда началась подготовка к отмене крепостного права. Таким образом, инвентарная реформа в Белоруссии не была завершена. Она

¹ ЦГИАЛ, ф. 1180, т. XV, д. 178, л. 26.

² В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. 2, стр. 722.

по сути не принесла никакого облегчения помещичьим крестьянам.

В конце 50-х годов, накануне отмены крепостного права, в Белоруссии началось массовое обезземеливание крестьян. Генерал-губернатор Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской губерний Назимов в начале 1858 года в своем донесении министру внутренних дел Ланскому писал, что после опубликования рескрипта 20 ноября 1857 года «некоторые помещики» этих губерний «приступили к усиленному увольнению своих людей из крепостного состояния, отпуская их на волю целыми семействами и даже деревнями без земли». «Помещики хотят, видимо,— писал Назимов,— этим действием удержать в своем владении ту усадебную оседлость, какая... должна остаться за ними в собственность с обязанностью выкупа»¹.

Такое явление наблюдалось по всем губерниям России. В связи с этим правительство разработало циркуляр от 19 марта 1858 года, разослав его палатам гражданских губернских судов и уездным судам, выдававшим свидетельства об освобождении от крепостной зависимости, в котором предписывалось «строго ограничивать отпуск крестьян на свободу без земли». В сентябре 1858 года последовал другой циркуляр с таким же предписанием, однако и он не привел к прекращению такой практики. Указом 2 марта 1858 года запрещалось переводить крестьян в дворовые в связи с тем, что такие факты в последнее время значительно участились и привели к большому увеличению числа дворовых².

Рост числа дворовых в последние годы перед реформой наблюдался и в белорусских губерниях. По отчетам губернаторов, в Минской губернии перед обнародованием рескрипта Назимова дворовых было около 800 человек, а в 1860 году — более 14 400³. В Могилевской губернии дворовых, согласно отчетам губернаторов, в начале 50-х годов насчитывалось 8—9 тыс. человек, а в 1860 — около 16 500⁴; в Гродненской губернии увеличение численности

¹ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 20, д. 324, л. 17.

² Там же, ф. 1180, оп. 1, т. XV, 1858 г., д. 2, лл. 64, 70, 73; д. 24, лл. 9, 93; д. 33.

³ Там же, ф. 1281, оп. 6, д. 16, лл. 86—87; д. 36, лл. 103—104.

⁴ Там же, оп. 5, д. 32, лл. 121—122; оп. 6, д. 59, л. 178.

дворовых в 1859 году по сравнению с началом 50-х годов составило более 3 тыс. человек¹.

Лишение крестьян земли, уменьшение крестьянских наделов подрывало одно из основных условий существования крепостнической системы — наделение непосредственного производителя средствами производства, разрывало его связь с землей, с сельским хозяйством, заставляло идти в заработки.

ТАБЛИЦА 17

Губерния	Сеялось в среднем в начале 40-х годов, четвертей			Сеялось в среднем в конце 50-х годов, четвертей		
	озимых	яровых	картофеля	озимых	яровых	картофеля
Витебская	163000	280000	120000	143000	250000	60000
Могилевская	240000	380000	130000	220000	310000	70000
Минская	210000	230000	170000	210000	210000	93000
Гродненская	200000	150000	75000	190000	120000	44000
Итого	813000	1040000	495000	763000	890000	267000

ТАБЛИЦА 18

Губерния	Урожай озимых и яровых культур, четвертей		
	1802—1811 гг.	1841—1850 гг.	1851—1860 гг.
Виленская	4,0	2,9	2,3
Витебская	3,1	2,2	2,2
Гродненская	4,7	3,2	2,9
Минская	3,7	3,3	2,8
Могилевская	3,1	2,4	2,1
Средний по Европейской России	3,3	3,3	3,1

Хозяйство помещичьих крестьян, задавленных непомерной эксплуатацией, ограбляемых помещиками, катастрофически падало. Об этом свидетельствует сокращение посевов в крестьянских хозяйствах (см. табл. 17)².

В течение первой половины XIX века резко упала урожайность на крестьянских полях (табл. 18).

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 50, л. 5 об.— 6; д. 59, л. 6.

² Таблица составлена на основании годовых отчетов губернаторов.

Урожайность по губерниям Белоруссии упала с начала XIX века в последнем десятилетии перед реформой в среднем от 24 до 42% по отношению к первому показателю. В 50-е годы она была значительно ниже средней урожайности на территории Европейской России. Сократились сборы хлеба и картофеля на душу населения¹.

ТАБЛИЦА 19

Губерния	На душу населения хлеба и картофеля, четвертей		
	1801—1811 гг.	1841—1850 гг.	1851—1860 гг.
Виленская	4,16	3,52	1,53
Витебская	3,06	1,43	1,24
Гродненская	4,87	2,99	2,16
Минская	3,54	3,35	2,57
Могилевская	4,07	2,35	1,60
Средний по Европейской России	3,03	2,89	2,61

В своих отчетах в 40—50-е годы губернаторы вынуждены были констатировать безотрадную картину упадка сельского хозяйства, тяжелого положения крепостных крестьян.

В отчетах за 1853—1855 годы витебский губернатор повторяет, что «Витебская губерния считается в настоящем ее положении беднейшею в целой империи и совершенно справедливо. Огромное количество недоимок, казенных и частных долгов... служит тому неопровержимым доказательством». И далее заключает, что «сельское хозяйство стоит на весьма низкой ступени»². В отчетах подчеркивается, что в течение целого ряда лет «на дурно обрабатываемой и скудно унавоженной земле совершенно не бывает урожая». Недостаток хлеба «пополняется приобретением его из других мест». Характеризуя состояние крестьян губернии, губернатор пишет, что «в лучшие урожайные годы крестьяне кое-как обходятся своими средствами до февраля месяца, но в это время запасы их истощаются и они постоянно являются к помещику за гарнцами, т. е. за пайками, которые им помещик и выдает

¹ «История СССР», 1959, № 1, стр. 68—69.

² ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, л. 24, лл. 32, 46.

из запасного магазина ежемесячно на продовольствие, а весной на посев, так что перед наступлением нового урожая магазины остаются пустыми. Если случится неурожай, то они и не пополняются». Гродненский губернатор в отчете за 1853 год отмечает «обеднение жителей по случаю постоянных неурожаев» в течение последних 6 лет и «пагубное влияние» этого на развитие торговли. Дальнейшее ухудшение состояния крестьян отмечается в отчетах за последующие годы.

Такая же безотрадная картина вырисовывается из отчетов минского губернатора. В конце 40-х годов он указывает, что «крестьяне помещичьи и государственные все с малыми изъятиями — в положении крайне скудном»¹.

Могилевский губернатор в отчетах за 50-е годы также отмечает тяжелое хозяйственное положение крестьян; причину этого он видит в системе отношений: «Сельское хозяйство находится в упадке не столько от дурной почвы и от недостатка удобрения, как от образа управления крестьянами».

В отчете за 1859 год подводятся как бы итоги: «Главная основная причина неудовлетворительного состояния сельского хозяйства заключается в существовании крепостных отношений, вследствие чего крестьяне неохотно обращали свой труд к возделыванию полей, не имея никаких прав собственности на обрабатываемую ими землю. При всеобщей почти бедности крестьян, при которой крепостное право имело здесь характер личного рабства, могилевские помещики вынуждены были снабжать скотом своих крестьян, часто кормить их в продолжение 6 месяцев в году и платить за них казенные подати.

Таким образом, Могилевская губерния приобрела в последнее время репутацию губернии бесплодной, хотя почва в некоторых уездах (Гомельском, Рогачевском, Быховском, Мстиславском) относится к плодородным»².

Феодально-крепостническое хозяйство зашло в тупик, из которого его нельзя было вывести, пока сохранялась крепостная система. Царское правительство было вынуждено признать, что состояние белорусских губерний безвыходное. На докладе белорусского генерал-губернатора

¹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, д. 63, лл. 13, 61; д. 91, лл. 33—34; оп. 5, д. 58, л. 6; оп. 6, д. 67, л. 8; д. 69, лл. 3—6, 159.

² Там же, оп. 6, д. 50, л. 5 об.—6; д. 59, л. 6.

за 1855 год, в котором приводились факты упадка всего хозяйства этих губерний, Николай I сделал приписку: «В Комитет министров с тем, чтобы все господа министры прочли и убедились, в каком страшном положении эти губернии находятся, что одними законными мерами край сей не только никогда не поднимется, но окончательно пропадет; нужны экстренные и крутые меры»¹.

Никакие «вспомоществования» со стороны правительства, даваемые губерниям Белоруссии в деньгах, хлебе, не помогали: они, как капля в море, тонули в массе нехватки и неустроенности.

Ярким показателем упадка сельского хозяйства Белоруссии в 50-е годы и тяжелого положения крестьянства является непрерывный рост недоимок государственных налогов и платежей. Несмотря на неоднократные исключения недоимок и рассрочки платежей, они продолжали из года в год увеличиваться.

Только по Витебской губернии недоимки в конце 40-х—в 50-е годы возрастали следующим образом: в 1847 году — 3 206 694 руб., в 1849 году — 4 261 820, в 1850 году — 4 507 407, в 1854 году — 5 162 821, в 1855 году — 5 354 198, в 1856 году — 5 648 340 руб. В каждом году исключалось в среднем от 40 до 380 тыс. руб. недоимок, а в 1855 было сложено 3 850 418 руб.², однако, как видим, это не остановило их роста. В 1852 году недоимки были рассрочены на 20 лет из-за неурожаев в течение ряда лет (1845—1847 и 1851 годы).

По Могилевской губернии то же самое — неуклонный рост недоимок с конца 40-х годов³: 1845 год — 2 149 865 руб., 1847 год — 2 726 888, 1848 год — 3 064 340, 1849 год — 3 526 463, 1850 год — 3 812 137, 1852 год — 3 957 495 руб.

В отчете за 1854 год могилевский губернатор указывает, что вследствие упадка сельского хозяйства «недоимки возросли до цифры ужасающей»⁴, что никакими мерами нельзя добиться ее погашения.

В 1852 году было рассрочено около 2 700 000 руб. недоимки, в 1856 исключено из платежа до 850 000 руб., однако эти меры не помогали.

¹ ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, д. 12 112, лл. 17—20.

² ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 61, л. 25; д. 63, л. 19.

³ ЦГИА БССР, ф. 1, оп. 1, д. 226, л. 14; ф. 1297, оп. 1, л. 4500, л. 20.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 50, л. 6.

По Минской губернии недоимка в 1852 году составляла 1 160 299 руб. В этом году было исключено более 550 000 руб. недоимки, в 1855 еще снято около 586 000 руб., однако в 1856 году недоимка составила все-таки более 465 000 руб.¹

По Гродненской губернии наблюдался такой же рост недоимок: в 1849 году они составили 852 956 руб., в 1850 году — 915 380, в 1853 году — 991 196, в 1854 году — 1 052 753, в 1855 году — 1 155 942 руб. В 1856 году было исключено до 1 213 400 руб. недоимки, однако она в следующем году составила около 450 000 руб.²

К 1856 году, по данным Министерства внутренних дел, государственные долги и недоимка по помещичьим имениям в губерниях Белоруссии составили 8 млн. руб. (из общей суммы долгов и недоимок по России в 23 млн. руб.), в том числе по Виленской губернии 1 368 935, Витебской 1 667 191, Гродненской 395 766, Минской 601 334, Могилевской 2 455 534 руб.

Из 48 губерний Европейской России более 1 млн. руб. задолженности имели 7 губерний, из них 3 белорусских³. В этом весьма убедительно сказалось губительное воздействие барщинной системы, приведшей к такому катастрофическому положению крепостное хозяйство Белоруссии.

3. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Государственные крестьяне составляли особую категорию зависимого сельскохозяйственного населения России. Их правовое и хозяйственное положение отличалось от положения помещичьих крестьян. Н. М. Дружинин пишет, что «было бы большой ошибкой поставить знак равенства между государственными и помещичьими крестьянами»⁴. Государственные крестьяне имели большую правовую и хозяйственную самостоятельность. Это было обусловлено тем, что право собственности казны на земельные уча-

¹ См. Отчеты минского губернатора за соответствующие годы.

² См. Отчеты гродненского губернатора за соответствующие годы.

³ «Журнал Министерства внутренних дел», 1860, ч. X, стр. 209—210, 221—223.

⁴ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа Б. Д. Киселева. М.—Л., 1946, стр. 33.

стки, которые находились в пользовании государственных крестьян, не имело такой прочной экономической основы и юридической силы, как земельное право помещиков. Вследствие этого государственные крестьяне могли более свободно распоряжаться своими участками. Кроме того, они не находились в такой полной экономической зависимости, как помещичьи крестьяне от своего владельца.¹ Не тяготел над ними неограниченный помещичий произвол; внеэкономическое принуждение, которому подвергались государственные крестьяне, было слабее, чем над помещичьими крестьянами; государственные крестьяне испытывали различные правоограничения, но их взаимоотношения с государством не носили характера полного бесконтрольного подчинения, по сути превращавшего помещичьих крестьян в бесправных рабов.

Прикрепление государственных крестьян к земле также было ограничено юридическими нормами. / Государственным крестьянам предоставлялось законом право менять место жительства и даже переходить в другое состояние. В отличие от помещичьих крестьян им предоставлялись официально некоторые публичные права. /

Н. М. Дружинин полагает, что государственные крестьяне занимали промежуточное положение между помещичьими крестьянами и свободными людьми¹.

Однако их положение было все же неустойчивым, непрочным. Нередкими были случаи раздач, дарений и продажи казенных имений владельцам и превращения государственных крестьян в помещичьих крепостных.

Как уже указывалось выше, категория государственных крестьян Белоруссии сложилась из разнообразных групп зависимого крестьянства.

Общая численность государственных крестьян мужского пола по пяти северо-западным губерниям, по данным 7, 8, 9 и 10-й ревизий, представлена в табл. 20².

По данным 7-й ревизии, у государственных крестьян Белоруссии было земли (см. табл. 21)³:

¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа Б. Д. Киселева, стр. 38.

² Там же, стр. 90—91, 312, 313; П. И. Кенпен. Девятая ревизия, стр. 27—28, 40, 82—85; А. Тройницкий. Крепостное население России по 10-й народной переписи, стр. 49—50.

³ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа Б. Д. Киселева, стр. 90—91.

ТАБЛИЦА 20

Губерния	7-я ревизия	8-я ревизия 1835 г.		9-я ревизия 1851 г.		10-я ревизия 1857 г.	
		число постей	% к числу жителей	число постей	% к числу жителей	число постей	% к числу жителей
Виленская	—	92887	24,0	99484	25,1	105389	24,0
Витебская	39217	66217	17,6	64479	18,2	64317	16,4
Гродненская	35917	122473	30,2	127000	32,5	116635	26,5
Минская	16536	64407	13,7	67928	14,9	67464	13,7
Могилевская	—	378832	7,7	33981	8,3	36990	8,5
Итого		378832		392872		390795	

ТАБЛИЦА 21

Губерния	Земля, десятины	Душ мужского пола
Витебская	276458	39217
Могилевская	30562	5455
Минская	425788	16533
Гродненская	191662	35917

В начале 40-х годов земельные наделы государственных крестьян в белорусских губерниях значительно уменьшились. По степени обеспечения крестьян удобными земельными угодьями губернии Гродненская, Витебская и Минская стоят в ряду самых низкообеспеченных в России. Так, в Гродненской губернии душевой надел составлял 1—2 десятины; в Витебской и Минской губерниях средняя величина душевого земельного надела равна 2—3 десятинам; Виленская и Могилевская имели душевой надел 3—5 десятин.

Такое резкое сокращение земельных наделов объясняется усиленным ростом экономической запашки в 20—30-е годы, вызванной общим процессом быстрой товаризации помещичьего хозяйства, осуществляемой за счет крестьянства.

Все виды повинностей и способы их отбывания определялись в государственных имениях Белоруссии на основе

инвентарей, находившихся в соответствии с общими условиями арендного договора. Однако арендаторы, беря в аренду имение, добивались в казенной палате более выгодных условий аренды и некоторых уступок в свою пользу. В результате содержание инвентарей постепенно менялось по сравнению с первоначальным положением, повинности увеличивались. Не удовлетворяясь такими частичными, «законно» оформленными уступками, арендаторы увеличивали разными способами отработочные повинности в обход условиям арендного договора и инвентарным установкам. Это достигалось назначением дополнительных работ, не засчитываемых в число «пригонных» дней, привлечением крестьян, помимо барщинных дней, к исполнению строительных работ, перевозке тяжестей; широко практиковались также переводы барщинных дней из одной недели в другую.

Тяжелое положение государственных крестьян западных губерний вынуждены были признать даже правительственные чиновники. Так, в отчете Министерства государственных имуществ дана следующая характеристика положения государственных крестьян этих районов в конце 30-х годов: «Их личность, труд, имущество — все принадлежало временным арендаторам, которые за некоторую наддачу на публичных торгах приобретали право истощать имения до последней степени»¹.

Арендная система была тем более тяжела для государственных крестьян Белоруссии, что она соединялась здесь с существованием в казенных имениях барщины. Подавляющее большинство государственных крестьян центральной России находилось на «оброчном положении», в западных же губерниях вплоть до середины 40-х годов государственные имения находились на так называемом «хозяйственном положении». В оброчных государственных имениях центральной России господской запашки не существовало или она была незначительной. В Белоруссии, как и в большинстве государственных имений западных губерний, распространялась экономическая, господская запашка, с ростом товаризации помещичьего хозяйства быстро расширявшаяся в основном за счет крестьянских земель. Крестьяне государственных имений Белоруссии отбывали барщину и

¹ Сборник русского исторического общества, т. 98, стр. 474.

другие отработочные повинности, как и помещичьи крестьяне.

Размеры барщины были чрезвычайно разнообразны во всех государственных имениях в зависимости от местных условий. В каждом имении существовали свои собственные инвентари и арендные кондиции, которые, как уже указывалось, часто менялись при передаче имения новому арендному владельцу. Поэтому проследить изменения барщины в конце XVIII и в течение первой трети XIX века не представляется возможным. Однако архивные и другие материалы свидетельствуют, что под влиянием роста товарно-денежных отношений барщина государственных крестьян в Белоруссии, как и в других западных губерниях, стала непрерывно увеличиваться¹.

Размер барщины устанавливался или с рабочей души или в соответствии с величиной надела.

К началу 40-х годов барщина в государственных имениях Белоруссии достигала 2—3 дней в неделю с рабочей души мужского и женского пола. В других имениях, где размер барщины определялся в зависимости от земельного участка, барщина составляла 4 дня в неделю с волоки земли².

В казенных имениях Белоруссии крестьяне, помимо барщины, отбывали и другие отработочные повинности—сгоны, шарварки, подводы, ночной караул, а также сверх барщинных дней исполняли работу по молотье, вязке сена, рубке дров и др.³

В отличие от великороссийских губерний в XIX веке сохранилась и продуктовая рента: наряду с барщиной крестьяне должны были (платить своим арендаторам натуральную «данину» холстом, пряжей, птицей, яйцами, ягодами, грибами и пр.)

В тех имениях³, где существовала оброчная система, сумма оброка увеличивалась примерно в 1,5 раза, в конце XVIII века она составляла в западных губерниях 4 руб. с ревизской души, а к концу первого десятилетия XIX века выросла до 6 руб. В 1823 году последовало но-

¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа Б. Д. Киселева, стр. 48.

² ЖМГИ, 1844, ч. X, кн. 2, стр. 131.

³ Несколько оброчных имений было в Витебской и Гродненской губерниях. В Могилевской и Минской губерниях все государственные имения находились на барщине.

вое перераспределение оброчных платежей, в результате чего оброк был снова повышен¹. Государственные крестьяне, помимо исполнения повинностей в пользу арендатора, должны были также платить и общегосударственные сборы — подушную подать, денежные сборы на земские нужды: содержание почтовых дорог, устройство, отопление и освещение казарм и пр.

Неоседлые однодворцы западных губерний, кроме того, уплачивали еще специальные местные сборы по 1—2 руб. с ревизской души².

Таким образом, в силу особенностей хозяйственно-правовой организации управления казенных имений в Белоруссии положение государственных крестьян в конце XVIII века и вплоть до 40-х годов XIX века почти не отличалось от положения помещичьих крестьян и было значительно хуже, чем в центральных российских губерниях.

Чиновники, ревизовавшие государственные имения Белоруссии, были вынуждены единодушно признать, что крестьяне этих имений были совершенно истощены произволом арендаторов и находились на грани полного разорения. Казенные палаты были переполнены жалобами крестьян на бесчинства арендаторов — посессоров. Асессоры казенных палат, как показали материалы ревизий, проявляли полную пассивность и равнодушие к крестьянам и поддерживали владельцев, от которых зачастую получали взятки.

Распространенным явлением во всех западных губерниях было неправильное составление инвентарей чиновниками казенных палат в пользу арендаторов. Так, ревизией 1836—1840 годов были обнаружены незаконные махинации при проверке и составлении инвентарей в Витебской губернии. Материалы ревизий и хозяйственные описания государственных имений 30—40-х годов дают картину совершенного разорения и упадка крестьянского хозяйства этих имений. Повсеместно государственные крестьяне Белоруссии испытывали недостаток в земле. По данным ревизии Витебской губернии, почти 42% государственных крестьян имели на ревизскую душу

¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа Б. Д. Киселева, стр. 48—49.

² Полное собрание законов Российской империи, изд. 2-е, т. XXXIV, № 26717.

падел в 1—2 десятины, 25% имели по 2—3 десятины, 15% — по 3—4 десятины и лишь 16% — по 4—6 десятин. Малоземелье явилось результатом социально-политических условий, характерных для дворянского крепостнического государства. Земли государственных крестьян захватывались помещиками соседних казенных имений, а также отбирались под поля самого посессора¹.

Малопродуктивная земля, плохо обработанная деревянной сохой и бороной, почти совершенно неудобренная, давала крайне низкие урожаи в 2—3 зерна. Современники, описывавшие хозяйство государственных крестьян Витебской губернии, рисовали совершенно безотрадную картину².

Недостаток пахотной земли, сенокосов, а также почти полное отсутствие специальных выгонов препятствовали развитию скотоводства. «Скотоводство и коневодство, — писал тот же автор, — без преувеличения можно сказать, находятся у крестьян Витебской губернии в совершенном упадке»³.

В среднем по губернии у государственных крестьян, в 40-е годы было: лошадей — около 24 тыс., т. е. по 1 на 5 душ обоего пола, крупного скота — 31 тыс., т. е. по 1 на 4 души, мелкого — 65 тыс., т. е. по 1 на 2 души.

В таком же положении к 40-м годам оказалось и хозяйство государственных крестьян других губерний Белоруссии.

В государственных имениях Белоруссии так же, как и в помещичьих, широко практиковалась арендаторами отдача крестьян в наем подрядчикам на строительные работы. При сдаче в аренду крупных имений владельцу представлялось право по соглашению с волостным правлением отдавать крестьян в заработки. Арендаторы широко использовали это право и заключали с подрядчиками договоры на выгодных для себя условиях. На этих операциях наживались и арендаторы, которым тайно платили за каждого крестьянина, и подрядчик, который отдавал крестьянам ничтожные суммы. Кроме того,

¹ ЖМГИ, 1842, ч. 6, кн. 2, стр. 150—153; 1864, ч. 10, кн. 2, стр. 115—117.

² Е. Васильев. Хозяйственные заметки о Витебской губернии. (ЖМГИ, 1812, ч. 6, кн. 2, стр. 150—151).

³ Е. Васильев. Обзорение хозяйства государственных крестьян Витебской губернии. (ЖМГИ, 1844, ч. 10, кн. 2, стр. 128).

арендаторы зачастую требовали деньги от крестьян за разрешение отлучаться на заработки ¹.

Недостаток земли, неурожай заставляли государственных крестьян для приобретения средств уходить на заработки — на строительство крепостей, дорог, сплавные работы и в извоз. В Езерицком старостве Витебской губернии в 20-е годы уходило в год до 1600 человек, т. е. почти половина всех работников мужского пола.

О прогрессирующем упадке хозяйства государственных крестьян Белоруссии свидетельствуют из года в год увеличивавшиеся податные недоимки. В конце 20—начале 30-х годов они составили по 5 губерниям Белоруссии 430—440 тыс. руб. серебром, а к началу 40-х годов выросли почти 1,5 раза ². В конце 30—начале 40-х годов недоимки государственных крестьян Могилевской губернии более чем в 3 раза превышали годовой оклад государственных и земских сборов ³.

Хозяйственный упадок государственных имений Белоруссии приводил к общей пауперизации крестьянства, выразившейся в увеличении числа безземельных крестьян, не имевших собственного хозяйства, так называемых «бобылей» (или «кутников»). В Витебской губернии, по данным ревизии 1836—1840 годов, среди государственных крестьян насчитывалось более 1700 бобыльских хозяйств. Только в одном Езерицком старостве, имевшем 11360 ревизских душ, было 1463 бобыльских семейства. Кроме того, до 40—50% было хозяйств, имевших ничтожный земельный надел и едва сводивших концы с концами. Такая же картина наблюдалась в других губерниях Белоруссии. По подсчетам ревизора Минской губернии, здесь $\frac{3}{7}$ государственных крестьян относились к категории «совершенно бедных», $\frac{3}{7}$ были «посредственного состояния» и только $\frac{1}{7}$ могла быть отнесена к «довольно зажиточным» ⁴.

Данные ревизий показали также, что в лучшем состоянии находились крестьяне тех казенных имений, которые состояли на «оброчном положении».

¹ ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 1, д. 1827, лл. 39—40.

² Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа Б. Д. Киселева, стр. 100.

³ Бенекс. Хозяйственные очерки Могилевской, Минской и Волынской губерний. (ЖМГИ, 1845, ч. 12).

⁴ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа Б. Д. Киселева, стр. 106.

Таким образом, назрела настоятельная необходимость предотвратить хозяйственный упадок государственных имений Белоруссии и других западных губерний, ликвидировать в первую очередь арендную систему, а также уменьшить крестьянские повинности и увеличить земельные наделы. Обеднение государственных крестьян, резкое снижение их платежеспособности заставило правительство серьезно задуматься о способах сдержать упадок. Основной причиной, толкавшей государственную власть на реформы, было усиление волнений казенных крестьян.

Особое внимание правительства привлекали казенные крестьяне западных губерний, находившиеся в особенно тяжелом положении. Выступления их принимали острый характер; крестьяне требовали прекращения бесчинств арендаторов — посессоров, перевода на оброк, прибавки земли. Подготовка и проведение реформ управления государственными имениями в западных губерниях были ускорены событиями, развернувшимися здесь в связи с польским национально-освободительным движением в 30-х годах. Боясь обострения политической обстановки в случае, если волнения государственных крестьян сольются с национально-освободительным движением, правительство вынуждено было позаботиться о проведении некоторых реформ в западных губерниях.

Проведение реформ, касающихся управления государственными крестьянами, связано с именем Б. Д. Киселева, назначенного в мае 1836 года руководителем V отделения собственной его императорского величества канцелярии, на которую была возложена задача не только провести реформу управления казенными имуществами, но и разработать общие реформы феодальных отношений. С этого времени Киселев становится главным деятелем по крестьянскому вопросу в течение последующих 20 лет.

Реформа управления государственными имениями проводилась медленно, по частям, затрагивая вначале отдельные казенные имения, а также касаясь различных сторон организации управления. Первой реформой, проведенной еще до назначения Киселева руководителем V отделения, были правила, касавшиеся управления имений, конфискованных у польских помещиков — участников восстания 1830—1831 годов. В основу этих правил были положены предложения, внесенные в записку Киселева, поданную в марте 1835 года, о раздаче поль-

ских имений русским дворянам на основе ленного права и инвентарного регулирования крестьянских повинностей этих имений соответственно размерам и ценности земельных угодий.

Согласно этим правилам, целые имения или отдельные фольварки должны были жаловаться в наследственное владение по праву майората, т. е. без дальнейшего отчуждения и раздробления. Доходы с имения объявлялись неприкосновенными, т. е. не могли быть использованы для уплаты долгов ленного владельца. Казне обеспечивалось получение 5% дохода. Имения предварительно подвергались люстрации, земельные угодья оценивались и облагались «чиншем или работою» по выбору самих крестьян. При составлении инвентарей предписывалось руководствоваться «местными обыкновениями». Дворовые, а постепенно и все безземельные крестьяне получали наделы. Крестьянские повинности точно регламентировались. Производство люстрации возлагалось на комиссию из трех лиц — уездного предводителя дворянства и двух чиновников от Министерства финансов. Полицейская власть в имении вверялась сельской управе в составе ключвойта (бурмистра) и писаря, назначенных владельцем, и двух выборных от крестьян. За крестьянами признавалось право собственности на движимое имущество, наследственное пользование наделом и избрание нового рода жизни (при условии очищения повинностей). Мелкие тяжбы разбирались крестьянским судом, состоявшим из выборных, утвержденных владельцем. Крестьянские жалобы должны были разбираться казенной палатой. Владелец обязан был иметь в имении собственное хозяйство, он лишался права переселять крестьян и не мог обращать крестьянские земли в собственные фольварки «без достаточного вознаграждения другого землею». Дворовые услуги могли выполнять только наемные люди «за вольную цену». На владельце лежала обязанность оказывать крестьянам продовольственную помощь во время неурожая. В случае плохого управления имение переходило в «казенный присмотр» (т. е. под непосредственное управление казенной палаты).

Правила были утверждены Николаем I 22 февраля 1836 года и легли в основу последующей раздачи конфискованных имений.

27 февраля 1839 года был утвержден подготовленный V отделением, возглавляемым Киселевым, проект закона об изменении системы управления государственными крестьянами. Во главе этой системы было поставлено вновь учрежденное Министерство государственных имуществ, первым министром которого был назначен Киселев. В губерниях вместо казенных палат управление государственными имениями осуществлялось палатами государственных имуществ. Третьей ступенью этой системы были окружные управления, затем волостные¹ и сельские управления.

В наказе о компетенции министерства государственных имуществ указывалось на необходимость «ограждать целостность государственных имуществ», вводить улучшения и поднимать их доходность; заботиться о равномерном распределении земли между крестьянами, наблюдать за своевременным и правильным взиманием податей, повинностей и т. п. Основная задача нового управления заключалась в том, чтобы остановить прогрессирующий упадок государственной деревни.

Вслед за тем 28 декабря 1839 года было издано «Учреждение об управлении государственными имуществами в Западном крае», распространявшееся на территорию Белоруссии и Правобережной Украины. Одновременно с этим было издано «Положение о люстрации государственных имуществ западных губерний и Белостокской области»².

На территории Белоруссии и Украины не отменялось «хозяйственное положение». Дело ограничивалось лишь одним требованием: всем временным владельцам государственных имений подчиняться новым органам управления. Однако в основу реформы управления были положены определенные принципы, которые должны были постепенно изменить систему эксплуатации государственных крестьян.

На органы управления государственным имуществом западных губерний возлагалась обязанность, не заменяя барщинных повинностей оброчными, устанавливать повинности с крестьян в соответствии с их доходами, сле-

¹ В западных губерниях, в том числе и Белоруссии, волостных управлений не было.

² Полное собрание законов Российской империи, изд. 2-е, т. XIV, № 130 036.

доть за правильным исчислением доходов с государственных имений.

Вместе с тем в дальнейшем предусматривалось прекращение сдачи государственных имений с торгов, на крестьян распространялось попечительство. Предусматривался также постепенный переход к оброчной системе.

Проводя эти реформы, правительство предполагало, что люстрация вскоре будет закончена, крестьяне будут наделены определенными земельными участками и обложены точно установленными повинностями, а хозяйственное использование имений останется в руках лиц, получивших пожалование или назначенных администраторами.

На палаты западных губерний были возложены прежде всего обязанности по производству люстрации. Палата приводила в действие выработанные люстрационные условия и через каждые 12 лет составляла новые инвентари на основе произведенной переоценки дохода. Значительное место в деятельности палаты занимало систематическое наблюдение за государственными имуществами, находившимися в эксплуатации временных владельцев. По мере окончания люстрации сдача имений в содержание с торгов должна была прекращаться, а имение или переводилось на оброк, или передавалось в администрацию, или поступало в казенное управление.

Переход на оброчное положение мог происходить при наличии трех условий: желания самого сельского общества; его обязательства вносить определенный люстрационным исчислением поземельный оброк (чинш); признание палатою такого способа эксплуатации наиболее удобным и выгодным для казны.

Имение переводилось на оброк, если по недостатку земли было невозможно завести фольварочное хозяйство.

Если на имении накапливалась недоимка в размере годового оклада, то палата делала представление об обращении имения в непосредственное хозяйственное управление впредь до выручки всей недоимки (ст. 334). Это делалось или в форме «администрации» — передачи в управление заслуженным чиновникам или дворянам (ст. 337, 338), или в виде «казенного управления» — назначения управителя из «благонадежных» людей (ст. 348). Первому способу оказывалось предпочтение.

В задачу люстрации входило: точное определение всех земель, распределение земель между экономией и государственными крестьянами, оценка земель, определение крестьянских повинностей, исчисление дохода с имения.

Общее руководство возлагалось на особое люстрационное отделение 2-го департамента Министерства государственных имуществ.

(Крестьяне по люстрации делились на четыре разряда: 1) тяглые (имеющие не менее двух голов рабочего скота), 2) полутяглые (менее этой нормы), 3) огородники (халупники) и 4) бобыли (кутники). Это деление исходило из определенной социально-экономической задачи — по возможности перевести всех крестьян в число тяглых! Для этого нужно было наделить безземельных крестьян полевым наделом, а также обеспечить живым инвентарем)

Таким образом, люстрация сопровождалась массовым земельным переделом, который предполагал наличие достаточного земельного фонда.

Положение о люстрации установило средний размер душевого надела — 3 десятины пашни и 1 десятину сенокоса на ревизскую душу. Как правило, фольварочное хозяйство должно было получать половину той земли, которая была отведена тяглым и полутяглым крестьянам имения. Если фольварку не оставалось достаточно земли, он переводился на оброчное положение.

Казне было важно повысить платежеспособность государственной деревни, остановить процесс разорения и обнищания в западных районах. Дифференциация крестьян игнорировалась установлением 4-десятинного душевого надела. Эта нивелировка шла вразрез с новыми капиталистическими тенденциями, замедляя развитие товарно-денежных отношений в государственной деревне, но зато она останавливала разорение литовско-белорусско-украинского крестьянства. Повинности строго регламентировались.

Сумма годового оброка слагалась из $\frac{1}{3}$ дохода от усадебных, тяглых и общественных земель и из всего оценочного дохода с запасных земель.

Отработочная рента составлялась из «тяглых» и «общих» работ; первые выполнялись тяглыми крестьянами, вторые — всеми крестьянами. К тяглым работам относились хлебопашество и сенокос. Работы эти де-

лились на пригоны и сгоны (полагалось 12 дней с каждого крестьянского двора — 6 с лошадыю, 6 пешком). Общие работы — строительные (шарварки), обработка общественной запашки, ночной караул. Бобыли платили только личный оброк в соответствии со своими заработками.

Единообразное и точное определение наделов и повинностей преследовало определенную цель — покончить с произволом содержателей имений, вывести деревню из состояния упадка.

Однако нормы исчисления барщины были очень высокими, в среднем не менее половины рабочего времени. Таким образом, традиционная трехдневная барщина сохранялась.

Закон 28 декабря 1839 года был шагом вперед по сравнению с правилами 22 февраля 1836 года, так как вводилась государственная регламентация наделов и повинностей.

Таким образом, реформа управления государственными крестьянами в Литве, Белоруссии и на Украине не ограничивалась образованием новых административных учреждений, а сопровождалась важными государственными преобразованиями; оставляя в силе систему отработочной ренты, устанавливала для нее единообразные, строго ограниченные и детально регламентированные рамки. Она не изменила существенно положение крестьян, но явилась исходным пунктом для проведения дальнейших мероприятий министерства Киселева, завершившихся ликвидацией барщинной системы и переводом государственных крестьян на оброк.

Вопрос о ликвидации отработочной ренты в государственных имениях западных губерний получил новую постановку в начале 40-х годов в связи с политикой правительства в районах польского помещичьего землевладения.

В течение 1839—1844 годов генерал-губернатор юго-западного края Д. Г. Бибилов и генерал-губернатор северо-западных губерний М. Я. Миркович делали настойчивые представления царю о необходимости широкого насаждения русских помещиков в подведомственных им районах. В частности, они предлагали превратить государственные имения этих губерний в русские майораты с широкой раздачей их в потомственное вла-

дение русским помещикам за военные и гражданские заслуги.

П. Д. Киселев решительно протестовал против этих проектов, предлагая образовать майоратные владения только из бывших польских имений, приобретенных в казну, а также из тех конфискованных, ленных и поиезуитских имений, которые будут приобретаться в казну из частных рук по тем или иным причинам. Закон о майоратах был утвержден Николаем I 6 декабря 1842 года и был близок к ранее разработанным Киселевым правилам 1836 года¹.

Вместе с тем Киселев считал невозможным осуществление предложения Бибикова о немедленном переводе государственных крестьян с «хозяйственного» положения на оброчное, ссылаясь при этом на неспособность их к исправной и своевременной уплате оброка и на желание крестьян некоторых имений остаться на «хозяйственном» положении. По мнению Киселева, перевод на оброк в широких размерах можно было проводить лишь по окончании люстрации, начатой в 1841 году и рассчитанной на 12 лет, а до тех пор разрешать крестьянам переходить на оброк лишь при условии их хозяйственной благонадежности с их собственного согласия. Однако как необходимость быстрее превращения хозяйственного упадка государственных имений, так и политические обстоятельства заставили правительство ускорить перевод государственных крестьян западных районов России на оброчное положение. Киселеву было поручено подготовить проект правил. 3 апреля 1844 года был утвержден доклад Киселева о переводе казенных имений Киевской, Волынской и Подольской губерний на систему денежного оброка, 10 апреля 1844 года Николай I утвердил второй доклад Киселева о переводе на оброк государственных имений Ковенской, Виленской, Гродненской и Минской губерний.

Именным указом от 4 июня 1845 года эти правила распространялись на Витебскую и Могилевскую губернии. Государственные крестьяне по этим правилам не все сразу переводились на оброк: в первую очередь оброчная система вводилась в имениях с удовлетвори-

¹ Полное собрание законов Российской империи, изд. 2-е, т. XVII, № 16 297.

тельным хозяйственным состоянием; остальные имения переводились на оброк постепенно, но не позже, чем в течение 6 лет после издания закона, а имения с расстроенным хозяйством — только по окончании люстрации. За крестьянами сохранялись существовавшие наделы, предусматривалось также в случае необходимости и возможности увеличение душевого надела до нормы, установленной законом о люстрации. Размеры оброка должны были соответствовать доходу, полученному казной по инвентарям и контрактам.

Для поднятия платежеспособности государственной деревни нуждавшимся крестьянам должны были выдавать пособие на покупку скота, а огородникам и бобылям вырезать земельные наделы.

На фольварках и запасных землях предписывалось образовать общественную запашку, урожай с которой собирался в общественные хлебные магазины, а оставшиеся земли отдавать в аренду сельским обществам или зажиточным крестьянам. Несколько позднее были отменены и даннина, и добавочные работы.

Положение Комитета по делам западных губерний, изданное 26 сентября 1844 года, «О правилах и форме контрактов для казенных имений, временно остающихся на «хозяйственном положении», имело целью поставить администраторов казенных имений западных губерний в более ограниченные и строгие рамки.

По этому положению запрещалось отбирать крестьянские земли, увеличивать повинности и заставлять крестьян работать на собственной земле арендатора. Кроме того, администратор не имел права брать крестьян в дворовые даже при их согласии. В случае захвата крестьянских полей администратором последний уплачивал крестьянам двойной валовой доход с захваченных участков; за излишние работы сверх инвентаря он обязан был платить в четыре раза больше средней нормы оплаты; при использовании крестьян на собственных работах администратор платил им вдвойне. Крестьяне имели право с согласия сельского общества переходить на оброк целыми семьями¹.

Все эти законы имели принципиальное значение. Хозяйственное и в некоторой степени правовое положение

¹ Полное собрание законов Российской империи, изд. 2-е, т. XX, № 18 250-а.

государственных крестьян западных губерний, в том числе и Белоруссии, существенно изменилось. Хотя феодальная зависимость, как и ее основа — монополия на землю государства-вотчинника, сохранялась, однако было смягчено внеэкономическое принуждение, упорядочена система исполнения феодальных повинностей. Особое значение имела ликвидация отработочной реенты и перевод крестьян на оброк, что ставило крестьян в более свободные условия для развертывания их хозяйственной инициативы.

Законы, принятые в 30—40-е годы, укрепили государственный земельный фонд: разделились казенные и частные земли, создана преграда безудержному расхищению государственных земель. Однако важнейшая проблема государственного крестьянства — малоземелье — этими законами не была разрешена.

По положению Комитета по делам западных губерний от 15 декабря 1841 года однодворцы западных губерний, живущие на казенных землях, должны были подчиняться управлению Министерства государственных имуществ и войти в состав сельских обществ. Наряду с государственными крестьянами они были обложены оброком и разными сборами — земским, общественным, продовольственным. В отличие от великороссийских губерний однодворцы западных губерний продолжали уплачивать взамен подушной подымную подать. Запрещались самовольные отлучки однодворцев¹.

Указом 1844 года однодворцы, проживавшие на стороне без установленного документа, должны были возвратиться в места жительства и идти в рекруты².

Неоседлым однодворцам специальным указом было разрешено переходить в городские сословия, поощрялось поступление на военную службу и т. д.

Таким образом, в результате этих указов категория государственных крестьян в западных губерниях пополнилась за счет группы однодворцев, почти не отличавшейся по своему положению от великорусских оброчников.

¹ Полное собрание законов Российской империи, изд. 2-е, т. XVI, № 15 121.

² Там же, т. IX, № 17 634.

Более радикальные меры по изменению хозяйственного положения государственных крестьян западных губерний, в том числе и Белоруссии, диктовались политическими соображениями. Стремясь не допустить разрастания недовольства крестьян и вовлечения их в польское национально-освободительное движение, правительство пошло на проведение решительных мероприятий. Было ликвидировано фольварочное хозяйство, отработочная рента заменена денежной, значительно уменьшилась феодальная рента, несколько расширено крестьянское землепользование.

Итоги люстрации, подведенные к 1 сентября 1854 года, показали следующие размеры повинностей государственных крестьян Белоруссии (табл. 22) ¹.

ТАБЛИЦА 22

Губерния	Сумма повинностей		% уменьшения повинностей	Численность крестьян	Величина душевого оброка, руб.—коп.
	до люстрации, руб.	после люстрации, руб.			
Виленская	423194	204818	51,6	62636	3—27
Витебская	341439	127761	62,5	64723	1—97
Гродненская . . .	442768	290316	34,4	112066	2—45
Минская	210893	149731	29,0	50236	2—77
Могилевская . . .	248696	86917	65,4	33508	2—43

Уменьшение феодальных повинностей заметно облегчило тяжесть повинностей государственных крестьян и способствовало улучшению их хозяйств.

Однако повинности уменьшились не во всех имениях. В результате злоупотреблений администраторов и правительственных чиновников, в результате люстрации за крестьянами утверждались те повышенные повинности, которые самовольно устанавливал владелец. Такое, например, положение сложилось в казенном имении «Сморгонь» Гродненской губернии, это привело к длительной и упорной борьбе сморгонских крестьян ².

Ревизия Могилевской губернии 1848 года показала, что люстрация была одним из источников обогащения чиновников. Обычно крестьяне вначале переводились на

¹ ЦГИАЛ, ф. 384, оп. 12, 1854 г., д. 13 592, лл. 6, 9, 12, 20, 23.

² ЦГИАМ, ф. III отд. I эксп., д. 114, лл. 7—10.

оброк, а через некоторый срок (обычно не менее года) производилась ликвидация феодального хозяйства. В течение этого времени имение оставалось в управлении казны и крестьяне, испытывая двойной гнет, должны были платить оброк и отбывать барщину.

Фактическое уменьшение повинностей произошло только после многочисленных жалоб крестьян на усиление гнета.

Как уже отмечалось, положение о люстрации 1839 года содержало пункт о дополнительном наделении государственных крестьян землей, чтобы приостановить их растущее обнищание; при этом предполагалось произвести уравнильный передел земли с таким расчетом, чтобы душевой надел составил не менее и не более 4 десятин. В связи с переводом крестьян на оброчное положение и ликвидацией фольварочной запашки в государственных имениях увеличение наделов стало возможным провести не путем передела, а в результате прирезки земли из фольварочных угодий. Оставшиеся фольварочные земли частью отводились под общественную запашку, частью сдавались в аренду «вольным людям», дворянам, чиновникам и пр.

В результате этого после окончания люстрации земельные душевые нормы наделов государственных крестьян несколько увеличились. Сравнительные данные за 1843 год (первый год люстрации) и за 1854 год (окончание люстрации) представлены в табл. 23.

ТАБЛИЦА 23

Губерния	Душевой надел в 1843 г.	Общее количество земли в 1854 г.	Прибавлено	% прибавки	Средний душевой надел в 1854 г.	Увеличение душевого надела	% увеличения
Виленская . . .	4,3	450015	70084	15,5	5,58	1,28	30,0
Витебская . . .	1,8	214301	214301	12,5	3,33	1,53	85,0
Гродненская . . .	3,3	504845	57041	11,3	4,50	1,20	36,4
Минская . . .	3,4	228120	29082	12,7	4,50	1,10	32,4
Могилевская . .	3,4	131567	13138	9,9	3,92	0,52	15,3

Наибольший процент увеличения земельного надела был в Витебской губернии. В Виленской, Гродненской и Минской губерниях это увеличение составило около $\frac{1}{3}$ прежнего надела; менее всего увеличился надел в

Могилевской губернии. В целом по белорусским губерниям (за исключением Витебской) земельный душевой надел был значительно выше, чем по юго-западным губерниям: в Киевской он составлял 2,52 десятины, в Подольской — 2,62 десятины, в Волынской — 3,59 десятины.

Проведенные реформы в области хозяйственного управления государственными именьями, несмотря на их половинчатость, все же привели к заметному улучшению хозяйства государственных крестьян.

Это выразилось в увеличении посевов зерновых культур и картофеля, в росте поголовья скота. Сравнительные данные о посевах зерновых культур на землях государственных крестьян за 1843 и 1859 годы представлены в табл. 24.

ТАБЛИЦА 24

Губерния	Посево в 1843 г., четвертей		Посево в 1859 г., четвертей		Посев на ревизскую душу, четвертей	
	озимых	яровых	озимых	яровых	озимых	яровых
Витебская	38595	59248	43461	65899	1,45	1,70
Гродненская	61486	56620	90331	74570	0,91	1,41
Минская	26191	29560	45605	44776	1,37	1,40
Могилевская	18616	34535	26519	43937	1,30	1,89

ТАБЛИЦА 25

Губерния	Количество скота в 1844 г.				Количество скота в 1856 г.			
	крупного		мелкого		крупного		мелкого	
	всего	на ревизскую душу	всего	на ревизскую душу	всего	на ревизскую душу	всего	на ревизскую душу
Витебская	65098	0,95	38769	0,57	37174	1,29	88393	1,32
Гродненская	95282	0,71	138247	1,04	140634	1,02	148198	1,07
Могилевская	33030	0,86	39297	1,02	43844	1,18	61308	1,65

Сравнительная табл. 25 поголовья скота также свидетельствует об улучшении имущественного положения государственных крестьян¹.

¹ Ф. Штукенберг. Статистические труды, ч. 2. СПб, 1860, стр. 12, 14, 27.

В Минской губернии в конце 50-х годов в хозяйствах государственных крестьян насчитывалось следующее количество скота¹: всего наделных участков — 13 064; всего скота: лошадей — 15 070, волов и коров — 55 465, мелкого скота — 98 991; на каждый участок приходилось: лошадей — 1,2, волов и коров — 4,6, мелкого скота — 7,6.

При расчете на ревизскую душу (их считалось 57 596) приходилось скота: крупного — 1,05 головы, мелкого — 1,72 головы.

По Гродненской губернии соответственно²: всего наделных участков — 40 499; всего скота: лошадей — 26 915, волов и коров — 133 948, мелкого скота — 185 196; на каждый участок приходилось: лошадей — 0,6, волов и коров — 3,1, мелкого скота — 4,3.

По подсчетам П. Бобровского, в Гродненской губернии все хозяйства государственных крестьян по количеству рабочего скота делились следующим образом: имеющие 10 и более голов — 1 153 (3%); по 5—10 голов — 5 929 (15%); по 3—5 голов — 17 993 (46%); по 1—2 головы — 11 368 (29%); не имеющие скота — 2 662 (7%).

Следовательно, основная масса крестьян (75%) принадлежала к категории средних хозяйств, лишь 18% хозяйств были более зажиточными, 7% — бедняки, не имеющие рабочего скота.

Все эти данные свидетельствуют о том, что в результате произошедших изменений в хозяйственном управлении государственным имуществом уровень крестьянского хозяйства заметно поднялся. Перевод на оброк и даже умеренная нарезка земли все же приостановили процесс пауперизации белорусской государственной деревни. Это выразилось в уменьшении числа обедневших безземельных хозяйств.

Уменьшение количества разных категорий государственных крестьян после люстрации представлено в табл. 26³.

Общее изменение количества разных категорий крестьян по их имущественному положению выразилось в увеличении хозяйств с полным тяглым участком и, на-

¹ И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 626.

² П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 2, стр. 191.

³ ЦГИАЛ, ф. 384, оп. 12, 1854 г., д. 13 592, лл. 5, 8, 11, 19, 22.

оборот, в уменьшении полутяглых хозяйств и безземельных семейств бобылей.

В результате люстрации, таким образом, был задержан процесс дифференциации государственной деревни, произошла некоторая нивелировка крестьян. Однако развитие товарно-денежных отношений, все более захватывавшее и государственную деревню, неизбежно приводило к ее поляризации. Никакие реформы были не в силах приостановить проникновение капиталистических форм в крестьянское хозяйство.

ТАБЛИЦА 26

Губернии	Тяглые		Полутяглые		Огородники		Бобыли	
	в 1854 г.	изменение	в 1854 г.	изменение	в 1854 г.	изменение	в 1854 г.	изменение
Виленская . .	15748	+1715	3196	—1003	1812	+593	3235	—1305
Витебская . .	10075	+2221	2748	—1799	785	—98	1763	—934
Гродненская . .	25670	+2796	2828	—2112	1446	+135	1973	—858
Минская . . .	9209	+411	2810	—212	867	+57	1061	—22
Могилевская .	7569	+1811	1070	—827	—478	—143	1034	—134

Однако в Белоруссии из-за глубоко зашедшей пауперизации государственной деревни в результате реформ крестьянское хозяйство только выходило из состояния общего упадка; процесс дифференциации крестьянства происходил замедленно и не развился в такой степени, как это было в центральных губерниях России, где среди государственных оброчных крестьян еще в XVIII веке выделялась богатая верхушка.

Ликвидация фольварочного хозяйства, замена барщины оброком, некоторое увеличение земельных наделов способствовали развитию хозяйственной инициативы в среде государственных крестьян. Это выразилось в стремлении улучшить свое хозяйство, повысить его доходность. Крестьяне расчищали кустарники, вспахивали пустоши, осушали болота с целью увеличения пашенных угодий, более зажиточные брали в аренду, помимо наделной земли, дополнительно пашню и сенокосы. В хозяйствах государственных крестьян увеличились площади, занятые под картофель. Если в начале 40-х годов на полях государственных крестьян четырех губерний Белоруссии (Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской) вы-

саживалось в среднем 100—110 тыс. четвертей картофеля, то в конце 50-х годов посадки эти достигали 160—175 тыс. четвертей¹. Крестьяне Витебской губернии расширяли посевы льна для продажи волокна. В хозяйствах зажиточных крестьян начинали сеять кормовые травы — клевер, вику, применялись удобрения (торф, зола), улучшались породы скота.

Усилились рыночные связи государственных крестьян. Для уплаты оброка и вложения средств в хозяйство крестьяне стремились произвести больше сельскохозяйственных продуктов и продать их. Продавали лен, скот, зерновые продукты.

Среди государственных крестьян, получивших в результате перевода на оброк некоторую свободу, развиваются промыслы, главным образом связанные с обработкой древесины, — мочальное производство, гонка смолы и дегтя, изготовление деревянной посуды, колес, саней, а также плотничество.

Об улучшении хозяйственного положения государственных крестьян свидетельствует и то, что некоторые из них участвуют в сельскохозяйственных выставках, организованных Горы-Горецким земледельческим институтом в 50-х годах. Так на выставке 1853 года среди 560 участников, представивших разные предметы, было 483 государственных крестьянина Могилевской (380), Витебской (79) и Минской (24) губерний. Они представили на выставку сортовую пшеницу, льняное и конопляное семя и волокно, мед, воск, лошадей и скот, изделия из кожи — овчины, седла, сапоги, полотна, простое сукно и др.²

Не следует, однако, считать, что после реформ 30—40-х годов государственные крестьяне Белоруссии настолько подняли свое хозяйство, что и в условиях господства феодальной системы стали процветать. Безусловно, по сравнению с помещичьими крестьянами их хозяйство стало развиваться в лучших условиях и заметно возросло. Однако феодальная система давила и на них, малоземелье продолжало существовать, рутинная техника обработки земли не изменилась, низкие урожаи, недостаток скота не давали возможности резко улучшить хозяйство.

¹ См. Приложения к губернаторским отчетам за соответствующие годы.

² Записки Горы-Горецкого земледельческого института, кн. 3. СПб., 1854, стр. 149—180.

4. КРЕСТЬЯНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ

Господство барщинной системы с очень высокой нормой барщинных дней в неделю и большое количество других отработочных повинностей было главной причиной относительно слабого развития в Белоруссии крестьянских неземледельческих промыслов. Однако и здесь среди крестьян существовали различные промысловые занятия как источник получения дополнительных средств, главным образом для заработка денег, необходимых для уплаты государственных налогов, а также для покупки железных орудий, соли.

Издавна все крестьяне занимались изготовлением льняных и суконных тканей для одежды, выделкой овчин для полушубков и рукавиц, плетением лаптей, изготовлением немудреной домашней деревянной утвари — столов, лавок, ложек, чашек, а также орудий труда — цепов для молотбы, топорищ, граблей, рукояток для кос, серпов, примитивных борон и даже сох.

Широко распространенным видом крестьянских промыслов в Белоруссии были лесные промыслы и изготовление различных деревянных изделий. Особенно распространен был лесной промысел в Минской губернии, где большая часть пространства была занята лесами (из общей площади в 8 174 880 десятин леса занимали 3 304 470 десятин, т. е. 40%). Заготовка леса и обработка древесины, отмечает в своей статье «О лесных промыслах в Минской губернии» Бабицкий, «доставляют средства и способы к денежным заработкам для здешних и соседственных жителей»¹. В ряде инвентарей помещичьих и государственных имений Минской губернии указывается, что зимой в свободное от сельскохозяйственных работ время владелец или арендатор отпускает крестьянина на лесоразработки. Иногда крестьяне нанимаются к «промышленникам», покупающим лес для рубки и сплава. В некоторых селениях Борисовского, Мозырского, Речицкого, Бобруйского уездов почти все работники мужского пола уходили на зиму в лесные промыслы на заработки. В инвентарях отмечается также, что работа по заготовке и сплаву леса является почти единственным источником получения де-

¹ ЖМГН. 1851, ч. 41, № 10, стр. 49—65; № 12, стр. 159—188.

нег для уплаты государственных податей, покупки соли, приобретения железных орудий¹.

В начале ноября крестьяне обычно собирались артелями, нанимались к подрядчикам на зимние месяцы, зарабатывая 1—2 руб. серебром в месяц. В лесах заготавливали мачтовый лес и строительные материалы — мачты, шпирь, балки, брусья, колоды, ванчesy, клепку, гонт, тес и др. Лес сплавляли по рекам в прибалтийские порты, главным образом в Ригу, а также в Кременчуг, Одессу, Херсон. Большое количество вывозимого ежегодно леса из Минской губернии может служить здесь показателем объема лесных промыслов. В 1847 году из губернии было вывезено разного леса на 625 тыс. руб.² За 6 лет (1855—1860) — на сумму свыше 4 млн. руб.; смолы, дегтя и скипидара — на сумму 1270 тыс. руб.³

На заготовке и обработке такого количества леса были заняты тысячи крестьян.

В Могилевской и Витебской губерниях лесной промысел был развит меньше.

По всей Белоруссии среди крестьян был распространен и такой промысел, как выгонка смолы, дегтя, изготовление угля, поташа, а также изготовление различных изделий из древесины — телег, саней, колес, бочек, кадок, ведер, дуг, ободьев, теса, досок и т. п. Среди крестьян было довольно много мастеров. Как уже указывалось, каждый крестьянин основные деревянные орудия и предметы бытового обихода изготавливал для себя сам. Во многих инвентарях отмечается, что с разрешения помещика крестьяне занимаются изготовлением таких изделий, «но больше для собственных нужд, при крайней необходимости в деньгах продавая лишь излишки». Телега стоила в 40-е годы 50 коп., сани — 40 коп. Среди барщинных тяглых крестьян изготовление изделий из древесины было распространено меньше: тяглые крестьяне были слишком обременены сельскохозяйственными работами, кроме того, лес был собственностью помещика и отпускался крестьянам по особой просьбе. В большей степени деревянным мастерством занимались «огородники», не имевшие

¹ ЦГИА БССР, ф. 142, дл. 5, 105, 110, 137, 361, 376, 634, 1350, 1543 и др.

² ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, л. 60, л. 30.

³ И. Зелевский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 2, стр. 261.

пашни, для них это занятие зачастую было основным средством существования¹.

Развит был в Минской губернии мочальный промысел, а также гонка смолы, скипидара и легтя, жжение угля, изготовление драни, гонта, теса, досок. Вблизи речных пристаней некоторые крестьяне делали разные суда и лодки.

Промыслы, связанные с обработкой дерева, были распространены и в Могилевской губернии. Особенно широко изготовление кадок, бочек, бадей и другой деревянной посуды, а также саней, повозок, колес, ободьев, самопрялок, веретен, досок, теса, гонта и т. п. было развито в Климовичском, Чаусском и Белицком уездах. Деревянные изделия здесь не только изготовлялись для собственных надобностей и для продажи на местных базарах, предназначались эти изделия также и для внешнего вывоза. В 1831 году, например, из Климовичского уезда было отправлено в Ригу 10 тыс. ободьев. В Климовичском и Рогачевском уездах крестьяне довольно широко занимались также мочально-лубяным промыслом. Мочала, рогожи, циновки изготовлялись специально для продажи. О размерах этого промысла свидетельствуют данные климовичского земского суда о том, что только в 1831 году из уезда было отправлено в Орловскую, Курскую и другие безлесные губернии России до 50 тыс. пудов мочалы².

В 40-е годы из Могилевской губернии отправлялось ежегодно 100 тыс. штук рогож и циновок, изготовленных крестьянами губернии³.

Особенно известен был этим видом промысла в первой половине XIX века Рогачевский уезд. Здесь в имениях помещика Полшина — в деревнях Наспе, Губичах, Забабье, у помещика Башилова — в деревне Гиревичи изготовлением циновок занимались целыми семьями.

Раздирали мочальные лубья для рогож и циновок обычно дети 7—8 лет, а взрослые скручивали ленты для основы и ткали циновки и рогожи.

Рогожи изготовляли крестьяне деревень Недойки, Глазовки, Затонежье и Морозовичи в имении помещика Солтана.

¹ ЦГИА БССР, ф. 142, дд. 376, 388, 550, 1201 и др.; ф. 457, дд. 18, 60 и др.; ф. 1628, дд. 203, 320, 346, 602; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 96, дд. 315, 346, 394, 412, 432, 439 и др.

² ЦГИА БССР, ф. 1, оп. 1, д. 101, лл. 56, 76.

³ «Могилевские губернские ведомости», 1848, № 5.

В этих деревнях за год изготовлялось 30 тыс. штук циновок на 4800 руб. и 24 тыс. штук рогож на 2400 руб. серебром.

Особенно известны были своими циновками государственные крестьяне Кошелевского староства. «Искусство ткать циновки доведено крестьянами Кошелевского сельского общества до возможной степени совершенства», — писал об этом агроном Горы-Горецкого земледельческого института И. Савинич. На первой сельскохозяйственной выставке при Горы-Горецком институте в 1850 году циновки, представленные кошелевскими мастерами, заслужили денежную премию. В Кошелевском старостве в 40-е годы изготовлялось свыше 30—45 тыс. циновок в год на 5500—7700 руб.

Готовые изделия отвозились на ярмарки в Гомель и продавались покупателям из других российских безлесных губерний.

«Для крестьян Могилевской губернии, — пишет Савинич, — мочальная промышленность представляет весьма важные выгоды: 1) приготовление рогож и циновок занимает многие свободные руки в зимнее время; 2) по продаже их на ярмарках крестьяне получают значительную денежную выручку»¹.

По расчетам Савинича, 3 человека, работая в лесу 5—6 недель, готовят до 100 пудов мочалы на свою долю и столько же на уплату помещику за лес. Из этой мочалы изготовлялось за зиму 450 штук циновок в среднем по 16 коп. серебром за каждую — всего на 72 руб. серебром (по 24 руб. на одного работника).

С истреблением большого количества липовых деревьев, необходимых для лубьев, мочальный промысел в Рогачевском уезде стал сокращаться. Владельцы липовых лесов за изготовление лубья брали $\frac{1}{3}$ заготовленных мочал, позже эта цифра возросла до 0,5, а с начала 50-х годов — до $\frac{2}{3}$. Крестьяне ездили за лубьями за 250 и более верст, заготавливали их в Бобруйском уезде в Любовичах, Городце и в Борисовском уезде в имениях Радзивилла. Трудности с заготовкой лубьев заставили многих крестьян оставить этот промысел. Им занимались

¹ И. Савинич. Мочальный промысел поселян Могилевской губернии. (Записки Горы-Горецкого земледельческого института, кн. 3. СПб, 1854, стр. 11—14).

лишь несколько зажиточных крестьянских семей. В 1853 году было изготовлено циновок менее чем на 2 тыс. руб.¹

Некоторые крестьяне Могилевской губернии, особенно в Гомельском имении Белицкого уезда, «поселенные при лесах», гнали смолу на свой счет, но уплачивали владельцу за смоловую лучину «по вольным условиям»².

Здесь же велись работы по заготовке строевого леса и клепки, этим были заняты и крестьяне многих помещиков Могилевской, Витебской и других соседних губерний. Плата за выработку двух выгонов длиной 15—16 футов, толщиной 14 дюймов составляла по 1 руб. в неделю, а за выделку клепки — 3 руб. 50 коп. — 4 руб. в месяц³.

Леса в Могилевской губернии составляли площадь более чем в 1160 тыс. десятин и являлись в 40-е годы важным источником дохода. Ежегодно из губернии вывозилось изделий из древесины на 800 тыс. руб.⁴ Работа по заготовке леса и обработке древесины занимала немало крестьян.

Что касается мастеровых других специальностей, то почти каждое имение все необходимые работы — столярные, плотницкие, кузнечные, а также и каменные, бондарные — производило собственными крестьянами или в порядке использования отработочных повинностей (шарварки), или же, что бывало реже, «по вольному найму». Эти виды ремесла не делали, однако, из крестьян только мастеровых: они занимались этой работой по приказу помещика или же в свободное время для заработков. Основным же их занятием было сельское хозяйство.

В некоторых деревнях крестьяне достигали высокого мастерства в ремеслах. Слобода Ветка Белицкого уезда, например, славилась мастерами каменных дел и столярами, в Могилевском и Копыльском уездах крестьяне выделяли неплохой кафель и изразцы. В некоторых уездах Могилевской губернии крестьяне делали специальную пеньковую пряжу для канатов, продавая ее купцам.

¹ И. Савинич. Мочальный промысел поселян Могилевской губернии. (Записки Горы-Горещкого земледельческого института, кн. 3. СПб, 1854, стр. 4).

² ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, л. 166, л. 13.

³ Там же, л. 248, лл. 5—20.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 4, л. 28, л. 44; оп. 5, л. 32, л. 40; оп. 6, л. 90, л. 141.

Повсюду в Белоруссии изготовляли глиняную посуду, в Сенненском уезде Могилевской губернии — седла¹.

На сельскохозяйственной выставке в Горы-Горецком земледельческом институте в 1853 году среди различных предметов были представлены: седло, изготовленное крестьянином Сенненского уезда Ивановым, опойковые сапоги, сшитые Петром Авакумовым из местечка Горок, поярковые шляпы — крестьянином Гомельского уезда Иваном Раушем, рыболовные сети крестьянина Поташкина из местечка Горок. На выставке были представлены изделия из железа: образцы подков, изготовленные крестьянином Могилевской губернии Филиппом Степановым, машина для нарезки винтов, сделанная крестьянином помещицы Голицыной Максимом Ивановым, глиняная посуда выделки крестьян помещика Гельца. В описании выставки о посуде сказано: «Разнообразная, красивая, изящная и чисто выделанная, недаром пользуется известностью в Могилевской губернии». Представлены были здесь глиняные горшки, сделанные крестьянином Оршанского уезда Никитиным. Из изделий из дерева на выставке были представлены: колеса, изготовленные крестьянином помещика Дондукова Трофимом Корсаковым и крестьянином из Горок Харитоном Сечковым, телега крестьянина Оршанского уезда Моисеева, лодка Данилова, гонт, изготовленный крестьянами Оршанского уезда, а также ложки, вилки и ножи, сделанные крестьянами Минской губернии, ивовые корзины крестьян Минской губернии и другие предметы². Некоторые из этих изделий были удостоены денежных премий.

Однако все эти виды мастерства являлись лишь дополнительным, не основным занятием отдельных крестьян, они не доставляли им постоянного заработка, определявшего промысловое направление развития хозяйства каждого селения, как это было в нечерноземных оброчных районах России.

При относительно слабом развитии постоянных крестьянских промыслов в Белоруссии очень распространены были в XIX веке разные отхожие промыслы. На работу в другие губернии уходили по собственной воле главным

¹ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг. СПб, 1863, стр. 5—32.

² Записки Горы-Горецкого земледельческого института, кн. 3. СПб, 1854, стр. 149—180.

образом государственные крестьяне некоторых имений Витебской губернии. Это было вызвано необходимостью зарабатывать средства на жизнь. Так, например, славились своими навыками к земляным работам государственные крестьяне Езеричского староства Городокского уезда Витебской губернии.

Езеричские землекопы работали по всей России. «Езеричское имение Городокского уезда, — писал Васильев в статье «Обозрение хозяйства государственных крестьян Витебской губернии», — по особенному навыку крестьян к земляным работам много выпускает работников на шоссе в соседние губернии, в горные заводы и другие места, где производятся значительные земляные работы. На этих работах получают от 15 до 20 руб. ассигнациями в месяц, на готовом содержании»¹.

✓ Отходничество на дорожно-строительные работы было распространено также и в Могилевской губернии. Многие витебские и могилевские крестьяне работали на строительстве дорог, проходивших через Белоруссию в 30—40-е годы². Из Могилевской губернии, например, ежегодно уходило на различные земляные работы 10 000 землекопов-крестьян³. Этот вид отходничества меньше был распространен в Минской и Гродненской губерниях.

По Белоруссии был развит и такой вид отхожих работ среди крестьян, как извоз и сплав судов и плотов по рекам. Его развитию способствовало то обстоятельство, что через Белоруссию по Западной Двине, Неману, Припяти и Пине, Березине, Днепру, Сожу и каналам Березинскому, Огинскому сплавливались как местные товары — лес и лесопродукты и хлеб, так и вывозимые из других губерний России. На сплавные работы требовалось немало рабочих рук. Развитие внешней и внутренней торговли в первой половине XIX века, вызванное становлением капиталистических форм хозяйства, очень оживило сообщение по рекам Белоруссии. Увеличилось количество проходящих судов и плотов, это неизбежно привело к росту потребности в судовых рабочих. На сплавные работы занимались крестьяне почти всех деревень, лежавших вдоль сплавных рек. В инвентарях помещичьих и казенных име-

¹ ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, д. 8993.

² Н. Дубенский. Оценка земель Западного края. Могилев, 1865, стр. 49.

³ ЦГИА БССР, ф. 1628, дл. 31, 37, 107, 302, 315, 357, 501, 511 и др.

ний, расположенных неподалеку от больших рек, отмечается, что крестьяне нанимаются на сплав леса и судов, зарабатывая по 3—5—12 руб. серебром за сплав. Для крестьян Витебской губернии источником дохода являлась Западная Двина; многие крестьяне имений, расположенных вдоль реки, нанимались на сплав в Ригу. Крестьяне Могилевской губернии нанимались на «сплав леса и суден по Сожу и Днепру в город Кременчуг». В Минской губернии также был распространен этот вид заработка — по Припяти, Березине и другим рекам. Так, например, из 2000 крестьян мужского пола (в том числе немногим более 1000 работников), числящихся в имении «Холопеничи» Борисовского уезда, ежегодно из многосемейных дворов отправлялись на сплав более 100 человек для заработка денег на уплату податей¹.

В Гродненской губернии тоже существовал этот вид крестьянских заработков².

Из года в год количество судорабочих увеличивалось, особенно в 40—50-е годы. В Могилевской губернии в конце 30 — начале 40-х годов по рекам проходило 300—350 судов и более 300 плотов, на которых было занято до 3500—3800 рабочих. В 1844 году на судах и плотках было уже 11 700 рабочих, в 1848 году — 18 400, в 1849 году — 18 700 рабочих и т. д. В Витебской губернии численность судорабочих в 40—50-е годы была следующей: в конце 30-х годов — 8 тыс., в 1845 году — около 13 тыс., в 1848 году — 25 тыс., в 50-е годы — 30 — 40 тыс. и даже более.

В Минской губернии численность судорабочих выросла с 50—60 тыс. в конце 30-х до 60—70 тыс. в начале 40-х годов и до 100 тыс. в середине 40-х годов.

По Гродненской губернии в начале 40-х годов насчитывалось 5400 рабочих, в 1846 году — 14 тыс., в 1849 году — свыше 22 600, в начале 50-х годов — 26—28 тыс.

Таким образом, всего по Белоруссии в конце 40—50-х годов на сплавных работах было занято в среднем 100—150 тыс. крестьян.

Число отходников на сплавные работы особенно увеличивалось в неурожайные годы. Могилевский губернатор,

¹ ЦГИА БССР, ф. 142, дд. 5, 105, 110, 137, 361, 376, 634, 1543; ф. 457, дд. 144, 157, 181, 196; ф. 1628, дд. 31, 37, 107, 302, 315, 357, 501, 511.

² ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 96, дд. 315, 346, 432 и др.

сообщая в донесении царю в 1829 году о неурожае и недостатке продовольствия в губернии, отмечал, что потребность в хлебе «уменьшается отлучкою поселян в другие губернии для извоза товаров — байдаки, плоты — по рекам Днепру и Сожу».

В конце 30-х годов уездные суды сообщали могилевскому губернатору, что, несмотря на недород, «недостаток в хлебе уменьшается отлучкою поселян на различные промыслы»¹.

«Крестьяне уездов, прилегавших к Двине, — сообщается в описаниях Витебской губернии, — занимаются как наймом на постройку, так и на сплав барок и на гонку леса. Весенний сплав служит им, можно сказать, единственным средством уплаты податей и других денежных повинностей. За сплав в Ригу работник получает от 6 до 8 руб. серебром. Крестьяне Лепельского уезда чаще всего поставляют рабочих для сплава леса из Минской губернии по Березинской системе, Уллой до Двины и на Ригу»².

Широко распространенным видом крестьянских промыслов в Белоруссии был извоз. Почти в каждом инвентаре имений, где доставка закупленных скупщиком в имении сельскохозяйственных продуктов производилась не в счет барщины, указывается, что крестьянам разрешается наниматься к покупателям для доставки продуктов на места склада «по вольному найму», заработанные деньги идут крестьянину. Извозом занимались крестьяне осенью и зимой. Обычно доставку продуктов производили на близкие расстояния — в несколько десятков верст, редко до 200 верст. Только иногда крестьяне нанимались в извозные работы и на далекие рейсы. В некоторых уездах Могилевской губернии крестьяне нанимались на перевозку табака и пеньки из Нежина в Минск, Витебск, Столбцы и Радунь. Крестьяне занимались также перевозкой соли, извести на дальние расстояния³.

Извозничество в 40-е годы достигло в Белоруссии таких размеров, что генерал-губернатор Витебской, Могилевской и Смоленской губерний указывал на необходимость воспретить владельцам отдавать крестьян и лоша-

¹ ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, д. 4500, л. 36.

² Там же, ф. 1, д. 111, лл. 66, 110, 225.

³ Там же, ф. 457, д. 144.

дей в извоз, «так как это совершенно расстраивало их хозяйство»¹.

Большое развитие отходнических крестьянских промыслов, с одной стороны, свидетельствовало о бедности белорусского крестьянства, с другой — являлось показателем проникновения капиталистических отношений в крестьянское хозяйство. Отход в сторонние заработки, даже сезонные, принимая все более широкий и постоянный характер, подтачивал основы натурального замкнутого хозяйства, отрывал работника от земли. Крестьяне приобретали опыт наемного труда.

Чем дальше захватывал процесс товаризации помещичьего хозяйства, тем больше росли крестьянские повинности и неземледельческое отходничество крестьян. Маркс по этому поводу в письме к Вере Засулич писал: «Чтобы экспроприировать земледельцев, совсем не необходимо прогнать их с их земель, как это было в Англии и в других странах... Попробуйте свыше означенной меры урывать с крестьян продукт их сельскохозяйственного труда, — и несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям»².

Связь крестьянского хозяйства с рынком в Белоруссии в первой половине XIX века была еще слаба. В большей степени она существовала среди государственных крестьян и помещичьих оброчных и совсем незначительной была у барщинных крестьян. Особенности социально-экономических условий Белоруссии отрицательно сказывались на развитии товарности крестьянского хозяйства. Значительное преобладание барщинных крестьян, быстрый рост товарности помещичьего хозяйства, низкое плодородие земель в большинстве районов, постоянные тяжелые неурожаи, преобладание в посевах малотоварных зерновых культур (ржи и овса) — все это обусловило незначительную продажу хлеба крестьянами.

В инвентарях помещичьих имений за 30—40-е годы о крестьянах, которые находились на барщине, говорилось, что они продают хлеб «только в урожайные годы», и главным образом осенью, после сбора урожая. Сделанные нами подсчеты получаемого хлеба в среднем крестьянском хозяйстве свидетельствуют о том, что его в

¹ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. 2, стр. 487.

² Архив Маркса — Энгельса, т. I, стр. 274.

обычные годы едва хватало лишь для прокормления крестьянской семьи. В инвентарях также указывается, что продают большей частью «зажиточные хозяева», таких хозяйств среди помещичьих крестьян было очень мало. В основном хлеб продавали оброчные крестьяне, имеющие достаточное количество земли, вынужденные продавать хлеб для получения денег на уплату оброка, а с середины 40-х годов — государственные крестьяне, переведенные на оброчное положение.

Крестьянин имел слишком мало излишков хлеба, которые он мог бы сбывать на рынке. Помещики, стремясь продать свой хлеб, сталкивались с трудностями сбыта из-за слабого спроса, обусловленного узостью внутреннего рынка, именно поэтому они всячески противодействовали крестьянской торговле хлебом. Это достигалось разными способами: помещики стремились пораньше сбывать хлеб на рынок, что приводило к сокращению спроса, а крестьяне, собрав свой урожай позже, уже не могли его продать по более или менее подходящей цене и вынуждены были продавать хлеб по низкой цене; иногда помещики отнимали у крестьян весь хлеб после сбора урожая и этим препятствовали его продаже и т. п. Кроме того, помещичий хлеб, посеянный на лучших землях, обработанных и удобренных, был более высокого качества и покупали его скорее. Там, где было развито винокуренное производство, крестьян открыто грабили «корчмари» (владельцы питейных заведений), скупая у них хлеб за бесценок. В статье, помещенной в «Журнале Министерства государственных имуществ», помещик Витебской губернии Керн так описывал этот способ: торговцы водкой, давая крестьянам в долг водку, после сбора урожая «осенней ночью разъезжая по деревням с бочкой вина», спаивают крестьян и забирают у них по самым произвольным низким ценам хлеб, скот, сено, лен и другие продукты¹.

Характер и глубина связи крестьянского хозяйства с рынком зависели от многих обстоятельств: от качества и количества пашни и сенокосов крестьян, от степени помещичьей эксплуатации, от близости торговых городов и местечек, от степени урожая и т. п. В неурожайные годы, особенно совпадающие с падежами скота, крестьяне

¹ ЖМГИ, 1841, ч. 1, кн. 1, стр. 540.

не могли ничего продать. В большей мере связывались с рынком крестьяне селений, расположенных вблизи городов и местечек или на оживленных торговых дорогах и реках. Крестьяне имений, имевшие немного земли и сенокосов, обремененные барщиной и другими повинностями, меньше выступали на рынке.

Продукты крестьянского хозяйства поступали только на узкий местный рынок. Если помещики Белоруссии, как отмечается в инвентарях, везде продавали свои продукты скупщикам на месте и везли их в крупные торговые города для продажи большими партиями, то крестьяне, по свидетельству тех же инвентарей, продавали продукты своего труда «в ближайших городах и местечках», не далее 20—25 верст и лишь на крупных ярмарках — на более дальние расстояния.

В ряде инвентарей перечисляются продукты, которые крестьяне имели возможность везти на рынок — скот-молодняк, птицу, яйца, сало, грибы, ягоды, домашний холст, овчины. Крестьяне, занимавшиеся ремеслом, продавали (не постоянно) различные изделия: деревянную посуду, орудия, телеги, сани, дуги, колесные ободья и пр. Хлеб как продукт для продажи фигурирует реже. Отсутствие спроса на молочные продукты из-за небольшого количества городских жителей (многие горожане имели свой скот), а также трудности хранения этих продуктов почти исключали их из числа необходимых рынку товаров¹. Эти же продукты перечислены среди товаров, привозимых на местные ярмарки и базары. В донесениях земских исправников об оборотах на небольших ярмарках в Чаусах (Могилевская губерния), Толочине, Бобре, Смольянах, Тихиничах, Городце среди перечисленных товаров значатся еще и хлеб, и крупа, сало, мед, воск, белые грибы, фрукты, а также скот и лошади, затем разные крестьянские изделия — шерстяные кушаки, рукавицы, холст, деревянная и глиняная посуда, лыко и т. п. На ярмарку в Климовичи в 1842 году было привезено разных товаров на 1150 руб., в том числе муки и зерна на 315 руб., сала свиного на 200 руб., воска на 85 руб., рыбы на 90 руб., крестьянского сукна на 60 руб., разных крестьянских изделий на 200 руб. и т. д.²

¹ ЖМГИ, 1846, ч. XXI, стр. 110, 111.

² ЦГИА БССР, ф. 1, оп. 2, д. 167, лл. 6, 16, 18, 36, 40.

Таким образом, именно местные базары и ярмарки являлись тем путем, через который крестьяне втягивались в рыночные связи.

Рост числа этих небольших базаров и ярмарок в Белоруссии, особенно заметный в 40-е годы XIX века, свидетельствует о развитии торговых связей крестьянства. Однако рыночные связи крестьянского хозяйства не были постоянными и широкими. Более постоянный характер носила торговля крестьян, занимавшихся изготовлением определенного вида ремесленных изделий. Такими были рыночные связи крестьян Рогачевского уезда Могилевской губернии, занимавшихся мочальным промыслом, и некоторых других. Характерны в этом отношении рыночные связи в Витебской губернии. Специализация торговли здесь уже определенно выступает в 40-е годы XIX века.

Во многих инвентарях помещичьих и государственных имений Витебской губернии прямо указывается, что крестьяне продают главным образом лен¹. Так, в инвентаре имения «Марцинково» Витебского уезда говорится: «Главнейшим средством к выручке денег для уплаты податей и для домашних расходов у крестьян служит продажа товарного льна, прочие произведения и занятия слишком ограничены и доставляют вовсе незначительное пособие в выручке денег».

В хозяйственных описаниях Витебской губернии также отмечается, что «главный предмет земледельческой промышленности среди крестьян Витебской губернии составляет лен»², «главная отрасль доходов земледельца-крестьянина состоит в возделывании и продаже льна». Развито было льноводство среди государственных крестьян: «Государственные крестьяне, особенно в уездах Себежском, Полоцком, Лепельском, Дриссенском, разводят значительное количество льна, его обделывают весьма многие, как свой, так и скупленный у соседей, отвозят зимним путем в Ригу. Есть хозяева, которые отвозят до 10 берковцев хорошо выделанного льна». «Большинство крестьян сбывают лен и льняное семя на местах своим перекупщикам или торговцам».

Таким образом, связи крестьянского хозяйства Белоруссии с рынком в первой половине XIX века были еще

¹ ЦГИА БССР, ф. 1628, дд. 32, 36, 53, 54, 233, 341, 346, 357, 381, 448, 492, 501, 502, 511.

² ЖМГИ, 1842, ч. XI, кн. 2, стр. 150; 1844, ч. X, кн. 2, стр. 140—141.

слабыми и непостоянными. Быстрая товаризация помещичьего хозяйства в этот период, развивавшаяся за счет усиления феодальной эксплуатации, в значительной мере подавляла товаризацию крестьянского хозяйства. Узость внутреннего рынка, незначительность спроса на сельскохозяйственные продукты также препятствовали росту товарности крестьянского хозяйства.

5. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Изменения, происходившие в крестьянской среде в первой половине XIX века, связанные с углублением имущественного неравенства и появлением элементов социальной дифференциации, были значительным явлением, определявшим уровень социально-экономического развития страны, степень формирования капиталистических отношений.

Господство в Белоруссии барщинной системы эксплуатации крепостных крестьян и ее усиление, вызванное товаризацией помещичьего хозяйства, задерживало процесс разложения крестьянства.

В первой половине XIX века социально-экономическое развитие белорусской деревни проходило в условиях уравнения и роста барщинной повинности. Уравнение барщины, естественно, обуславливалось большим или меньшим уравнением земельных наделов. Такое явление не могло не отразиться на социальном положении крестьянства, приводя к его нивелировке, задерживая развитие имущественной дифференциации и препятствуя процессу его разложения.

Помещики были заинтересованы в сохранении «среднего» крестьянского хозяйства: оно было более или менее способным к существованию в условиях барщинной системы. Помещики поддерживали такое уравнительное состояние крестьян, время от времени перераспределяя земельные наделы, а в годы падежей предоставляя лишившимся скота хозяйствам взаимобразно или за отработку лошадей, волов и иногда коров из своего хозяйства.

Наличие у большинства крестьян Белоруссии земельных наделов, которых хватало только для существования крестьянской семьи и поддержания хозяйства, затрудняло более или менее длительное обогащение отдельных крестьянских хозяйств, выделение их в разряд богачей.

способных эксплуатировать бедных односельчан, препятствуя таким образом расслоению крестьянства. Препятствовало расслоению крестьянства и слабое развитие внутренней торговли, промышленности и крестьянских промыслов в Белоруссии.

Среди факторов, способствующих разложению крестьянства, следует считать и наличие в Минской, Гродненской и Виленской губерниях подворного крестьянского землепользования. Создавались предпосылки для выделения среди крестьянских хозяйств более зажиточных из-за большой неравномерности земельных участков. Так, например, дворным наделом одной и той же величины пользовались крестьянские хозяйства с разным числом работников и едоков. Безусловно, хозяйство, в котором земельный надел приходился на меньшее число душ, могло обеспечить себя лучше, чем то, где земли на душу было меньше. В таком малоземельном многолюдном хозяйстве часть работников, не находя применения в собственном хозяйстве, вынуждена была искать заработков на стороне.

Следовательно, и отход крестьян на сезонные заработки также был непосредственно связан с разложением крестьянства. В. И. Ленин характеризовал отходничество как явление, типичное для переходного периода от феодального способа производства к капиталистическому¹.

Совокупность факторов, благоприятствующих и препятствующих процессу разложения крестьянства, определила степень и глубину его. Однако преобладание в Белоруссии обстоятельств, тормозящих этот процесс, обусловило здесь большую его слабость по сравнению с центральными оброчными, промышленно развитыми губерниями России.

Начальная стадия разложения — имущественная дифференциация уже глубоко проникла в среду белорусского крестьянства.

Изучение инвентарей помещичьих и государственных имений, в которых дается подворное описание крестьянских хозяйств, позволяет проследить имущественное неравенство на всей территории Белоруссии. При этом выясняются следующие закономерности.

Имущественная дифференциация более ярко выразилась в Минской и Гродненской губерниях, где существо-

¹ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 224.

вало подворное крестьянское землепользование. Также более отчетливо она определилась среди оброчных крестьян. Глубже затеты процессом дифференциации государственные имения.

Имущественные различия четче в имениях, расположенных недалеко от торговых пунктов и больших водных и сухопутных торговых путей. Это связано с тем, что в таких селениях крестьяне в большей степени втягивались в рыночные отношения. Имущественная дифференциация более определенно прослеживается в крупных имениях. Она слабее выражена в тех имениях, где отработочные повинности были очень высокими.

По размерам наделов крестьяне Белоруссии в первой половине XIX века делились на три основные категории. Тяглые крестьяне были наделены полным земельным наделом, с них взимались все полагавшиеся повинности.

Среди этой группы выделялись еще полутяглые хозяйства, пользовавшиеся половиной полного надела и отбывавшие половину повинностей.

Огородники — это крестьяне, пользовавшиеся только усадебной и иногда сенокосной землей и отбывавшие только сгоны.

Бобыли (кутники) — крестьяне, не имевшие земли, а иногда и своего угла (халупы) и жившие в хатах других крестьян (в кутках). Огородники обычно имели мелкий скот — овец, свиней, иногда корову или лошадь. Бобыли, как правило, не имели ни скота, ни земледельческого инвентаря.

Сравнительные данные инвентарей дают возможность проследить процесс обезземеливания крестьян. Например, об этом свидетельствуют инвентари имения «Масево» Пружанского уезда за 1814 и 1845 годы (см. табл. 27).

Большое увеличение числа бобыльских дворов произошло в Гомельском имении. Здесь в первом десятилетии XIX века насчитывалось немногим более 340 бобылей. В 1831 году в письме к управляющему владельцу имения Паскевич приказывал 700 бобыльским дворам нарезать земельные участки, дать инвентарь с тем, чтобы засадить эти участки картофелем для винокурения. В конце 50-х годов в имении насчитывалось уже более 1200 душ бобылей, составлявших около 11% общего числа крестьян¹.

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, д. 2, л. 64; оп. 2, д. 166, л. 14; ф. 2241, оп. 1, д. 18.

ТАБЛИЦА 27

1814 г.		1845 г.				
деревня	тяглых дворов	деревня	дворов			
			тяглых	огородников	бобылей	итого
Ольховка	18	Ольховка	18	—	3	21
Масева	24	Масева	31	3	7	41
Бабыя Гора	5	Бабыя Гора	7	—	—	7
Оржешково	35	Оржешково	49	6	5	60
Всего	82	Всего	105	9	15	129

Увеличение огороднических и бобыльских хозяйств в 40—50-е годы характерно для многих имений Белоруссии. Это является важным показателем процесса разложения крестьянства. Например, в имении помещика Валицкого «Езиоры» Гродненского уезда в середине 40-х годов на 364 тяглых двора было 57 огородников и 10 бобыльских хозяйств, составлявших 15,6% всех хозяйств. В имении помещика Хрептовича «Холопеничи» Борисовского уезда из 598 дворов бобыльских было 214 (из них 131 в Холопеничах), т. е. более $\frac{1}{3}$ всех хозяйств. В имении помещика Булгака «Бересневка» Борисовского уезда на 258 тяглых дворов приходилось 49 хозяйств огородников и бобылей (около 16% всего числа дворов), в имении графа Плятера «Свяды» Борисовского уезда на 142 тяглых двора было 43 огородника и бобыля, т. е. более 23%. в имении «Краснобор» того же уезда на 267 тяглых дворов было около 35 огородников и бобылей. В имении графов Юдицких «Лоево» Речницкого уезда на 883 тяглых двора было 27 огородничьих хозяйств и 48 бобыльских, что составляло более 7,6%. В имении «Столин» Пинского уезда из 360 крестьянских дворов 35 было огородников и бобылей и т. д.

Более всего огородничьих хозяйств было в тех имениях, в состав которых входило местечко: обычно в местечках огородники занимались ремеслом, извозом, нанимались на различные работы. В имении «Кубличи» Лепельского уезда, например, в состав которого входило 12 деревень и местечко Кубличи, было 44 тяглых двора, 20

огородников (в местечке) и 8 бобылей. Такая же картина наблюдается в имении «Ушачи» Лепельского уезда и др.

По имению помещика Голынского «Хотимск» в Климовичском уезде, в состав которого входили 2 местечка — Хотимск, Шумячи и 32 деревни, насчитывалось 872 тяглых двора, 36 огородничьих дворов (в местечках), 58 бобыльских (42 из них в местечках) ¹.

Немало безземельных дворов было и в других имениях Могилевской губернии.

В западной и средней частях Белоруссии значительный процент составляли полутяглые хозяйства, пользовавшиеся половиной полного тягольного надела. Такие хозяйства исполняли половинную долю причитавшихся с тягла отработочных повинностей. Полутяглые крестьяне были не в состоянии прокормиться и вынуждены искать заработок на стороне или (в большинстве случаев) наниматься на промышленные предприятия помещика. В имении помещика Пусловского «Хомск» Кобринского уезда на 339 тяглых дворов, пользовавшихся 16-десятинным наделом (в том числе пашни 6—9 десятин), было 93 полутяглых двора, пользовавшихся половинным наделом — 8 десятин (пашни 3—4 десятины). Из числа полутяглых дворов многие работники нанимались на суконную фабрику Пусловского. В имении же Пусловского «Пески» Слонимского уезда также было много полутяглых дворов (71 из 101 тягло), крестьяне этих малоземельных дворов также работали на фабриках ².

Большинство полутяглых и огородничьих дворов в имениях, где не было промышленных предприятий, занималось ремеслами, нанималось в услужение. В имении помещика Прозора «Хойники» Речицкого уезда на 446 тяглых дворов полутяглых насчитывалось 65, бобылей и огородников—79. В инвентаре имения отмечается, что крестьяне, главным образом полутяглые и огородники, занимаются, кроме земледелия, разными заработками и промыслами: «выделкой разных лесных изделий, как-то: ободьев, возовых колес, осинового чина, лубов и прочее, да услужением разными заработками в экономию... Посредством этих заработков крестьяне выручают: тяглые

¹ ЦГИА БССР, ф. 457, д. 152; ф. 1628, д. 346.

² ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 96, дд. 166, 186.

от 10 до 20 руб. серебром на двор, полутяглые и огородники из своего ремесла от 20 до 40 руб.»¹

Всего к концу 50-х годов в помещичьих имениях Минской и Гродненской губерний насчитывалось следующее количество тяглых, огородничьих и бобыльских хозяйств² (табл. 28).

ТАБЛИЦА 28

Категория	Минская губерния		Гродненская губерния	
	число дворов	%	число дворов	%
Тяглые	75210	88,9	34493	90,4
Оброчные	1859	2,2	1547	4,1
Огородники	3413	4,0	1416	3,7
Бобыли	4155	4,9	702	1,8
Итого	84637	100,0	38058	100,0

Увеличение огородников и бобылей было экономически невыгодно для помещичьего барщинного хозяйства, так как с этих безземельных дворов не взимались отработочные повинности. Поэтому помещики стремились уменьшить число огородников и бобылей, раздавая им землю, инвентарь и скот в долг.

В Гомельском имении более чем 700 бобыльским дворами были нарезаны земельные участки по 0,5 десятины для посадки картофеля, сахарной свеклы, посева конопля. Помещик Семковский в своем имении «Дворец» Рогачевского уезда наделил бобылей земельными участками с тем, чтобы требовать с них отработочные повинности. Каждый бобыльский двор получал 1 десятину сенокоса и 0,5 десятины огорода. Получивший землю бобыль обязан был платить оброк в размере 4 руб. в год или отбывать отработочные повинности — 12 дней шарварков, 12 дней огородных и 25 дней по обработке льна, пеньки³.

¹ ЦГИА БССР, ф. 142, д. 550.

² И. Зеленский. Материалы для географии и статистики России. Минская губерния, т. 1, стр. 197; П. Бобровский. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, т. 1, стр. 761.

³ ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, д. 18 455, лл. 51—52; ф. 2240, оп. 2, д. 166, л. 14.

В имении помещика Цеккерта «Усвят» Оршанского уезда из 400 крепостных крестьян 70 человек было бобылей-дворовых, не имеющих ни земли, ни скота, ни инвентаря; помещик держал их «не для прислуги и барского комфорта, а для полезных и необходимых хозяйственных занятий, используя на сельскохозяйственных работах частью за содержание, частью за денежную плату»¹. В инвентаре имения «Сивица» помещика Тышкевича в Минском уезде указывается, что бобыли используются на работах в экономии «за соответственным вознаграждением». При этом экономия наблюдает за тем, «дабы крестьяне, способные к содержанию хозяйства или к службе, кутом не занимались»².

Огородники и бобыли часто использовались в качестве рабочей силы в имении и на промышленных предприятиях: в качестве пастухов, овчаров, скотников, конюхов, лесников, некоторые привлекались для работы на стекольной, полотняной, сахарной мануфактурах.

В имении оршанского помещика Гурко более 60 огородников работали на бумажном и чугунолитейном предприятиях³. На полотняной мануфактуре помещика Бенкендорфа в Чериковском уезде рабочими были исключительно крестьяне-бобыли⁴.

В инвентаре помещика Тышкевича «Логойск» Борисовского уезда говорится: «Бобыли, способные к работам, употребляются на дворовых службах, дети их поступают на полотняный завод»⁵.

Безземельные крестьяне, главным образом бобыли, не имевшие ни инвентаря, ни скота, являлись уже по существу сельскими пролетариями, лично еще зависимыми. Они могли существовать только продажей своей рабочей силы. Кроме применения своего труда в помещичьем хозяйстве, они работали и в хозяйствах зажиточных крестьян. В ряде инвентарей имеются прямые указания на то, что безземельные обедневшие крестьяне работали у богатых крестьян в их хозяйствах или отбывали за них барщинную повинность на помещичьих работах. Эта экс-

¹ ЖМГИ, 1847, ч. XXV, стр. 87.

² ЦГИА БССР, ф. 142, д. 500.

³ Приложение к трудам редакционных комиссий, т. VI, стр. 19.

⁴ Документы и материалы по истории Белоруссии. Минск, 1940, стр. 183.

⁵ ЦГИА БССР, ф. 142, д. 2, л. 24.

плуатация в одних случаях не носит капиталистического характера: бобыли живут на полном содержании у зажиточного крестьянина, работая в его хозяйстве; в других случаях бобыли работают за некоторое вознаграждение деньгами или натурой. В имении «Сивица» в Минском уезде бобыли «занимались службою у зажиточных мало-семейных крестьян за вознаграждение». В имении «Лоево» Речицкого уезда «бобыли и из семейных огородников даются зажиточнейшим крестьянам в здольники и паробки для приучения их к хозяйственным занятиям и потом поступления их в высшие разряды, чем уменьшается число таковых людей, а умножается число тяглых хозяев, полезных для себя и владельцев»¹. В инвентаре имения «Дубокрай» Городокского уезда также отмечается, что огородники и бобыли служат работниками у зажиточных крестьян, исполняя отработочные повинности и работы по собственному их хозяйству².

Своеобразную картину рисуют инвентари имений Дриссенского уезда и западной части Полоцкого уезда Витебской губернии. Во многих помещичьих имениях большинство крестьянских хозяйств — многосемейные дворы, наделенные большим наделом — 20—40 и иногда более десятин земли, большими здесь были и отработочные повинности — 8—12 дней в неделю с двора. Почти каждая такая крестьянская семья имеет работников, в большинстве семейных, которые в посемейном списке в инвентаре включены в состав всей крестьянской семьи. Очевидно, эти работники жили крестьянскими небольшими семьями, не имевшими земли, скота и инвентаря и работавшими за содержание или за долю у более зажиточных односельчан, являясь как бы членами их семейств, почему и включались в общий инвентарный посемейный список³.

Использование труда безземельных крестьян зажиточными свидетельствует об углублении имущественной дифференциации, приведшей к крайнему обеднению части крестьян и превращению их в сельских пролетариев. Процесс этот перерастал в социальный фактор.

Несмотря на нивелирующее воздействие барщинной системы, в первой половине XIX века продолжался про-

¹ ЦГИА БССР, ф. 142, д. 500, л. 2; д. 634, л. 154.

² Там же, ф. 1628, д. 346.

³ Там же, дд. 51—69, 501—519.

цесс выделения из масс среднего крестьянства зажиточных и обедневших хозяйств.

В имении помещика Анджейкозича «Жерной» Волковысского уезда в середине 40-х годов из 62 дворов 49 относилось к категории средних, они имели по 1—2 вола или 1 лошади, 1—2 коровы и несколько голов мелкого скота. 10 хозяйств были бедные, не имели рабочего скота, а некоторые и коров. 3 двора были более зажиточными. Так, крестьянин М. Гончар на 7 душ семьи имел 1 вола, 5 овец; А. Гончар на 8 душ — 1 корову; Кимейко (10 душ) — 2 телки и 4 овцы. В то же время, например, крестьянин Кречко (10 душ) имел 2 лошади, 4 вола, 4 коровы, 8 голов мелкого скота.

В имении «Горностаевичи» Волковысского уезда (112 тяглых дворов) большинство имеет по 1—2 вола, треть хозяйств — по 1 лошади, большинство — по 1 корове, 5—8 голов мелкого скота. Среди крестьян 4 хозяйства — более зажиточные, имеют по 2 лошади, 4 вола, 4—8 голов рогатого скота, 16—28 мелкого и 10—30 колод пчел. 6 хозяйств — без рабочего скота или с 1 волом, некоторые — бескоровные, по 2—3 головы мелкого скота¹.

В имении помещика Пусловского «Хомск» Кобринского уезда на 339 тяглых дворов было 93 полутяглых, не имевших лошадей, а работавших с 1—2 волами; у этих крестьян было мало другого скота. В этом же имении выделялось несколько хозяйств (по 7—9 душ), имевших по 3—4 лошади, 3—4 вола, 6—10 голов рогатого скота и по 12—30 голов мелкого скота.

Особенно заметна имущественная дифференциация в имении графа Хрептовича «Холопеничи» Борисовского уезда. Здесь на 347 барщинных хозяйств и 37 оброчных было 214 бобылей. Среди тяглых крестьян большинство имели по 1—2 лошади, но было и 18 безлошадных дворов. В то же время выделялись зажиточные дворы. В большинстве это были хозяйства оброчных крестьян. Среди них крестьянин Атрахим Байвидович, имевший 7 лошадей и 2 вола, 13 голов крупного рогатого скота, 27 голов мелкого скота, 1 волоку земли, платил оброка 30 руб. в год. Кондрат Дубина также имел 7 лошадей, 8 голов крупного скота, 18 мелкого, 5 колод пчел, 2 вола земли, оброка платил 30 руб. и др.

¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 96, дд. 186, 346.

В имении графа Тышкевича «Плещеницы» Борисовского уезда из 100 тяглых дворов почти все имели по 1—3 вола, 1—2 коровы. По количеству лошадей хозяйства делились на безлошадных (с волами) — 67 хозяйств; хозяйств с 1—2 лошадьми — 25; с 3 лошадьми — 7; по 6 лошадей — 1.

В хозяйстве крестьянина Сымона Хроля было 6 лошадей, 2 вола, 10 голов крупного скота и много мелкого, он считался наиболее богатым среди крестьян имения.

В имении помещика Булгака «Бересневка» Борисовского уезда на 258 тяглых дворов было 49 хозяйств огородников и бобылей, не имевших лошадей и другого скота. Среди тяглых хозяйств, в основном относившихся к средним, были и бедные, имевшие мало скота.

Довольно заметно выделились обедневшие и зажиточные хозяйства в имении «Краснобор» Борисовского уезда. Здесь на 267 тяглых дворов было 33 бобыльских и огородничьих хозяйств; из среды тяглых выделяются 10 зажиточных хозяйств, имевших по 8—12 голов рабочего скота.

В имении «Слободки» Борисовского уезда из 67 тяглых дворов обедневших хозяйств не было: наиболее бедные имеют по 1 лошади или по 2 вола. В имении «Ганцевичи» Борисовского уезда из 27 тяглых дворов наиболее зажиточных, имевших по 8—10 голов рабочего скота, выделилось 2 хозяйства; обедневших, имевших скота меньше, чем у средних хозяев, — 3 хозяйства¹.

Среди 27 крестьянских дворов имения помещика Слотвинского «Логи» Игуменского уезда к середине 40-х годов из среды средних хозяйств выделилось 4 наиболее зажиточных, имевших по 5—6 лошадей, 4—6 волов, 4—8 голов крупного и 15—20 голов мелкого скота. Из них — 2 хозяйства чиншевые, 2 барщинные. Чинш платили по 25—30 руб.²

В некоторых имениях, где крестьяне имели удобные пастбища и сенокосы, выделялись зажиточные хозяйства, которые разводили большое количество скота. Были селения, где крестьяне усиленно занимались пчеловодством. В этом отношении выделился Мозырский уезд. В имении помещика Фурса «Скородно» среди 45 тяглых

¹ ЦГИА БССР, ф. 142, дд. 137, 145.

² Там же, д. 1278.

дворов не выделялись особо бедные: все хозяйства имеют по 2—4 головы рабочего скота (волов), 2—4 коровы, многие имели пчел¹. Наиболее зажиточные, имевшие от 30 до 100 голов скота, для ухода за скотом использовали труд более бедных односельчан. Это и отмечается в инвентаре.

По инвентарю имения помещика Прозора «Хойники» Речницкого уезда, в 1844 году в нем было 446 тяглых дворов, 65 полутяглых, 79 бобыльских. В полутяглых дворах было мало скота, бобыльские совсем его не имели. Среди 42 дворов села Острогляды этого имения было 37 тяглых, 5 огородников, 6 кутников (бобылей). Безлошадных — 28 дворов, по 1 лошади — 2, по 1 лошади и 2—3 вола — 6, по 2—3 лошади и 2—4 вола — 5; 1 хозяйство (крестьянина Семена Данченко) имело 7 лошадей, 4 вола, 5 голов крупного и 20 мелкого скота. 20 дворов из 42 имели коров. В других деревнях этого имения имущественные различия выражены менее четко.

В имении помещика Скирмунта «Альбрехтово» Пинского уезда к концу 40-х годов определялась следующая картина имущественного различия среди 44 крестьянских дворов по обеспеченности лошадьми. Кроме лошадей, все крестьянские дворы имели по 2—3 вола. Безлошадных и по 2 вола было 18 дворов, по 1 лошади и по 2 вола — 10, по 2 лошади и по 2—3 вола — 10, по 3 и более лошадей и по 2—4 вола — 4². Заметная имущественная дифференциация была в имении «Селюты» Витебского уезда, расположенном недалеко от губернского города; многие крестьяне этого имения занимались извозом, нанимались на барки для сплава леса в Ригу. Из 127 дворов здесь выделялось 8 хозяйств наиболее бедных (2 из них безлошадных), имевших по 1 лошади, 1 корове. Кроме того, 5 хозяйств имели по 6—10 лошадей, 1 корове. Другие 5 хозяйств имели по 6—10 лошадей, 6—12 коров, по 8—15 голов мелкого скота. В имении помещика Реутта «Андреево» Полоцкого уезда было 69 тяглых дворов и 15 бобыльских. Крестьяне имения занимались выработкой льна, продавая его на месте и в Риге. Среди тяглых крестьян большинство имели по 2 лошади, 1—2 коровы. Из более бедных можно выделить 4—5 дворов, имевших мало скота и большую семью. 4 двора имели по 3—4 ло-

¹ ЦГИА БССР, ф. 142, д. 361.

² Там же, дд. 550, 1191.

шади, 6—8 коров, по несколько голов мелкого скота. Эти крестьяне имели работников; занимались они выделкой льна, скупая его у своих односельчан, и отвозили его зимой для продажи в Ригу. В имении «Дубокрай» Городокского уезда на 155 тяглых дворов было 59 семейств бобылей. Большинство тяглых крестьян имели по 1—2 лошади и 1—2 коровы на двор, а также по 5—8 голов мелкого скота. 10 хозяйств были беднее средних, имели меньше скота. 7 хозяйств выделились в наиболее зажиточные и имели по 4—6 лошадей, 4—10 коров, до 20 голов мелкого скота. Крестьянин Никон Иванов (9 душ семьи) имел 10 лошадей, 30 голов крупного скота, 32 головы мелкого скота. Агей Степанов (10 душ семьи) имел 6 лошадей, 8 коров, 18 овец, 11 свиней. У таких крестьян, как указывается в инвентаре, «огородники и бобыли служат работниками»¹.

В имении «Усвят» Суражского уезда насчитывалось 653 двора. Каждый двор имел по 1—2 лошади, 2—3 коровы. Бедных хозяйств, имевших по 1 лошади и 1 корове, было немного. Среди наиболее зажиточных выделялись 13 хозяйств, имевших по 4—7 лошадей, 6—12 коров, 10—20 голов мелкого скота.

В имении «Солянец» Лепельского уезда на 233 тяглых двора было 7 огородников, не имевших скота. Все крестьянские хозяйства имели в среднем по 2 лошади, по 1—2 коровы. Только 8 хозяйств наиболее зажиточных имели по 5—8 лошадей, 4—8 коров, по 12—15 голов мелкого скота. Эти хозяйства также использовали труд безземельных огородников.

В имении помещика Шадурского «Видоки» Дриссенского уезда было 78 тяглых дворов и 51 двор бобыльский, 4 хозяйства относились к зажиточным, имели по 5—8 голов рабочего скота, по 5—8 коров. В их хозяйствах работали батраки из бобылей.

На 49 дворов имения «Кляпино» Чериковского уезда Могилевской губернии 40 были средние хозяйства; 5 дворов обедневшие, которые имели по 1 вола, 1 корове; 4 зажиточных двора имели по 4—8 голов рабочего скота, 4—8 крупного, до 15 мелкого. Почти такое же соотношение количества бедных и зажиточных хозяйств среди общей массы средних дворов наблюдается в ряде других име-

¹ ЦГИА БССР, ф. 1628, дд. 315, 346, 501.

ний Могилевской губернии. В имении «Высокое» Могилевского уезда на 112 тяглых дворов было 13 бобыльских, совершенно обедневших; 12 дворов наиболее зажиточных имели 4—8 лошадей, 5—10 коров, по 15—20 голов мелкого скота. Тимофей Федоров (8 душ семьи) имел 10 лошадей, 15 коров, 25 голов мелкого скота, 20 колод пчел¹. В его дворе работали 2 работника из бобылей.

В имении «Рафалово» Могилевского уезда на 24 тяглых двора было 5 бобыльских, 3 богатых хозяйства.

В имении «Люборка» Могилевского уезда богатых дворов было меньше: на 174 тяглых и 27 бобыльских дворов богатых выделилось всего 3 хозяйства, имели они по 5—7 лошадей, 6—7 коров, по 15—30 голов мелкого скота. Большинство хозяйств имело по 1—2 лошади, 1—2 коровы².

В имении помещика Кропоткина «Круглое» Могилевского уезда на 596 тяглых дворов 21 был бобыльский и огородничий, не имевший скота. Преобладали среди тяглых хозяйств средние дворы.

В имении «Малевичи» Рогачевского уезда насчитывалось 135 тяглых дворов и 17 бобыльских. Среди тяглых—10 хозяйств обедневших.

Таким образом, имущественная дифференциация среди крестьян некоторых имений Белоруссии к середине 40-х годов XIX века выражена довольно ярко. Несмотря на нивелирующее воздействие барщинной системы и уравнительную политику помещиков, новые развивавшиеся в феодальном строе социально-экономические факторы — развитие общественного разделения труда, рост товарного обращения и усиленная товаризация помещичьего хозяйства — неизбежно приводили к углублению имущественных различий в среде крестьянства, к появлению элементов разложения.

Из среды средних хозяйств выходили не только разбогатевшие, но выделялись и обедневшие безземельные и малоземельные крестьяне, не имевшие скота.

Зажиточные крестьяне, о которых шла речь выше, — это еще не представители нового класса — сельской буржуазии: это представители экономически более крепких хозяйств, имевших возможность вести расширенное вос-

¹ ЦГИА БССР. ф. 457, дд. 21, 36; ф. 1628, дд. 36, 381, 602.

² Там же, д. 16.

производство благодаря сравнительно высокой хозяйственной обеспеченности. Зажиточность крестьянства не всегда являлась прочной: часть менее богатых семейств, поднявшись благодаря удачному стечению обстоятельств, могла в неблагоприятные годы опять возвратиться к среднему состоянию, однако некоторые, обладавшие значительным количеством скота, в несколько раз превосходящим средний уровень, накопившие достаточно средств, удерживались в таком состоянии прочно. Появ-

ТАБЛИЦА 29

Группа крестьян	1765 г., %	1797 г., %	1837 г., %
Без рабочего скота с 1 волом	23,5	22,6	9,6
С 1 лошадыю или с 2 волами	27,0	30,8	25,5
С 2 лошадыми или 3—4 волами	31,6	19,2	39,8
С 3—4 лошадыми или с 4—6 волами	15,3	26,0	24,7
С 5 и более лошадыми	2,6	1,4	0,4

лялась уже более или менее устойчивая экономическая группа зажиточных крестьян, резко отличавшихся по своему положению от общей массы среднего крестьянства. Такие крестьяне имели возможность (да часто и были вынуждены) использовать в своем хозяйстве труд обедневших односельчан; здесь уже были предпосылки капиталистической эксплуатации.

На основании изучения и сравнения данных хозяйственных описаний крестьянских дворов одного и того же селения за разные периоды первой половины XIX века можно проследить процесс выделения из среды среднего крестьянства крайних групп — зажиточных и обедневших хозяйств. В нашем распоряжении, к сожалению, имеется пока лишь несколько таких сравнительных описаний. Наиболее показательными в этом отношении являются именно «Брожа» Бобруйского староства¹ (табл. 29).

¹ К. Кернажыцкі. Аграрная рэформа ў Бабруйскім старостве і эканамічнае становішча яго насельніцтва з XVII да палавіны XIX стагоддзя, стр. 177.

ТАБЛИЦА 30

Группа крестьян	Хозяйство		Число душ	
	количес- тво	%	количес- тво	%
Бобыли	16	7,0	62	3,4
Без рабочего скота	5	2,1	31	1,8
С 1 головой скота	57	23,6	386	20,8
С 2 головами скота	99	41,1	812	43,3
С 3—4 головами скота . . .	60	25,6	570	31,0
С 5 и больше головами . .	1	0,4	12	0,7
Итого	238	100	1873	100

Рабочих душ		Крупного скота					
количес- во	%	лошадей	%	волос	%	коров	%
25	2,6	—	—	1	0,2	3	0,6
15	1,5	—	—	3	0,4	5	1,0
196	20,1	2	1,9	114	16,5	73	16,0
427	45,1	19	17,7	325	49,8	189	41,9
286	30,1	83	77,6	227	33,5	173	39,7
6	0,6	3	2,8	4	0,6	4	0,8
955	100	107	100	674	100	447	100

Распределение рабочей силы и скота по крестьянским барщинным хозяйствам в имении «Брожа» в 1837 году можно проследить по табл. 30¹.

Еще более яркую картину сосредоточения рабочего скота у зажиточной верхушки крестьянства показывает распределение его у чиншевиков имения «Брожа», составлявших 12,2% общего количества крестьянских хозяйств² (табл. 31).

ТАБЛИЦА 31

Группа крестьян	Хозяйство		Количество душ	Количество рабочих	Земли		Скот					
	количество	%			количество по документам	%	лошадей	%	исков	%	коров	%
Без рабочего скота	5	15,1	18	12	44	7,5	—	—	—	—	—	—
С 1 головой	12	26,3	54	21	228	31,0	6	24,0	13	22,4	22	34,5
С 2 головами	9	27,6	59	30	223	30,8	9	36,0	16	17,6	18	28
С 3 головами	7	21,0	78	28	219	30,7	10	40,0	29	50	24	31,5
Итого	33	100	209	111	714	100	25	100	58	100	65	100

Среди оброчных крестьян беднейшие (15,1% всех хозяйств) имели только 7,5% земли и совершенно не имели скота. Зажиточная группа составляла 21% всех хозяйств, владела 40% лошадей, половиной волов, имела почти треть земли.

Социальное развитие крестьянских хозяйств имения «Масева» Пружанского уезда определяет табл. 32.

Экономическая дифференциация крестьян имения «Масева» выявилась так резко, что наметился уже социальный разрыв между крайними группами — безземельными бобылями и огородниками, не имевшими рабочего скота, и выделившейся группой зажиточных крестьян, составлявшей всего около 3% хозяйств и сосредото-

¹ К. Кернажицкі. Аграрная рэформа ў Бабруйскім старостве і эканамічнае становішча яго насельніцтва з XVII да палавіны XIX стагоддзя, стр. 177.

² Там же, стр. 165.

ТАБЛИЦА 32

Группа крестьян	1814 г.							
	хозяйство		скот					
	количество	%	лошадей	%	волос	%	коров	%
Без рабочего скота								
С 1 лошадыю и 1—2 волами и 2 волами	53	64,6	6	16,6	51	64,0	28	60,0
С 2 лошадыми и 1—2 волами	26	31,8	22	61,4	23	28,5	15	30,1
С 3 лошадыми и 1—2 волами	3	3,6	18	22	6	7,5	4	9,9
Более 3 лошадей и 2 вола								
Итого	82	100	36	100	80	100	47	100

Группа крестьян	1845 г.							
	хозяйство		скот					
	количество	%	лошадей	%	волос	%	коров	%
Без рабочего скота	22	19,3					9	3,1
С 1 лошадыю и 1—2 волами и 2 волами	69	53,0	32	28,8	126	65,3	152	53,0
С 2 лошадыми и 1—2 волами	32	24,8	60	54,0	55	29,9	107	37,0
С 3 лошадыми и 1—2 волами	5	2,1	15	13,6	7	3,7	16	5,5
Более 3 лошадей и 2 вола	1	0,8	4	3,6	2	1,1	5	1,4
Итого	129	100	111	100	190	100	288	100

точивавшей 17% лошадей и 5% волос. Средняя группа крестьян продолжала оставаться господствующей, однако сократилась на 18% за счет выделения беднейших крестьян.

Экономическое разделение крестьянских хозяйств в имении князя Любомирского «Дубровно» в конце 30—начале 40-х годов XIX века также свидетельствует о хозяйственном преобладании небольшой группы зажиточных крестьян¹ (см. табл. 33).

¹ К. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў часы распада феадалізму, стр. 177.

ТАБЛИЦА №

Группы крестьян	Количество, %	Души, %	Земля, %	Денег, %	Коренья, %	Свина, %	Свиньи, %
Бобыли	11,0	4,5	—	—	—	—	—
Безземельные	3,9	4,2	4,2	—	3,7	2,5	2,8
С 1 земельными	21,0	20,1	20,7	9,4	15,3	15,8	16,7
С 2 земельными	26,8	26,1	28,0	24,1	23,5	24,8	24,1
С 3 земельными	19,0	21,0	21,9	25,8	22,3	23,4	22,6
С 4 земельными	9,4	11,1	11,9	17,0	15,2	14,9	14,3
С 5 земельными	8,9	12,7	13,3	23,7	21,0	18,6	19,5
Итого	100	100	100	100	100	100	100

Выделение из среднего крестьянства экономически устойчивой группы зажиточных во второй четверти XIX века в Белоруссии очевидно.

Среди источников обогащения крестьянства помещичьих и государственных имений земледелие играло не главную роль. Большее значение имели занятия выгодными промыслами, торговлей, хозяйственная сметка и изворотливость зажиточных крестьян — предшественников сельской буржуазии, умение использовать неблагоприятные обстоятельства и нажиться за счет односельчан.

Управляющий Гомельским имением в 1834 году отмечал, что среди крестьян имения есть «достаточно мастеровых, фабрикантов и торгашей», которые относятся к зажиточным хозяйствам¹. Среди таких богачей — крестьянин Клим Привалов, который в течение ряда лет ездил в различные города России с товарами Гомельского имения, а затем стал торговать самостоятельно и ездил даже за границу. Крестьянин этого же имения Бытин в 1833 году просил владельца освободить его от «подданства рабства», отмечая в качестве заслуг, что он «16 лет сряду находился в Киеве при нанимаемых лабазах, откуда производил продажу доставляемых от экономий продуктов, выручая за оные значительные суммы». Он стал богатым. В своей просьбе он подчеркивает, что при «возмущении» крестьян имения он в это «не входил» и за его помощь

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, д. 2, л. 202.

владелец обещал ему «свои отеческие милости». Богатые крестьяне начинают противостоять остальной массе крестьян, наживаясь за их счет. В 1838 году отмечалось, что в Гомельском имении расчищенные от зарослей земли были захвачены «богачейшими крестьянами, беднейшие же довольствовались остатками»¹. Витебский помещик Грейфенфельс писал, что зажиточные крестьяне высылали «вместо себя на барщину работников из бедных крестьян»².

Среди зажиточных крестьян Белоруссии были и такие, которые настолько выделились из остальной массы, что их вполне можно назвать представителями крепостной буржуазии.

К таким, например, можно отнести оброчного крестьянина Гомельского имения Кравченко, который жаловался в 1829 году графу Румянцеву на то, что у него «бродягой Корнеем Сидоровым» похищено 20 тыс. руб. (сумма по тому времени весьма значительная). Эти деньги Кравченко пускал в торговый оборот³. Богатые крестьяне давали деньги в рост; крестьянин Климовичского уезда помещика Голынского М. Случанка одолжил рославскому купцу около 2600 руб. Купец, не имея денег для возвращения долга, вынужден был отдать Случанке постоянный двор и 37 десятин земли⁴.

Некоторые крестьяне были сидельцами в корчмах, арендовали трактиры, мельницы, лавки. Питейный откуп в Горы-Горецком имении, например, был приобретен с торгов крестьянами Никифоровым и Власовым, которые получали с него до 50 тыс. руб. годового дохода⁵. Крестьянин помещика Стаховского (Климовичского уезда) арендовал мельницу⁶. Крестьянин Дисненского уезда помещика Плятера Юхновский арендовал мельницу с сукновальной, брал на откуп продажу водки, табака, соли и железа, наживаясь на этом⁷. Юхновский пытался откупиться на волю, предлагая в качестве выкупа 4 тыс. руб.

¹ ЦГИА БССР, ф. 2240, оп. 1, д. 12, л. 126; д. 55, л. 354.

² «Земледельческая газета», 1845, № 28, стр. 221.

³ См.: К. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў часы распаду феадалізму, стр. 159.

⁴ ЦГИА БССР, ф. 1297, оп. 1, д. 17 704, т. 1, лл. 2—11.

⁵ Матэрыялы да гісторыі мануфактур на Беларусі, т. 1. Мінск, 1935, стр. 211.

⁶ ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1841 г., д. 96, лл. 1—2, 15—20.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 17, 1856 г., д. 798, л. 2.

и «усадыбы с заведением», однако ему в этом было отказано.

Некоторые крестьяне постоянно занимались торговлей, приобретая торговые свидетельства. В 30—50-е годы по белорусским губерниям ежегодно выдавалось от 14 до 30 и более свидетельств крестьянам на право торговли¹. Некоторые приобретали даже купеческие гильдейские свидетельства. По данным 8-й ревизии, в 1835 году в Могилевской губернии 3 крестьянина являлись купцами 3-й гильдии².

Богатые крестьяне, как бы их в Белоруссии в первой половине XIX века ни было мало, получают у помещиков все большее признание. Зажиточная группа крестьян начинает соперничать с помещиками. Помещики уже не могут не считаться с зажиточным крестьянством, прибегают к их содействию.

Витебский помещик Грейфенфельс писал, например, что в оброчных имениях Белоруссии так называемые «богатыри» отвлекают бедных крестьян от собственных работ за ничтожные вознаграждения, пользуясь их нуждой, снабжают помощью, за которую втрое обдирают: а в приборную пору имеют в своем распоряжении более подвластных работников, нежели сам владелец». Помещики бывают вынуждены обратиться к «богатырям» за помощью при найме рабочих.

Владельцы вынуждены признать и то, что влияние богатых крестьян на других односельчан настолько растет, что самое лучшее изолировать их от остальных, т. е. поощрять всяческим способом выкуп разбогатевших крестьян на свободу, «иначе богатый, имея сильный перевес и влияние на самих распорядителей, найдет всегда способ творить зло без наказания и тем подаст вредный и соблазнительный пример»³.

Витебский помещик Карпович также указывает на необходимость действовать особыми средствами на богатых крестьян. При этом он советует назначать на должности сельских начальников богатых крестьян из других губерний, зажиточных же крестьян обязать подписками в том, чтобы они не допускали недомок за

¹ ЦГИАЛ, ф. 571, оп. 9, дд. 349, 350.

² Матэрыялы да гісторыі мануфактур на Беларусі, т. I, стр. 239.

³ «Земледельческая газета», 1846, № 30, стр. 244.

крестьянским обществом, что они «не позволяют своему брату... лениться»¹.

Зажиточные крестьяне, по наблюдению помещика Грейфенфельса, выказывали большое тяготение к приобретению грамоты. Так, в его имении богатые родители «сами приводили детей, наперерыв прося принять их в школу»².

Так начинает формироваться новая социальная сила — сельская буржуазия, пока еще не сложившаяся в устойчивую группу.

Следовательно, в первой половине XIX века в Белоруссии, несмотря на тормозящее влияние барщинной системы, под воздействием быстроразвивавшихся товарно-денежных отношений усилился процесс дифференциации крестьянства.

Однако этот процесс заключался лишь в углублении имущественных различий. Социальная сторона процесса дифференциации только намечалась, более интенсивно в социальном плане этот процесс развивался после ликвидации крепостнических отношений.

¹ У. Карпович. Хозяйственные опыты 30-летней практики. СПб, 1837, стр. 26, 289.

² «Земледельческая газета», 1848, № 85, стр. 677.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Господство в Белоруссии барщинной системы в первой половине XIX века препятствовало втягиванию помещичьего хозяйства в капиталистические отношения, служило тормозом в развитии производительных сил. Важнейшее условие разложения феодально-крепостнической системы — применение наемного труда — в помещичьем сельском хозяйстве в течение первой половины XIX века не было развито: наемный труд встречался лишь спорадически. Помещичье хозяйство приспособлялось к новым условиям на старой, отжившей феодальной основе — крепостном труде, что в конечном счете завело его в тупик.

Основой всего производства в первой половине XIX века, как и в предшествовавшее время, продолжало оставаться крестьянское хозяйство. Обеспеченность крепостного крестьянина землей, орудиями производства, его общее физическое состояние определяло возможности для развития крестьянского хозяйства.

В условиях быстрорастущей товарности помещичьих хозяйств Белоруссии, осуществлявшейся путем усиления крепостной эксплуатации в ее наиболее тяжелой и мучительной для крепостных крестьян форме — барщины, производительные силы крестьянских хозяйств неуклонно подрывались. Это выражалось в сокращении крестьянских наделов, в ухудшении крестьянских посевов вследствие отвлечения крестьянина на большую часть времени на работы в помещичьем хозяйстве, в общем физическом вырождении крестьян из-за непомерно возросшей эксплуатации и ухудшения питания. Подтачивалась основа феодально-крепостнической системы хозяйства — существование среднеобеспеченного крестьянского хозяйства,

наделенного таким паделом земли и орудиями производства, которые обеспечивали бы его простое воспроизводство и существование всей крестьянской семьи.

Усиление крепостнической эксплуатации помещичьих крестьян привело к тому, что к середине 40-х годов XIX века четко определилась тенденция прогрессирующего упадка крестьянского хозяйства в большинстве помещичьих имений. Следствием этого явился упадок и помещичьего хозяйства, основой существования которого было крестьянское хозяйство.

В крестьянском хозяйстве этот упадок выражался в резком сокращении обеспеченности скотом, в особенности рабочим, в снижении урожайности, в сокращении посевов, в огромном росте налоговых недоимок, в уменьшении абсолютной численности крестьянского крепостного населения.

✓ В помещичьем хозяйстве Белоруссии упадок в 40—60-х годах проявлялся в падении урожайности и уменьшении поголовья скота, а следовательно, и в сокращении количества товарных сельскохозяйственных продуктов, в резком падении доходности помещичьих имений, в неуклонном росте количества проданных, заложенных в опеку за долги имений, а также в разорении мелких землевладельцев.

Упадок сельскохозяйственного производства заставлял помещиков Белоруссии искать выход из создавшегося положения. Они усиливали предпринимательскую деятельность, основывали новые промышленные предприятия (особенно винокуренные). Одним из широко распространившихся здесь способов освобождения от голодных крестьян и получения некоторых добавочных средств была отдача крепостных крестьян в наем подрядчикам на строительные работы в различные губернии России, особенно на строительство дорог, крепостей, мостов и других сооружений.

Неуклонное падение крестьянского и помещичьего хозяйства в 40—50-е годы означало, что все возможности развития производительных сил в условиях господства крепостнических производственных отношений были исчерпаны, что дальнейшее их развитие уже невозможно, что феодальные отношения превратились в оковы всякого развития, что единственным условием дальнейшего развития была ликвидация этих отношений.

Таким образом, все эти признаки свидетельствовали о том, что феодально-крепостническая система вступила в стадию кризиса.

Кризисное состояние означало, с одной стороны, упадок хозяйства, главным образом сельского, как основы экономического развития в период феодализма. Кризис исключал возможность дальнейшего развития хозяйства в условиях крепостнических отношений.

Вместе с тем кризис феодально-крепостнической системы хозяйства не означал прекращения развития производительных сил вообще. Пришли в упадок и рушились крепостнические формы хозяйства. На их место вступали новые, капиталистические отношения, которые зарождались и развивались, несмотря на сковывавшую их крепостническую систему. Эти отношения развивались в Белоруссии прежде всего в промышленности, в торговле — отраслях хозяйства, в меньшей степени связанных с крепостной системой и имевших возможности для капиталистической эволюции. Вековая традиция, страх перед новым, неизвестным, крепостническая рутинная и неподвижность, боязнь свободного крестьянства приводили к тому, что помещики цеплялись за старую, привычную барщину.

В крестьянской среде в первой половине XIX века и особенно в 40—50-е годы создавались предпосылки для формирования капиталистических отношений. В большей мере этот процесс происходил в среде государственных крестьян, особенно после перевода их на оброчное пользование в середине 40-х годов. Несколько выросли посевные площади государственных крестьян, увеличилось поголовье скота, росла товаризация их хозяйств, проявившаяся в расширении площадей под технические культуры — картофель, лен, в развитии товарного скотоводства, в усилении процесса дифференциации.

В процессе расслоения крестьянства создавались элементы, необходимые для формирования капиталистических отношений. Среди барщинных помещичьих крестьян, составлявших основную массу крестьянства Белоруссии, процесс расслоения происходил медленнее. В социальном отношении все барщинные крестьяне в основном еще представляли единое целое. Однако и здесь товарно-денежные отношения, все больше проникавшие в крестьянское хозяйство, производили свое дей-

ствие: выделялась определенная устойчивая зажиточная группа, пока еще незначительная, а другая беднела, нищала и была вынуждена жить заработками на стороне.

Дифференциации крестьянства Белоруссии, появлению и росту в его среде предпосылок для формирования капиталистических отношений способствовало широкое развитие здесь отходничества на строительные работы, на сплав и в извоз, особенно распространившиеся в 40—50-е годы в период упадка крестьянского хозяйства.

В 50-е годы все больше раздавалось голосов, выступавших за решительные реформы в крепостной системе хозяйства, вплоть до отмены крепостного права.

На такие крайние меры толкали помещиков Белоруссии упадок их собственных и разорение крестьянских хозяйств, а главным образом неуклонный рост крестьянских выступлений против помещиков и крепостничества, вызванный непомерной эксплуатацией и крайне тяжелыми условиями жизни. Чаша терпения крепостных крестьян Белоруссии переполнялась.

Борьба крестьян, не утихавшая в течение первой половины XIX века и достигшая наибольшей силы в конце 40—50-х годов, явилась той силой, которая вынуждала царя и помещиков пойти на отмену крепостного права. Если в течение первой четверти XIX века произошло около 30 наиболее серьезных выступлений крестьян Белоруссии, то во второй четверти их было уже около 83, из них только на 40—50-е годы приходится до 65 выступлений. Крестьянское движение приобрело размах, массовость и остроту.

В. И. Ленин писал, что крепостников и царское правительство заставила взяться за реформу «сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

Неслучайно отмена крепостного права впервые проводилась в белорусских губерниях: здесь для этого создались благоприятные предпосылки — и то, что помещичьи хозяйства были более втянуты в торговлю с Западом, и особенно тяжелые условия для развития сельского хозяйства, создаваемые господством барщинной системы, которые привели хозяйство к глубокому упадку, и подготовленность помещиков и крестьянства к отмене крепостного права рядом реформ (люстрация государственных имуществ, инвентарная реформа и др.), проведенных здесь в 40-х годах.

Весь ход экономического развития выдвигал необходимость капиталистической перестройки сельского хозяйства, которая должна была осуществиться после ликвидации крепостнических отношений. В предшествовавший период четко определился путь, по которому пошло после реформы развитие сельского хозяйства Белоруссии. Это путь буржуазной аграрной эволюции деревни — прусский путь развития, обрекавший на разорение и пролетаризацию беднейшее крестьянство и обеспечивавший развитие крупных помещичьих хозяйств.

2
3
81
16
97

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Помещичье хозяйство	11
1. Помещичье землевладение	11
2. Рост товарности	23
3. Помещичья рационализация	54
4. Вотчинная промышленность	74
5. Упадок помещичьего хозяйства	97
Глава II. Крестьянское хозяйство	109
1. Категории крестьян	109
2. Помещичьи крестьяне	115
3. Государственные крестьяне	158
4. Крестьянские промыслы	181
5. Дифференциация крестьянства	194
Заключение	215

ЧЕПКО ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО БЕЛОРУССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Издательство «Наука и техника»
Минск, Ленинский проспект, 68

Редактор издательства Г. Вольская
Художник В. Зеленов
Художественный редактор Н. Еременова
Технический редактор В. Станчук
Корректор А. Логинович

АТ 04265. Сдано в набор 4/1-66 г. Подписано
к печати 16/11-66 г. Тираж 1.000 экз. Бум. тип. № 2.
Формат 84×108¹/₂. Физ. печ. листов 6,875. Усл. печ.
листов 11,275. Уч.-изд. листов 11,83. Изд. заказ 35.
Тип. заказ 7. Цена 71 коп.

Типография научно-технической литературы
издательства «Наука и техника» АН БССР
и Комитета по печати при Совете Министров БССР
Минск, Ленинский проспект, 68